

БИОГРАФИЯ

Фефелов Валерий Андреевич, родился в 1949 году в небольшом старинном русском городке Юрьев-Польском Владимирской области, в 200 км к северу от Москвы. Получил среднее образование. Сначала работал киномехаником в городском кинотеатре, затем устроился работать электромонтером. В 1966 г., по вине администрации предприятия (нарушение техники безопасности) попал в аварию. Произошло это при следующих обстоятельствах: мастер послал В. Фефелова работать на необесточенную линию электропередач, в результате чего он упал с опоры и при падении сломал позвоночник. С тех пор передвигается только на креслоколяске.

Зная по собственному опыту, как тяжело жить в Сов. Союзе инвалидам, а с годами все больше понимая лживость советской пропаганды о том, будто в СССР полностью соблюдаются все социально-экономические права граждан, В. Фефелов пришел к мнению, что изменить положение инва-

В. А. Фелов

лидов в СССР могут только сами инвалиды. В 1978 году он и несколько его друзей-инвалидов создали в СССР Инициативную Группу защиты прав инвалидов. Сразу после ее образования Группа стала подвергаться постоянным преследованиям со стороны властей и КГБ — шантаж, обыски, задержания, угрозы заключения в тюрьму и т. д. Только в квартире В. Фефелова сотрудниками КГБ было произведено 5 обысков с конфискацией всех материалов, имеющих отношение к положению инвалидов в СССР. Видя, что работа Группы не только не прекращается, но приобретает все больший авторитет среди инвалидов, власти решили избавиться от одного из наиболее активных ее членов. Выбор пал на В. Фефелова. В мае 1982 года против него было возбуждено уголовное дело по статье "сопротивление властям", предусматривающей срок лишения свободы до 5-ти лет. Затем к нему на квартиру последовали наиболее частые визиты сотрудников КГБ с предложениями выехать из СССР, в противном случае угрожая предать его суду. В октябре того же года В. Фефелов покинул страну. В настоящее время живет во Франкфурте на Майне (Западная Германия) и работает в Международном Обществе защиты прав человека где, помимо основной работы, продолжает заниматься проблемой защиты прав инвалидов в Советском Союзе.

*Посвящается моему другу
Юрию Киселеву*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Замысел написать исследование об инвалидах в СССР и о положении их в обществе был у меня давно. Еще находясь в Советском Союзе, я пытался вести дневник моих наблюдений и впечатлений об их жизни, чтобы в дальнейшем его использовать для более объемного повествования. Но постоянные обыски в моей квартире сотрудниками КГБ, во время которых изымались все материалы, имеющие хоть малейшее упоминание об инвалидах в СССР, вынудили меня от ведения дневника отказаться. Поэтому уже сейчас некоторые впечатления изгладились в памяти, многие фамилии и даты забылись. Здесь, на Западе, встречаясь с представителями организаций по делам инвалидов и их реабилитации, я понял, насколько важно рассказать им о судьбе инвалидов в Советском Союзе. Да и не только здесь, на Западе, даже в Советском Союзе люди почти ничего не знают об этом. Важно это и потому, что речь в данном случае идет не о сотнях или даже тысячах людей, а о миллионах людей, бесправных и униженных той системой, в которой они родились, выросли и существуют.

Я не претендую на полноту своего исследования и надеюсь, что меня дополнят более талантливые наблюдатели и социологи, кому в той или иной степени известна структура советского общества.

Глава 1

ОБЩЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ ИНВАЛИДОВ В СССР

С чем сталкивается человек, по воле обстоятельств ставший инвалидом? Какие насущные проблемы он должен решить? Тема эта всегда была актуальной для каждого человека с физической ограниченностью, еще хуже — неподвижностью. Человек, ставший в СССР инвалидом, сразу попадает в зависимость от многих обстоятельств, даже от таких мелочей, которые здоровые люди обычно не замечают. Например, парализованный инвалид на коляске в СССР не может беспрепятственно переехать улицу, заехать в какое-нибудь административное или общественное учреждение (библиотеку, кинотеатр, музей и т. д.). Да и просто, чтобы спуститься по лестнице своего дома и выйти на улицу, ему нужна посторонняя помощь. Гораздо хуже обстоит дело, когда нужно найти средства для покупки себе самого необходимого — будь то продукты, одежда и т. д. В СССР существуют достаточно обширные категории инвалидов, на которые не рас-

пространяется даже социальное обеспечение. Многие получают пособия и пенсии в несколько раз ниже прожиточного минимума.

Прожив в СССР инвалидом более 16-ти лет, я могу сказать: практически каждый инвалид каждый день решает эти неразрешимые для него проблемы (за исключением, разве, инвалидов из высших слоев партаппарата). Эти проблемы возникают сразу, с того момента, когда человек в тяжелом состоянии попадает в больницу, где медицинский персонал, включая главврачей, в большинстве случаев, и особенно в провинции, даже не знает, как обращаться с тяжелобольными. Вот как сами инвалиды описывают состояние медицины в СССР.

Пишет Ф. Хусаинов из г. Чистополя, ставший инвалидом в 1969 году:

”...В СССР только в нескольких городах имеются специализированные отделения для лечения таких, например, больных, как с травмами позвоночника и спинного мозга. Но и там лечение поставлено на очень низком уровне, не отвечающем сегодняшним требованиям медицины. В этих отделениях научные исследования ведутся очень медленно, и они далеки от практического применения. В основном же подавляющее большинство больных попадает в местные больницы общего назначения, где нет специалистов этого профиля, поэтому они не могут получить нужного лечения и ухода. И даже наоборот, зачастую из-за неправильного лечения болезнь еще более прогрессирует, приводит к еще более глубоким нарушениям жизненно важных функций организма. Появляются пролежни, с этими пролежнями больного выписывают домой на догнивание. На этом все так называемое ”лечение” и заканчивается...”

Ф. Хусаинову пришлось пережить все беды, какие только могут обрушиться на парализованного инвалида. Сразу, после травмы позвоночника, он попал в центральную больницу г. Чистополя. Врачи пришли к мнению, что ему оста-

лось жить не больше недели (это почти обычное отношение врачей к людям с такой травмой). Но шли недели, месяцы, а он не умирал. У него образовались большие пр. лежни. Но врачи и на это не обращали внимания, даже во время обхода его сторонились. Ф. Хусаинов продолжает:

”...На моих глазах умерло несколько парализованных больных, но умерли они не от паралича, а от воспаления легких, потому что за ними не было никакого ухода — сутками лежали они мокрые при открытых форточках, а постели меняли только перед обходом врача. Если изредка приходили комиссии из горздравотдела или еще откуда, то врачи об этом знали уже заранее и наводили идеальный порядок. Едва комиссия уходила, все начиналось по-старому. Все это называется у нас ”бесплатной, высококвалифицированной, всем доступной медицинской помощью”.

Вспоминаю и я: когда меня, тоже с травмой позвоночника, привезли в районную больницу г. Юрьев-Польского, меня поместили в коридоре, поскольку мест в палатах не было. Несколько дней пролежал я всеми забытый. Главный врач этой больницы А. Молчанов (он же был и заведующим хирургическим отделением) заявил моим родственникам: ”Все равно не проживет и двух недель, так что можете с ним прощаться, а если хотите, — добавил он цинично, — можете и водочки ему принести...”. На 3-й день приехала врач из областной больницы г. Владимира и меня стали готовить к операции. Операция длилась 4 часа и все это время областной врач ругала ассистировавшего ей А. Молчанова за то, что в больнице нет даже инструментов для проведения такой операции... Дальнейшее мое пребывание в больнице свелось к тому, чтобы научить меня сидеть, после чего меня должны были отправить либо к родственникам, либо в дом инвалидов.

Это только краткое изложение моего пребывания в больнице. Но что было каждый день — трудно поддается описанию. Впрочем, картина эта знакома многим: когда медицин-

ский уход плохой, когда часами невозможно дождаться санитарки или медсестры, в палате холодно, лекарств не хватает и т. д. Мне часто приходилось просить родственников или просто знакомых людей, чтобы они купили лекарства в аптеке или достали "по блату".

Что уж говорить об инвалидах, если для здоровых и даже "уважаемых" людей в Советском Союзе ситуация с лечением обстоит не лучшим образом. В одном из недавних номеров "Литературная газета" вдруг разрешилась статьей, которая тоже проливает какой-то свет на положение медицины в СССР. Статья, которая называется "Травма", рассказывает о том, как автор этой статьи, писатель Борис Можаяев более 3-х месяцев в разных клиниках страны не мог вылечить перелом руки. Так и ездил он все эти три месяца из одного города в другой*. Но, как пишет сам Б. Можаяев, не это главное, больше всего ему запомнились не кабинеты, не перевязочные и даже не палаты, а... больничные коридоры.

"Не только в палатах, но и здесь дают консультации врачи, пойманные за полы халатов, — пишет Б. Можаяев, — и здесь пьют и едят, как в столовых; спят и стоят в очереди к туалету... В коридоре, возле толстых, обмотанных асбестом труб, идущих от бойлерной, мне накладывали гипсовую повязку в одной городской больнице г. Москвы..."

А вот как пишет Б. Можаяев о клинике им. Сеппо, которая находится в столице Эстонии Таллине:

"Там не только все коридоры заставлены койками с больными, но даже лестничные площадки и пяточки перед умывальной... там даже лифта нет, а оперированных носят по узким лестничным маршам временные рабочие или, как их можно еще назвать, не знаю, — это люди, находящиеся на излечении в алкогольном профилактории. Благо они нашлись. А то сами врачи носили. Сначала операцию сделают,

* "Литературная газета", 19 сентября 1984 г.

потом берутся за носилки, и пошел с четвертого этажа на второй. ... На весь этаж для больных и врачей имеется всего одна уборная и один умывальник на два соска, где и белье стирают... а умываться по очереди: с семи до восьми — женщины, с восьми до девяти — мужчины”.

Клиника им. Сеппо — известная центральная клиника травматологии Эстонии. За разработку и внедрение фиксаторов Сеппо клиника получила премию Совета министров СССР 1983 года. (Правда, быть может только потому, что запросы на поставку этих фиксаторов стали поступать из некоторых западных стран.) Таким образом, если даже в клиниках республиканского значения происходит нечто столь невероятное, можно себе представить, что же тогда делается в провинциальных больницах!.. ”Приехал я на 4-й день в больницу, повязка растрепалась, рука распухла, — говорит Б. Можяев, — исправьте”. — ”Мы не обязаны каждую неделю повязки менять по прихоти больного, — отвечает врач, — бинт экономить надо...”

Естественно, что последствия такого ”лечения” необратимы. Б. Можяев так продолжает свое повествование на страницах ”Литературной газеты”:

”Я вспомнил, что сестра моего соседа в селе ходит с кривой рукой после перелома — инвалид, и у тетки жены его тоже рука кривая, и у Натальи Сорокиной, что напротив меня, нога срослась неровно, год как хромает, с палкой ходит. ”Наталья, сколько вас в больнице продержали?” — ”Не взяли меня в больницу ни в Серпухове, ни в Протвине”. — ”Как так?” — ”Так вот... Туда привезли — и смотреть не стали: нету мест. И тут не берут. Дочь плачет, а я три дня в коридоре провалялась. Шприцем мне кровь откачали — шишка была. Потом наляпали гипсу. Говорят, езжайте домой. Через полтора месяца приехали, сняли гипс — нога кривая”. Вспомнил я и соседа по койке, аспиранта из Пущина. Три месяца пролежал он в прошлом году в гипсе после операции связок ноги. И снова пришел с этими же связками. Не сшили в прошлом году, авось сошьют в этом”.

Видя катастрофически низкий уровень советской медицины, особенно в сравнении с мировыми стандартами, некоторые люди стараются получить возможность пройти курс лечения на Западе. Ведь специальные клиники и больницы с современным оборудованием и широким выбором лекарств, где палата может быть только на одного человека и т. д. существуют в Советском Союзе лишь для высших партийных и государственных работников. Передо мною письмо рабочего из г. Троицка Московской области. Более 4-х лет он пытался получить разрешение от советских властей на поездку во Францию, чтобы там вылечить свою маленькую дочь. Все оказалось напрасно. После долгих хождений по разным инстанциям ему, наконец, сказали в одном из официальных учреждений: "Мы никогда не позволим Западу наживать политический капитал на лечении вашего ребенка, даже если ребенку это будет стоить жизни".

Продолжая разговор о медицинском обслуживании в СССР, следует сказать, что в стране нет специализированных санаториев для инвалидов с нарушениями двигательных функций, а в те несколько санаториев для больных с травмами позвоночника, из-за недостатка в них мест, могут попасть только немногие. В этой связи мне вспоминается следующий эпизод. Когда в 1978 году мы основали Инициативную Группу защиты прав инвалидов в СССР*, ко мне стали часто приходить сотрудники КГБ с угрозами и требованиями, чтобы я прекратил деятельность в защиту прав инвалидов. Несколько таких "делегаций" возглавлял полковник Управления КГБ г. Владимира А. И. Шибаев.

— В своих документах вы, Валерий Андреевич, извращаете факты, — однажды заявил Шибаев.

— Например? — спросил я.

— Вы пишете, что инвалиды в СССР могут попасть в санаторий один раз в 10 лет.

— А как нужно считать?

— Один раз в 12 лет!.. — сказал полковник Шибаев.

* См. главу "Создание Инициативной Группы защиты прав инвалидов в СССР".

Рассматривая вопрос о социальном обслуживании инвалидов в СССР, необходимо отметить, что все инвалиды разделяются на 3 основные категории:

1. Инвалиды войны и Армии.
2. Инвалиды труда.
3. Инвалиды общего заболевания.

В число последних входят: а) инвалиды детства; б) инвалиды случая; в) инвалиды, ставшие таковыми за время заключения. (См. главу "Инвалиды-заключенные".)

Помимо этого, все инвалиды разделяются на 3 группы, в зависимости от тяжести увечий.

I-я группа, когда человек потерял 100% трудоспособности (парализованные, не имеющие конечностей, миопаты и т. п.).

II-я группа, когда утеряна примерно половина трудоспособности (серьезная травма кисти руки, травма головы и т. п.).

III-я группа самая легкая (нет пальцев на руках, частичная потеря зрения и т. п.).

В соответствии с этим разделением инвалидов на категории и группы в результате наиболее необеспеченной категорией оказывается самая многочисленная категория — инвалиды общего заболевания и инвалиды с тяжелыми увечьями и поражениями двигательных функций. Сколько таких инвалидов в СССР — официальной статистики нет. Однажды мы спросили лектора, читающего доклад на медицинскую тему, сколько в Советском Союзе парализованных инвалидов. Он ответил: три миллиона. Это был единственный ответ, другие лекторы, в том числе врачи, уклоняются от ответа на этот вопрос.

Основным источником существования людей, потерявших трудоспособность, является пенсия. Однако пенсии по инвалидности — так же как и пенсии по старости — низки, они практически не обеспечивают инвалиду и его семье элементарного прожиточного минимума. Например, инвалидам, не имеющим полного трудового стажа, пенсия назначается в размере, пропорциональном стажу; в случае отсутствия

стажа выплачиваются пенсионные пособия. Для инвалидов I группы они составляют 30 рублей в месяц, для II группы — 25 рублей в месяц. (Основной категорией этих людей являются инвалиды детства.) Вот как обстоит дело с выплатой пенсий другим категориям инвалидов:

Пенсии рабочим и служащим, утратившим трудоспособность вследствие трудового увечья или профзаболевания

Минимальный размер пенсии:

для I группы — 75 руб., для II — 45 руб., для III — 25 руб.

Максимальный размер пенсии:

для I и II групп — 120 руб., для III — 60 руб.

Пенсии рабочим и служащим, утратившим трудоспособность вследствие общего заболевания

Минимальный размер пенсии:

для I группы 75 руб., для II — 45 руб., для III — 21 руб.

Максимальный размер пенсии:

для I и II групп — 120 руб., для III — 60 руб.

Пенсии военнослужащим рядового состава срочной службы, ставшим инвалидами при прохождении службы в Армии.*

Минимальный размер пенсии:

для I группы — 70 руб., для II — 45 руб., для III — 21 руб.

Максимальный размер пенсии:

для I и II групп — 120 руб., для III — 60 руб.

Средняя зарплата в СССР в настоящее время равняется 177 руб. в месяц. Разница, как видим, весьма существенная, особенно по сравнению с положением инвалидов детства, пенсионные пособия которых составляют 25–30 рублей в месяц. Как можно прожить на эти деньги? Хорошо, когда есть родственники, а если их нет, остается одно — идти в дом инвалидов. Из приведенной выше схемы пенсий видно, что даже инвалиды труда находятся в постоянной материальной зависимости. Для сравнения приведем стоимость неко-

* Инвалиды Армии приравнены к инвалидам войны. Об этом см. главу "Инвалиды войны".

торых продуктов питания и предметов первой необходимости: 1 кг сливочного масла стоит 3 руб. 50 коп.; 1 литр молока — 30 коп.; 1 кг мяса — 2 руб.; 1 кг колбасы — от 2 руб. до 4—5 руб. Причем надо отметить, что в большинстве случаев, особенно в провинции, эти продукты отсутствуют. Но часть их имеется в кооперативных магазинах, где стоимость продуктов в 2 и более раз дороже. Мужская рубашка стоит 10—15 руб., примерно столько же стоят дешевые брюки и ботинки. Женское и мужское пальто стоят соответственно 250 и 150 рублей.

Не лучше положение с обеспечением инвалидов протезами и ортопедической обувью. Выглядит это просто: протезно-ортопедические предприятия в СССР представляют собой плохо оснащенные технически, полукустарные предприятия. Поэтому советские протезы малофункциональны, громоздки и тяжелы. Например, вес парных протезов для ног составляет, вместе с корсетом, 9 и более килограмм. Протезирование верхних конечностей имеет, в основном, чисто косметическое значение. Плохо отлажено (длительные сроки, брак) производство ортопедической обуви. Ассортимент моделей, особенно женской, безнадежно устаревший.

Советская печать любит выдавать желаемое за действительное. Поэтому если даже она вынуждена освещать вопрос о том, как плохо обстоит дело с обеспечением инвалидов протезами и ортопедической обувью, причем даже инвалидов войны, то выходит — что-то неладно в стране, где **”НИКТО НЕ ЗАБЫТ”**. Например, читаем горькие сетования инвалида войны из Москвы Соколова в газете **”Советская Россия”** от 6 августа 1981 года:

”На коровинском шоссе построено новое протезно-ортопедическое предприятие. А наши заказы не всегда выполняются и через полгода. На дому ветеранов также обслуживают с большими задержками. Инвалиду войны Харчеву, например, протез делали более полутора лет. А инвалиду войны Фомину к тому времени, как ему исправили дефект на ботинках, впору было заказывать новые...”

”Помимо волокиты и длинных сроков в обеспечении заказов инвалидов протезами, — пишет дальше газета, — в 1980 г. фабрика недодала 1,5 тысячи пар сложной обуви”.

Это происходит, как видим, на московском заводе, считающемся, по словам газеты, самым крупным в стране. Нетрудно себе представить, как выполняются заказы на периферии. Но об этом советские газеты еще не рассказывали.

В СССР до сих пор не организовано производство ”механических помощников”, — приспособлений, помогающих инвалидам в их повседневной бытовой жизни. На Западе существует множество таких приспособлений, в СССР же даже не знают, что такое возможно. Да и откуда узнать? Как колючей проволокой окружены инвалиды в СССР ”заботой” своих ”родителей” (работников отделов социального обеспечения и т. д.). ”Забота” эта, однако, выражается лишь больше на словах и в сравнениях, что СССР — рай для инвалидов, а Запад — это что-то наподобие разлагающегося трупа, где нет места простым людям. ”Инвалиды на Западе умирают от голода и холода”, — заявил мне однажды ”знарок” западной жизни полковник А. Шибаяев, уже упомянутый нами выше. В представлении Шибаяева инвалиды там ”спят на тротуаре, подстелив под себя газету, укрывшись другой...”. Поэтому, не представляя для себя другой ситуации, инвалиды в СССР как должное воспринимают свое настоящее положение и свою изоляцию от внешнего мира. Видел ли кто-нибудь из западных туристов на улицах Москвы или Ленинграда, не говоря уже о других городах, инвалида на коляске? А в СССР таких инвалидов не один миллион.

Рассматривая вопрос адаптации парализованных инвалидов в обществе, необходимо коснуться их права на передвижение. А это, пожалуй, одна из главных тем в жизни всех, кто не может передвигаться самостоятельно. Если говорить об общественном транспорте — а это относится к железнодорожному, трамвайному, троллейбусному, автобусному, речному транспорту, метрополитену и аэрофлоту — то инвалиды с поражением двигательных функций не могут вос-

пользоваться их услугами. Только в центральных городах, и то не везде, платформы вокзалов сделаны на уровне пола вагонов, в остальных местах инвалид не может без посторонней помощи двух, а иногда и трех здоровых мужчин оказаться в вагоне. Подъезды к поезду чрезвычайно затруднены. Даже при проектировании новых станций инвалидные нужды были игнорированы, например, на Московском вокзале в Риге, на Курском вокзале в Москве и т. д. Инвалидов приходится переносить на носилках при всеобщем любопытстве, что лишний раз подчеркивает полную беспомощность инвалидов и травмирует их психику.

Отношение советской администрации к проблеме передвижения инвалидов можно видеть на небольшом примере. Однажды я обратился в отдел социального обеспечения по месту своего жительства — возможна ли моя поездка по туристической путевке в какую-нибудь из социалистических стран. Последовал официальный ответ заведующего отделом Глущенко: "Туристические поездки Вам противопоказаны, и специальных средств для Вашего переезда не предусмотрено".

Поэтому, естественное право каждого, кто по независящим от него обстоятельствам — будь это врожденное уродство или тяжелая травма — стал инвалидом, есть право на свой личный транспорт как на *средство своего передвижения* (креслоколяску, малогабаритный автомобиль и т. п.). Попробуем детально рассмотреть, как решили этот вопрос советские власти:

Креслоколяска — советские инвалиды имеют право на ее получение бесплатно на 5 лет. В некоторых областях страны она выдается на 7 лет. Что представляет собой эта коляска — достойно отдельного описания. Прежде всего советские коляски тяжелы (вес их достигает 37 кг), громоздки и неудобны в пользовании. Они не складываются, поэтому их нельзя взять с собой в дорогу. Они не пролезают в лифт, дверные проемы для них узки, а обязательные несколько ступенек, а то и лестница, в подъезде каждого дома для них — непреодолимая преграда. Однажды я разговорился

с мастером Днепропетровского завода по изготовлению колясок:

”Мне было стыдно за продукцию, которую мы гнали, — сказал он, — мы выпускали по 700 колясок в месяц, качество их было такое, что они ломались уже при транспортировке. Но что мы могли сделать? Наши рационализаторские предложения в конструкцию колясок не принимались, т. к. это потребовало бы менять поточную линию всего конвейера...”

В стране сейчас нет ни одной организации, которая отвечала бы за технический уровень выпускаемых колясок. Нет и конструкторских бюро. Вот, например, какое отношение к производству колясок имеет Главное Управление протезной промышленности при Министерстве Социального Обеспечения РСФСР:

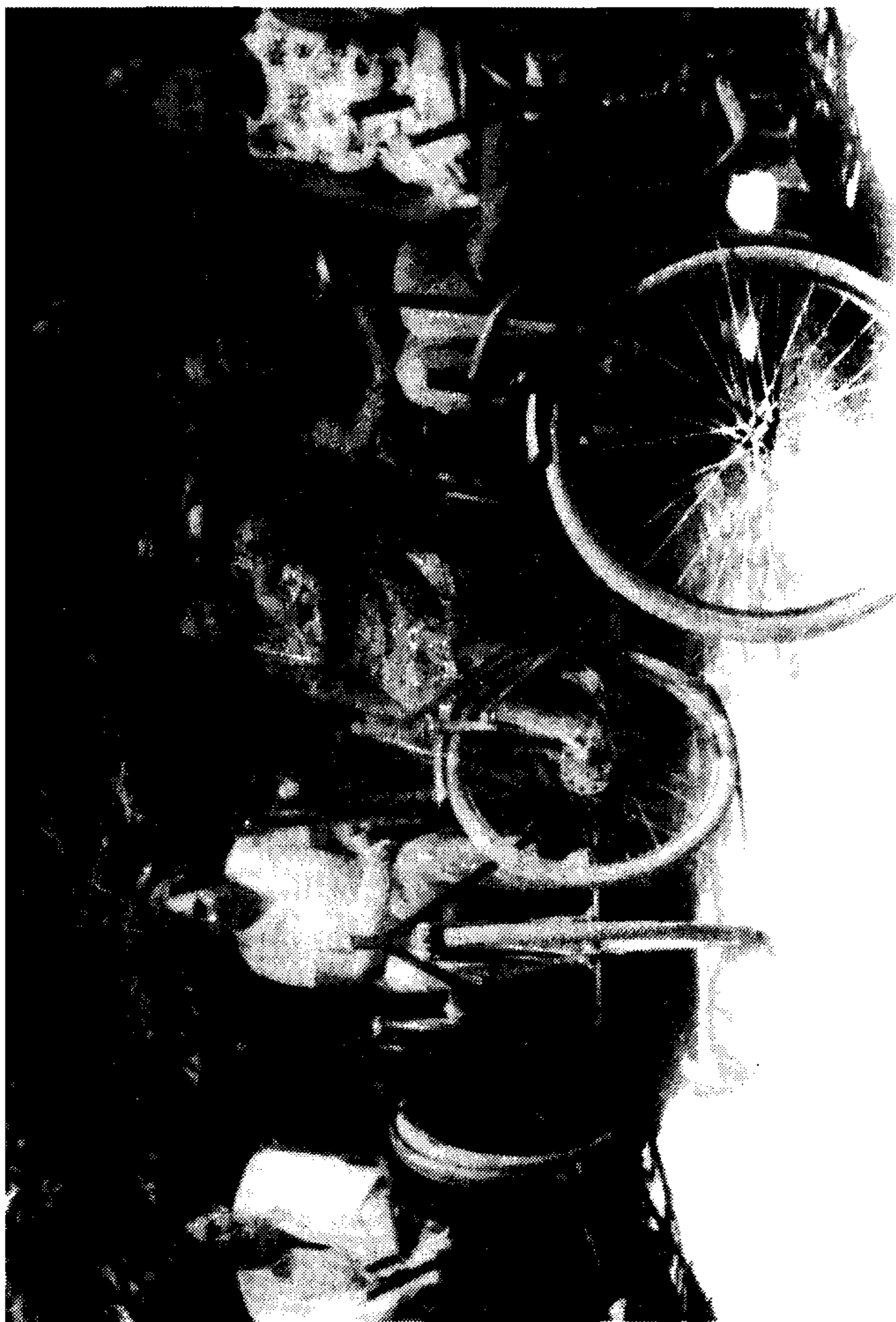
”Главное Управление протезной промышленности не занимается производством инвалидных колясок...” (“Комсомольская правда”, 23. 03. 1976).

Годами позже в статье “Забытая коляска”, эта же газета от 1 ноября 1984 г. пишет:

”Коляски остались вне технического прогресса. На них не существует общесоюзных стандартов и технических условий. Нет “головой”, которая бы следила за их техническим уровнем, вела бы конструкторские работы по их совершенствованию”.

Примерно то же самое писали и продолжают писать другие советские газеты. А вот что пишут сами инвалиды:

”Пользоваться выпускаемой ныне коляской практически невозможно. Она громоздка и неуклюжа, не проходит ни в одну дверь. Чтобы сесть или слезть с нее, необходим помощник, который бы держал коляску сзади, иначе она отъезжает и инвалид оказывается на полу”.

**В. Фефелов с женщинами-инвалидами.
1980 г.**

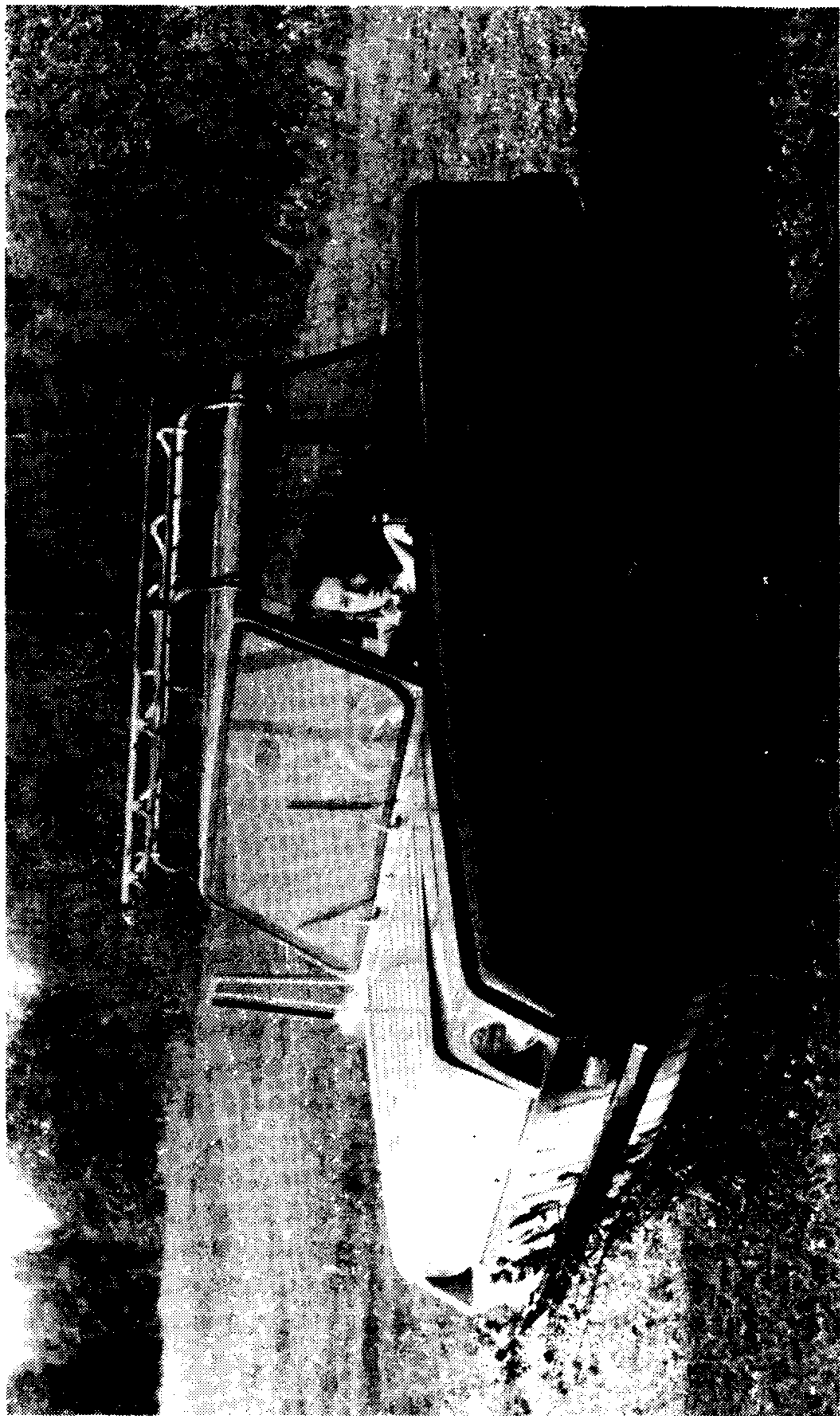
Колясками какого качества вынуждены пользоваться инвалиды, показывается и на примере инвалида войны Клавдии Агафоновой в очерке, опубликованном в газете "Известия" от 6 июля 1983 г.:

"Видел я этот чудо-аппарат, — пишет корреспондент газеты, — вместе с племянником Клавдии и его женой пробовали в новой коляске несколько раз повернуть рычаг поворота — и пришли к выводу, что это под силу лишь чемпиону-тяжеловесу..."

Что может чувствовать человек, оказавшийся в подобной ситуации? Известны случаи, когда инвалиды отказываются от советских колясок и передвигаются на самодельных колясках, переделанных из стула.

Не лучшим образом обстоит дело и с обеспечением инвалидов мотоколясками. Это небольшая двухместная машина с мотоциклетным двигателем, работающим в режиме постоянного перегрева, что, естественно, сразу говорит о низкой культуре технической мысли конструкторов этой мотоколяски. Мотоколяска ненадежна и дорога в эксплуатации (например, в городских условиях она потребляет от 11 до 13 литров бензина на 100 км). Шум, вибрация, а в зимнее время холод внутри машины приводят к расстройству и без того плохую работу разных органов инвалидов. Воспаление суставов, простуды, хронические гаймориты — можно часто встретить у тех, кто пользуется мотоколяской. Как правило, в среднем через год, а то и раньше, они начинают ломаться и инвалиды задумываются над тем, как дальше жить и передвигаться, так как запасных деталей в свободной продаже нет, их нужно заказывать и ждать несколько месяцев. "Мотоурод!" — так прозвали инвалиды это средство передвижения.

Несмотря на это, за мотоколясками всегда очередь, так как их постоянно не хватает, а передвигаться больше не на чем. Бесплатно или по льготной цене мотоколяски выдаются сроком на 5 лет. В виде дополнения скажем: всем

Мотоколяска СЗД

категориям инвалидов, за исключением инвалидов войны и труда, мотоколяски продаются за 20% от ее стоимости 1030 рублей. 4 апреля 1983 года вышло постановление Совета министров СССР, по которому вопрос о бесплатной выдаче мотоколяски может решаться только Советом министров союзных республик.

Почему инвалидов не видно на улицах советских городов? Мне думается, мы уже пришли к этому ответу. Уместно будет лишь добавить, что в СССР практически не принимается никаких мер по созданию специальных жилищ для инвалидов с нарушением двигательных функций. До сих пор им не уделяется внимания при градостроительстве: улицы, общественные или административные здания — кинотеатры, библиотеки, музеи, магазины и т. д. — не приспособлены для проезда в них инвалидов на колясках. Порою диву даешься, какую выучку прошли советские служащие в своем отношении к данной ситуации, готовые в любую минуту *дать отпор проискам западной пропаганды*, — на вопрос одного западного корреспондента официальному советскому лицу почему в СССР инвалидов не видно на улицах, тот недолго думая ответил: "Здоровые люди не привыкли к виду инвалидов...". Ответ в комментариях не нуждается. А одно авторитетное лицо с трибуны Всесоюзной конференции медиков в Евпатории выразилось по этому поводу более откровенно и определенно: "Травма шейного отдела позвоночника — это уже социальная смерть личности". Уж если медики дошли до таких "выводов", что можно ожидать от казенных советских бюрократов, переполняющих все советские учреждения!?. Им только руки потирать остается от подобной "научной обоснованности". Как эта "обоснованность" претворяется в жизнь, можно видеть на небольшом, но достаточно выразительном примере:

Надежда Облицова из г. Богданович Свердловской области. Ей около 30-ти лет, она инвалид с детства, передвигается с трудом на костылях. Познакомилась с молодым человеком из своего города, они решили пожениться. Но так как в этом случае у них сразу возникла проблема где жить,

они обратились к властям своего города с просьбой дать им хотя бы относительное по удобствам жилье. Все их просьбы были напрасны. Тогда Н. Облицова пошла на прием к 1-му секретарю райкома партии, но тот не захотел даже выслушать ее, а наговорил ей всяких оскорблений, связанных с ее здоровьем. Надя восприняла это хамство крайне болезненно. Была вызвана "скорая помощь" и ее увезли домой. Через несколько дней она написала письмо кремлевскому руководству, описав в нем всю трагедию своего положения, а копию направила в редакцию газеты "Правда". Спустя некоторое время к ней в дом пришли представители местной власти с угрозами, что если она будет продолжать писать жалобы, то ей будет хуже...

Если обратиться в органы социального обеспечения с вопросом, какие права имеют инвалиды в СССР, то чего только не услышишь?!. И все ответы настолько похожи один на другой, что невольно возникает сомнение, писали их разные люди или один человек? Вот стандартная формулировка ответов, с которыми советская администрация подходит к проблеме инвалидов: — "в нашей стране постоянно уделяется большое внимание нуждам инвалидов...", "... им предоставлены большие льготы...", "систематически совершенствуются формы и методы социального обеспечения инвалидов", "только за последние годы советское правительство приняло важные постановления о мерах по дальнейшему обслуживанию инвалидов" и т. д. и т. п. И ни за одним из этих ответов нет конкретного действия. Как в действительности решена социальная помощь инвалидам я расскажу еще на одном примере члена нашей Инициативной Группы Ф. Хусаинова (о нем мы читали в начале этой книги). Его судьба тоже не исключение, она является только дополнением к тысячам и тысячам таких же судеб и является красочной иллюстрацией "заботы" советского государства об инвалидах в СССР.

Ф. Хусаинов — сын фронтовика, погибшего в 1943 году. После того, как Ф. Хусаинов получил тяжелую травму позвоночника, ему и его престарелой матери наконец-то дали

однокомнатную квартиру на 3-м этаже в доме без лифта. До этого они жили в небольшом разваливающемся доме. Но и сейчас при его состоянии — это тюремная камера. Весь его мир — это пространство от окна до двери. Да и передвижение затруднено из-за тесноты единственной комнаты, в которой живут двое. Телефона нет, выйти невозможно, так и сидят они с матерью в этой пожалованной им квартире. 14 лет они безуспешно добиваются, чтобы им дали жилье на 1-м этаже. Однако организации, от городских властей г. Чистополя до Президиума Верховного совета СССР, куда обращался Хусаинов со своими просьбами, отказывают им в этом. Хусаинов несколько раз ездил в Москву с надеждой там решить этот вопрос. Можно представить себе, насколько трудна и сложна была для него каждая эта поездка. О результатах их, в частности об одной из них, он рассказывает сам:

”Первый раз в Приемной Президиума Верховного совета СССР меня принимала служащая Приемной Ковалева; она подтвердила законность и обоснованность моих требований и обещала на другой же день направить письмо в Чистополь. ”Ваш вопрос будет решен незамедлительно”, — сказала она.

Прошло два года, но ничего в моей судьбе не изменилось. Через некоторое время выяснилось, что никакого письма от Ковалевой в г. Чистополь направлено не было. Местные власти (например, заместитель председателя горисполкома Шалимов, инструктор горкома Ялюхов и др.), узнав о моем ”путешествии” в Москву, стали открыто издеваться надо мной: ”Пиши, пиши, хоть каждый день пиши, толку от твоих жалоб не будет, никто из Москвы сюда не приедет. Наоборот, если ты будешь продолжать писать, только хуже будет...”

Наконец, я снова решился поехать в Москву. Снова попросил людей, которые снесли меня с третьего этажа, довели до вокзала, посадили в поезд. Поехал я один, без сопровождающего. 2 июня 1980 года я был принят той же Ковалевой. На этот раз разговаривать со мной она уже категорически отказалась.

— Ты все законы знаешь, вот и добивайся их исполнения у себя в Чистополе, а сюда нечего ездить, — заявила Ковалева.

На мои бумаги — просьбы, жалобы, отказы — она даже не взглянула.

— Я же совсем беспомощный человек, — начал я, — вы не можете себе представить, чего мне стоило приехать в такую даль одному...

— Ну, если сам добираться до Москвы, значит, ты и не инвалид вовсе, — бесстыдно заявила Ковалева, — значит, можешь вполне и с третьего этажа спускаться... И вообще, разбирайся-ка ты с местными властями сам, а нас в это дело не впутывай и к нам больше не езд. Разговаривать нам с тобой не о чем.

Я попытался записаться на прием к заведующему Приемной, но оказалось, что сделать это можно только по рекомендации той же Ковалевой. Ковалева сказала, что передала заведующему нашу беседу и что он отказался принимать меня, заявив при этом, что разговаривать ему со мной не о чем.

Я попросил Ковалеву принять заранее написанное мною письмо Л. Брежневу. Она отмахнулась: "Еще чего захотел!.."

— Что же, над вами и начальства никакого нет?! — удивился я.

— Нет!

Видя всю тщетность своих просьб и полное пренебрежение работников Приемной Президиума ко мне и к моим бедам, я решил оставить это заведение и попросил Ковалеву вызвать мне такси. Откровенно говоря, я намеревался попасть на прием еще в Прокуратуру СССР и Министерство здравоохранения СССР. Ковалева ответила:

— Ничего, как сюда добирался, так и отсюда выберешься. Никакого такси тебе вызывать не будем!

— Но как же мне быть, без посторонней помощи я отсюда уехать не могу? — Никакого ответа не последовало.

Через несколько часов мне решили вызвать такси, но с

условием, чтобы я ехал прямо на Казанский вокзал и в Чистополь. Я ответил, что мне необходимо попасть в Прокуратуру СССР. Такси не вызвали...

Надо сказать, что к любой поездке надо готовиться, а во время нее часто приходится совсем не есть и не пить. Наши вокзалы и аэропорты не приспособлены к таким инвалидам, как я. Да и вообще в СССР мало думают об инвалидах при проектировании улиц, общественных зданий и т. д. И вот, то ли от голода, то ли от нервного напряжения, у меня закружилась голова и мне стало плохо. Я попросил дежурного Приемной вызвать "скорую помощь". Мою просьбу услышала Ковалева:

— Ничего с ним не сделается, не помрет... — сказала она дежурному.

И дежурный покорно добавил:

— Это не входит в мои обязанности — вызывать инвалидам "скорую помощь".

Рабочий день кончился. Два работника Приемной взяли мою коляску вместе со мной и по ступенькам спустили вниз, на улицу. Я просил случайных прохожих вызвать мне по телефону "скорую помощь" или хотя бы милицию, так как близилась ночь, и мне некуда было деться. Многие, не обращая внимания, проходили мимо. Но все-таки находились добрые люди и несколько раз вызывали "скорую помощь". Но она так и не приехала. Уже поздно вечером один из прохожих остановился, вежливо выслушал меня и сочувственно добавил: "А что же от них, коммунистов, ожидать еще?" Он согласился довезти меня в моей инвалидной коляске до здания Прокуратуры СССР, так как сам ехать я, естественно, не мог. На пути оказалось еще одно непреодолимое для меня препятствие — улица Горького, которую нужно было пересечь. Переходы через улицу только подземные, поэтому пришлось ждать глубокой ночи, когда движение меньше и можно переехать улицу поверху. Прохожий не мог ждать и ушел. Я остался один. Настала ночь, стало холодно. Мимо проехала поливочная машина и окатила меня с ног до головы водой. Только в 5 часов утра какой-то слу-

чайный прохожий помог мне переехать на другую сторону улицы, и я оказался во дворе Прокуратуры СССР.

От холода и долгого сиденья в коляске у меня сильно разболелась спина, спастикой скрутило ноги. Около здания Прокуратуры прохаживался милиционер. Я попробовал объяснить ему свое положение и попросил у него разрешения хотя бы полежать на одной из скамеек, которые находились во дворе Прокуратуры.

— Что ты, у нас не положено. У нас — порядок! — сказал милиционер и прогнал меня со двора.

Я дождался, когда милиционер немного отвлекся, и подъехал к одной скамейке, заполз на нее и лег. Но блюститель порядка заметил и снова прогнал меня. Пришлось сидеть в коляске до 9 часов утра.

В Приемной Прокуратуры СССР повторилась вчерашняя ситуация с тою лишь разницей, что здесь меня даже и не записали на прием. Дежурный Приемной заявил, что это вообще не их дело — разбирать жалобы инвалидов, что мое заявление о нарушении законности они и читать не будут.

Мне становилось все хуже, и я попросил дежурного вызвать мне "скорую помощь". К моей просьбе отнеслись так же по-советски "гуманно", как и в Приемной Президиума Верховного совета СССР:

— Это не входит в наши обязанности...

— Ну хотя бы такси вызовите.

— Это не входит в наши обязанности, как сюда приехал, так и уезжай.

Я остался сидеть в Приемной, даже двигаться уже не было сил. Голова кружилась, болела спина. Не помню, сколько я просидел, но вдруг перед глазами все поплыло, и я упал с коляски. Тогда только вызвали "скорую помощь", и меня увезли в диагностическое отделение больницы им. Боткина. Вместо Министерства здравоохранения я оказался в больнице.

Придя в себя, я сразу же попросил врача отправить меня домой, то есть всего лишь купить билет на самолет (за мой счет, разумеется), и довезти меня до аэропорта.

В. Хусаинов

— Это не входит в мои обязанности, — последовал все тот же стандартный ответ. (Вот выучка!)

Я пробыл в больнице 9 дней, не получая никакого лечения, ни необходимого мне санитарного ухода. За это время я много раз просил врача либо отвезти меня в аэропорт, либо положить хотя бы в спинальное отделение.

— В спинальном отделении мест нет, а отвозить в аэропорт — не наша обязанность. Лежи!..

После долгих моих просьб нашлась добрая душа — одна из медсестер больницы согласилась съездить в аэропорт и купить мне билет. Только убедившись в том, что я на самом деле уезжаю из Москвы, администрация больницы согласилась отправить меня на машине "скорой помощи" в аэропорт.

Так закончилась еще одна моя попытка найти законность и справедливость в стране, провозгласившей свое "самое гуманное в мире отношение к людям".

Ставшая нормой система равнодушия приводит к модификации поведения, превращает людей еще и в духовных инвалидов. Судьбы и лица их до невыразимой скуки одинаковы. Это результат не совокупности одинаковых физических недостатков, а схожесть тяжелых условий жизни. Это — результат более чем полувекового давления искусственно созданных непреодолимых препятствий. И никому нет дела до заключенных в четырех стенах миллионов инвалидов, отделенных от огромного и недоступного им мира непроницаемой стеной пустых обещаний. Например, получить среднее, а тем более высшее образование, для инвалида почти невозможно. Инвалиды не могут пройти медицинское освидетельствование по так называемой форме 286 (обязательная справка для ВУЗа). В одной из центральных газет была описана ситуация с инвалидом, которого не принимали в ВУЗ. "У нас институт, а не инвалидный дом" — была типичная и естественная реакция ВУЗа. Впрочем, образование для инвалидов, по сути, бесперспективно; — даже если они и окончат ВУЗ, они вряд ли найдут себе работу по специаль-

ности. Вот мнение самих инвалидов: "Больной с высшим образованием либо остается без дела, либо становится "комнатным" специалистом, хлопотным и невыгодным для обычного производства".

Серьезным ограничением права инвалидов на нормальную жизнь нужно считать и невозможность трудоустройства. Выбор занятий для инвалидов крайне узок. Надомный труд плохо оплачивается, а в провинции его нет вообще. "Какую работу нам дают? — спрашивают инвалиды, и сами же отвечают: — клейка пакетов, нанизывание бус, сборка форточных петель... Уйму нудных движений автомата нужно проделать, чтобы заработать один рубль!" Расценки таковы: к примеру, операция прикрепления (вручную) металлического шпенька к пряжке для обуви оплачивается по расценке 47,3 коп. за 1000 штук.

В стране отсутствует производственная кооперация инвалидов с нарушением двигательных функций, существовавшая ранее и разогнанная властями в 1956 году. А обычные предприятия, как правило, не заинтересованы брать инвалидов на работу. Действующие лишь кое-где небольшие инвалидные производства располагаются на предприятиях обычного типа, но и там не заинтересованы в труде инвалидов и стараются заменить их здоровыми людьми.

Исходя из этого можно сделать вывод: решить вопрос о своем трудоустройстве должны сами инвалиды. Вот пример о блестящем трудовом эксперименте, проведенном молодыми инвалидами в доме инвалидов № 1 под Воронежем и, однако, чем все это кончилось. В 1972 году, на началах корпоративного хозяйствования, там была организована экспериментальная мастерская по изготовлению аккумуляторных пробников. Один из заводов доверил инвалидам сборку узлов транзисторного приемника "Альпинист". Основателем и техническим руководителем мастерской стал инвалид I группы Геннадий Гуськов, автор нескольких изобретений, опубликованных в печати. Доходы мастерской предполагалось вскоре использовать для развития и расширения производства с привлечением инвалидов из других областей, го-

родов и поселков — инвалидов I и II групп. В перспективе реальным было и капитальное строительство. Однако это начинание встретило самое активное противодействие властей. Одумавшись, они не могли допустить чьей-то независимой инициативы, а главное того, что инвалиды вполне могут обойтись без бутафорской опеки социальных органов. Но с чего начать? И придумали — для расширения мастерской администрация дома инвалидов не стала выделять какой-либо другой площади, а стала освобождать жилые помещения. Это вызвало резкое недовольство стариков, которое было умело направлено против мастерской и лично Гуськова. Во все инстанции посыпались письма. Так против Г. Гуськова искусственно была создана кампания клеветы и травли, а членов мастерской стали именовать не иначе, как "банда Гуськова". Дальше уже проще: культбыткомиссия приняла решение исключить Гуськова из дома-интерната, что, очевидно, не обошлось без санкции Министерства соцобеспечения и партийных органов.

Закрывать мастерскую приехала сама министр социального обеспечения РСФСР Д. П. Комарова. Было это 21 августа 1977 года. Под грубую брань и крики Комаровой, Гуськова стащили с постели, раздетого, без личных вещей, втолкнули в машину "скорой помощи" и увезли за несколько сот километров, в дом престарелых Аткарского района Саратовской области, и пресекли доступ всякой информации о нем.

"Дайте нам хоть какую-нибудь работу!.. — умоляют инвалиды. — Мы согласны на любую работу". Письма с такими просьбами переполняют все советские инстанции. Письма эти пересылаются в отделы социального обеспечения, где они, как правило, и исчезают без ответа.

Глухой стеной умолчания окружают советские власти и спортивные соревнования инвалидов на Западе, тогда как во всем мире спорт инвалидов получил всеобщее признание. Главное в этом спорте — восстановление связей с обществом, возвращение в круг жизни. Тем не менее инвалиды в

СССР не привлекаются к спорту, не имеют своих стадионов, соревнования между ними не популяризируются. Поэтому в стране не только инвалиды, но и здоровые люди ничего не знают ни об инвалидных играх, ни о том, что делается в связи с этим в развитых странах. Вот небольшое объяснение: как известно, в 1980 г. в Москве проходили Олимпийские игры. На вопрос учредителя Международного Комитета по проведению Олимпийских игр для инвалидов советскому правительству о возможности проведения таких игр в Москве, последовал ответ: "Московские стадионы не приспособлены для инвалидов". Этому удивляться не стоит, потому что в СССР вообще ничего не приспособлено для инвалидов. А на вопрос устроителей спортивных игр в Сток-Мандевиле (Англия) смогут ли советские инвалиды принять участие в этих играх, советское правительство однажды ответило: "В СССР инвалидов нет". Впрочем, такой ответ был не единственный, его получили также организаторы Олимпийских игр для инвалидов в Торонто в 1976 году. Более полное объяснение отношения советских властей к инвалидному спорту выразил уже не раз упомянутый нами полковник УКГБ г. Владимира Шибаетов:

"Да вы представьте себе — инвалиды и спорт?! Устраивать гонки инвалидов на колясках или заставлять их бросать мячи — это негуманно по отношению к инвалидам и к зрителям..."

В каждой стране, уважающей права своих граждан не на словах, а на деле, периодически происходят слушания национальных комитетов о разработках социальных программ помощи инвалидам. Как СССР относится к этим мероприятиям можно снова увидеть на примере. В начале мая 1983 года в Англии проходил симпозиум организации "Международная реабилитация", членами которой являются 742 ведущих медика-специалиста в области реабилитации инвалидов из 57-ми стран мира. На конференции, длившейся несколько дней, решались вопросы совершенствования лечения боль-

ных с поражениями двигательных функций и их дальнейшей реабилитации в обществе. Советская сторона на симпозиуме представлена не была. Профессор Лифшиц, зарекомендовавший себя в Советском Союзе как специалист в области лечения травм позвоночника и единственный представитель от СССР, входящий в организацию "Международная реабилитация", на конференции не присутствовал.

Естественно предположить, что только сами инвалиды могут и должны решать свои проблемы без насильственно навязанного им "опекуна" — Министерства социального обеспечения. Это может быть автономное объединение (Общество) инвалидов со своим бюджетом, страховой кассой и т. д., которое взяло бы на себя функцию разрешения экономических, социальных и культурных запросов своих членов. Несмотря на единодушное желание инвалидов иметь это Общество — а в печати даже иногда появлялись статьи о его необходимости — в СССР Общество инвалидов запрещено. Мало того, инициаторы по созданию Общества подвергаются преследованиям со стороны властей. Так, в 1973 году в г. Иваново два инвалида, Василий Голубев и Ирина Виноградова, решили привлечь внимание общественности к тяжелой судьбе инвалидов, чтобы затем поставить вопрос о создании в стране Всесоюзного Общества инвалидов с нарушением двигательных функций. В. Голубеву удалось даже выступить на эту тему в журнале "Крестьянка". Но, как и следовало ожидать, дело дальше не пошло. Когда Голубев и Виноградова начали распространять анкеты опроса инвалидов с тем, чтобы набрать необходимое число желающих для создания Общества, их вызвали в соответствующие "органы" и предупредили о недопустимости подобного рода деятельности: "решат это компетентно только государство и его органы".

История движения инвалидов за создание своего Общества начинается с 1956 года, когда состоялась демонстрация инвалидов на 30-ти мотоколясках перед зданием ЦК КПСС и МГК КПСС. Группами и в одиночку инвалиды требовали создания своего Общества.

В 1973 году образовался Инициативный Комитет по организации Всесоюзного Общества, обратившийся с письмом к руководителям партии и правительства, в котором вновь ставился вопрос о создании Общества. В ответе, переданном через МСО РСФСР, были фактически отклонены все требования инвалидов. В личной беседе с несколькими инвалидами заместитель министра Солдатенков от имени "директивных органов" посоветовал оставить всякие мысли о создании Общества. При этом было сказано: "Тут один в Иванове уже хотел организовать инвалидное общество. Если бы вы знали, что с ним сделали, вы бы его судьбе не позавидовали!" Инструктор МК КПСС, зам. председателя городского отдела соц. обеспечения Федоров выразился еще менее двусмысленно: "У государства хватит сил и средств, чтобы заставить вас замолчать".

Глава 2

ДОМА ИНВАЛИДОВ

Уже на заре советской власти новое государство решило преобразовать вопрос о социальной помощи инвалидам и престарелым. В Ленинском декрете от 26 апреля 1918 года мы видим, как государство полностью освободило своих граждан от какой бы то ни было ответственности за живущих рядом людей, лишая человека права спросить с себя, с соседа, с общества ответственность за судьбу беспомощного. Вот цитата из этого, по своему знаменитого ленинского декрета:

”Ввиду того, что существующее название Народного Комиссариата Государственного Призрения не соответствует социалистическому пониманию задач социального обеспечения и является пережитком старого времени, когда социальная помощь носила характер милостыни и благотворительности, ... переименовать Народный Комиссариат Государственного Призрения в Народный Комиссариат Социального Обеспечения”.

Таким образом этот новый декрет положил начало принципиально новой системе социального обеспечения. Милосердия и благотворительность официально объявлялись чуждыми, подлежали искоренению из человеческих взаимоотношений и из сознания советских граждан. Сфера заботы об инвалидах и престарелых стала монополией государства, которое стало единственным и полновластным хозяином жизни и смерти миллионов людей.

Тенденция манипулирования этими миллионами, как нигде более, явственно прослеживается на примере существования государственных домов инвалидов, в настоящее время которых в СССР насчитывается 1500. Отданные во власть администрации этих заведений, инвалиды практически лишены в них права на какую бы то ни было самостоятельную жизнь. Мало того, что инвалиды замурованы в этих домах, они лишены еще и права на личную жизнь. "Инструкция о внутреннем распорядке домов инвалидов" запрещает им иметь собственных детей. В случае рождения ребенка, его насильно отбирают у матери и отдают на попечение государства. Поэтому, при близком знакомстве инвалидов обоего пола их, как правило, рассовывают по разным этажам или корпусам. Та же "Инструкция" предусматривает еще и ... помещение психически здоровых инвалидов вместе с душевнобольными.

"Госопекаемые", как официально принято называть инвалидов в домах инвалидов, плетут авоськи и похоронные венки, клеят конверты, вяжут носки — это единственная возможность их нищенского заработка, из которого, к тому же, по положению министерств социального обеспечения 50% отчисляется в доход государства. Имеющиеся библиотеки, иногда кино или лекции, мало содержательны и не дают хоть сколько-нибудь реального представления о происходящем в мире. Питание скудное и однообразное, нередко недоброкачественное. Медицинское обслуживание на уровне младшего медицинского персонала, которого, к тому же, из-за низкой зарплаты, катастрофически не хватает.

А теперь представьте себе картину: закутанные в одеяла

инвалиды на колясках выезжают на улицу. Это не я выдумал, а директор дома инвалидов что на ул. Алексинской в г. Донецке, Голубничный, который постановил: лежащим инвалидам верхней одежды не выдавать, не положено. Это "не положено" мы, кажется, уже где-то слышали. Ах, да! Так отвечают обычно прокуроры на жалобы и протесты заключенных... Одна парализованная девушка Людмила Пустовит указала администрации на творящиеся в этом доме инвалидов безобразия. И что бы вы думали?! В наказание за это ее поместили в карцер? Нет, ее просто завернули в одеяло и перенесли на этаж выше к наиболее сварливым старухам (будет знать, как жаловаться!). Какую форму протеста можно выбрать в данном случае? И Л. Пустовит объявила голодовку, ее поддержали друзья, и администрация была вынуждена уступить (ведь карцеров-то еще нет!). Но и без них можно обойтись. В одном из домов инвалидов Саратовской области под науськивание директора сторожем этого дома был избит Геннадий Гуськов (помните, разогнанную производственную мастерскую под его руководством в Воронежском доме инвалидов?). Об этом случае стало известно мне. Я обратился в Народный Суд Саратовской области с заявлением наказать виновных. Только после нескольких запросов оттуда пришел ответ: "Дома инвалидов находятся в ведении Министерств социального обеспечения и Суду неподведомственны". Таким образом, если вы попали в дом инвалидов, за вас ни один суд, ни прокурор не заступятся. Ваша судьба целиком и полностью находится в ведении Министерства социального обеспечения, а точнее — в руках его министра Домны Павловны Комаровой, занимающей этот министерский трон с 1967 года...

Не потому ли печальна и трагична судьба молодых инвалидов, которых по решению того же Министерства социального обеспечения помещают вместе с престарелыми. Единственная и вероятная цель этого — омерщвление всякой инициативы с помощью несовместимости и убийственного примера никому не нужной старости. И действительно, живой ум, энергия, инициатива, не находящие применения,

медленно гибнут. Да только ли это? Чтобы яснее представить себе ситуацию, прочтем только одно письмо из дома инвалидов пос. Краснореченское Ворошиловградской области. Автор этого письма, Иван Гайда, умер в этом доме инвалидов 7 лет назад, так и не досказав нам большего:

”Я могу привести множество фактов из собственной жизни. Вот первый: разносит санитарка обед, один человек съел свой хлеб и товарища, а хлеба давали мало; началась драка. Я их рознял и попросил санитарку дать им хлеба еще. Она сказала: хлеба нет. ”Пойдите и возьмите на кухне”. Она приходит и говорит: ”Нет”. — ”Если я найду у вас хлеб, вам будет стыдно!” Тогда она начала меня ругать, не жалея и нецензурных слов. А я тогда еще ходил, пошел в раздаточную и вижу в печке лежат три буханки хлеба... Мог ли кто оценить мой поступок? Конечно, нет. Зато к вечеру все знали, что Гайда — плохой человек. ... А другая санитарка однажды дает мне две порции колбасы. ”Отдай кому положено”, — сказал я. — ”Так ведь они дураки”, — ответила она. — ”Но ведь они тоже есть хотят”. — ”Дурак”, — сказала она.

Через 10 лет я снова попал в этот же дом инвалидов. За это время жизнь в нем не улучшилась, а на 10 лет стала хуже. Это был не дом инвалидов, а живая могила, зверинец. Чтобы защитить себя, надо передвигаться, а не быть прикованным к постели. Я сильно заболел и отдал бы концы (умер), да спасибо товарищу детства: он приехал на машине и вытащил меня уже из могилы...

А если вообще говорить об условиях жизни в доме инвалидов, то уход плохой, холодно как в подвале. Кормят плохо. Если дают селедку, то вонючую, если яички, то тухлые, каша ппенная соленая и без масла — от такой пищи воротит. Инвалиды вешаются, топятя... — речка рядом, Айдар называется...”

Читающий эти строки, если будете в Москве, зайдите в дом инвалидов на ул. Лосиноостровская, д. 27. Поинтересуйтесь жизнью его обитателей. Этот дом инвалидов нахо-

дится в столице СССР и считается показательным. Но даже там вы почувствуете атмосферу заброшенности, царящую во всех подобных заведениях. В другие дома инвалидов вас не допустят, как, например, не допустят в дом инвалидов в пос. Краснопуца Бережанского района Тернопольской области. Там живет парализованный Борислав Москаль. Несколько лет назад у него умерли отец и мать. До этого он сотрудничал с одной районной газетой тех мест, где, по его словам, однажды он был замечен в "антисоветской пропаганде". После смерти родителей его поместили в этот дом инвалидов для психохроников, и он находится там до сих пор... Б. Москаль живет в комнате на 8 человек, все, кроме него, психически больные люди. Порядок таков: казарменная, стандартная для всех одежда, обходы врачей именуются "шмонами" (не дай Бог, если найдут что-нибудь недозволенное в тумбочке, например, хлеб), а еще — чуть ли не животный страх перед медперсоналом. Были там очевидцы, видели все это, задали вопрос Бориславу: "Можно ли выбраться из этого заведения?" — "Куда?" — в безнадежной тоске ответил он. "Ну, в крайнем случае хотя бы как-то улучшить свое положение здесь..." — "Ничего не получится, если будешь чего-то добиваться, это воспримут как жалобу и переведут в корпус к буйным", — и Б. Москаль показал в окно на стоявший рядом 2-этажный кирпичный барак...

Глава 3

ИНВАЛИДЫ ВОЙНЫ

Кто просматривает советские газеты и наблюдает за другими средствами массовой информации, может увидеть массу упоминаний об "улучшении социального обслуживания инвалидов и участников войны". Тема "отеческой заботы" советского государства об инвалидах войны — это уже прочно установившаяся традиция советской пропаганды. Радио, телевидение, газеты постоянно отводят массу времени и немало места, чтобы доказать своим слушателям и читателям "гуманность" советского правительства по отношению к бывшим фронтовикам. И эта пропаганда почему-то особенно стала казаться навязчивой со времени оккупации советскими войсками Афганистана...

С чем связано это, и кто они, о ком так "заботится" советское государство и правительство? Это, во-первых, непосредственно инвалиды Великой Отечественной войны, т. е. те, кто дожил из них до сегодняшнего дня; травмиро-

ванные работники милиции (МВД), госбезопасности (КГБ) и военнослужащие Министерства обороны СССР, получившие инвалидность при прохождении службы в этих органах и ведомствах. К инвалидам войны относятся также те, кто получил инвалидность во время карательных операций в период с 1 января 1944 г. по 31 декабря 1951 г., то есть принимавшие участие в подавлении национальных движений на Украине, в Белоруссии, Литве, Латвии и Эстонии. К инвалидам войны сейчас добавились таковые из числа военнослужащих оккупационной армии в Афганистане. (Даже средняя, приблизительная численность таких инвалидов строго засекречена.) Правительственными указами и постановлениями инвалидам войны установлены такие, например, льготы: внеочередное обеспечение жильем; раз в семь лет им выдается бесплатно автомобиль "Запорожец" с ручным управлением; предоставляются в первоочередном порядке путевки в санаторий. На фоне всеобщего недоедания они прикреплены к продовольственным магазинам, в которых для них резервируется некоторое количество продуктов.

Все это, повторяем, широко рекламируется советскими средствами массовой информации как достижение самого передового и первого в мире социалистического государства: цитируются и повторяются постановления ЦК КПСС и Совета министров СССР о так наз. "мерах по дальнейшему улучшению материально-бытовых условий инвалидов Великой Отечественной войны", ставятся вопросы "о специальном обслуживании участников Великой Отечественной войны" и т. д., вплоть до продажи им ... "в организованном порядке продовольственных товаров в дни, предшествующие общенародным праздникам".

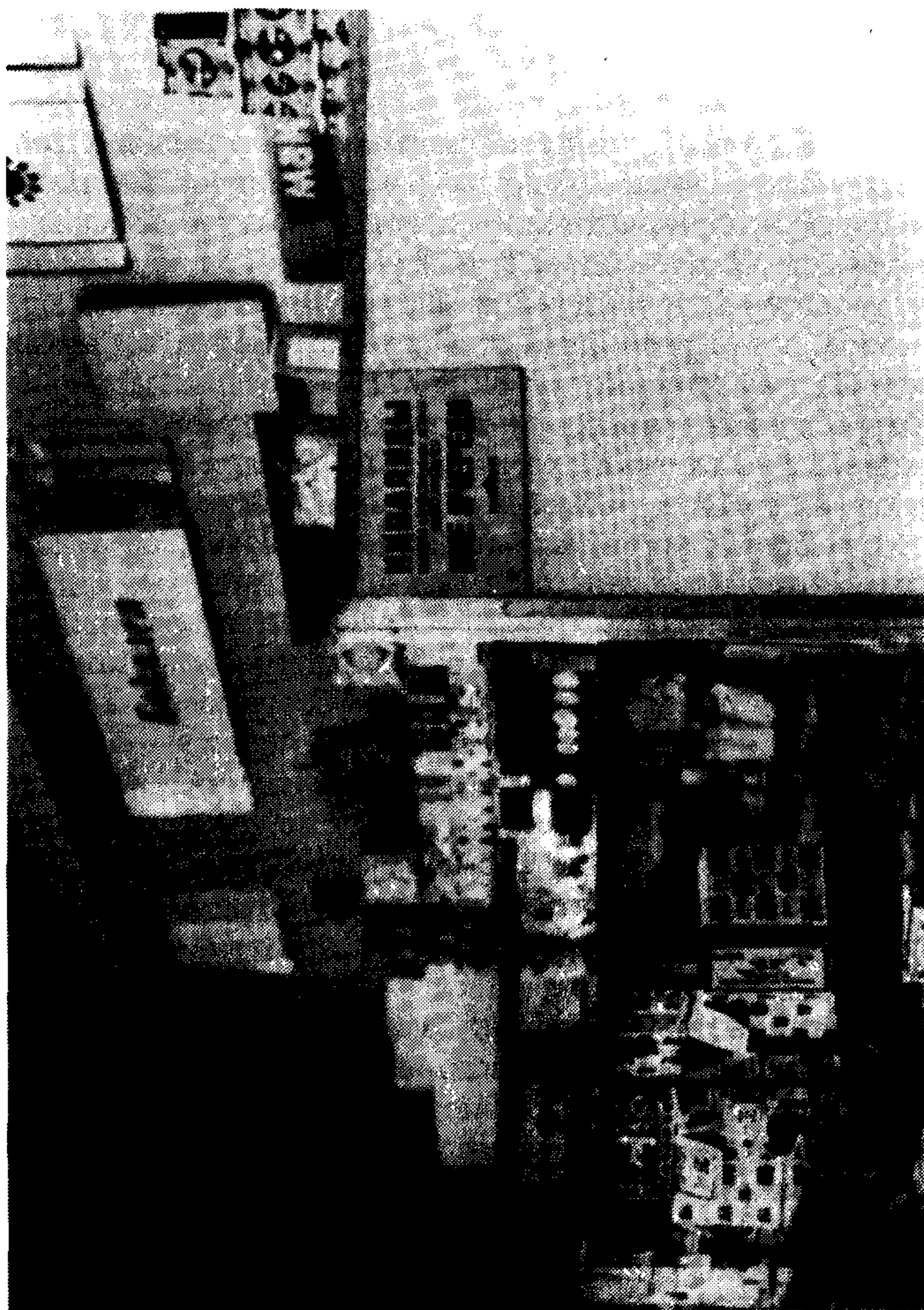
Похоже, не сладко приходится инвалидам и участникам войны, если речь заходит о "специальной" раздаче им продуктов питания. Да только ли с питанием из рук вон плохо? Такие же инвалидные очереди бывших фронтовиков выстраиваются и за "льготным" жильем, санаторными путевками, "Запорожцами". Вспоминается рассказ моего знакомого, инвалида: однажды, в крымском курортном городе

Саки, в 18-ти километрах от Евпатории, случай свел его с другим инвалидом на коляске, бывшим сотрудником КГБ, теперь приравненным к инвалидам войны. Тот долго сетовал на наплевательское отношение к нему органов социального обеспечения, привел даже такой факт: коляску ему дали только после 2-х лет ходатайств...

Тем не менее, инвалиды войны в СССР находятся в более привилегированном положении по сравнению с другими категориями инвалидов. Поэтому можно представить себе положение последних — для них вообще ничего не делается, например, для инвалидов с детства. Как сказал мне заведующий отделом социального обеспечения г. Владимира Лучков: "В уродстве детей повинны только их родители, пусть они и расплачиваются..."* Такова по сути мораль советских чиновников. А вот то, что напоминает в Советском Союзе о войне, как мы видим на примере с инвалидами войны, пользуется официальным почетом и уважением. Например, газета "Известия" от 3 марта 1984 года поместила очередную статью о такой "заботе" под названием "Эхо милосердия". Речь идет на этот раз о работе Архива военно-медицинских документов в Ленинграде, в обязанности которого входит еще отвечать на письма ветеранов и инвалидов войны, давать им необходимые выписки из их историй болезни для назначения пенсий или льгот.

И заглавие статьи — "Эхо милосердия", и ее содержание вполне соответствуют идеологическим установкам советского государства. Автор статьи постарался угодить и редактору, и другим партийным и государственным "идеологам" газеты. Но шила в мешке не утаишь. Если прочесть статью внимательно, сразу же бросается в глаза дешевый трюк официальных пропагандистов. На одних эмоциях далеко не уедешь, а статья на это только и рассчитана. Например, читаем:

* Более подробно об этом см. в главе "Инвалиды - изгой общества".

Вывеска в московском магазине

”Каждый день почтальон привозит мешок писем от ветеранов и инвалидов войны: просят выслать справку о ранении... Штатные возможности Архива рассчитаны на обработку 120 тысяч запросов в год. Их поступает и в два, и в два с половиной раза больше”.

С одной стороны, ”забота” о ветеранах и инвалидах войны, казалось бы, видна. С другой — есть сотни и сотни тысяч инвалидов, которые советским государством таковыми еще не признаны. И часто такие ”признания” зависят, как мы видим, от совершенной случайности, от уцелевшей в Архиве бумажки, подтверждающей, что тот-то и там-то во время войны был ранен или контужен.

Корреспондент газеты рассказывает об одном из таких инвалидов ”на тележке”, который, ”помогая себе руками”, приехал в Архив в робкой надежде найти нужную бумажку... Сколько в СССР еще таких же безногих, безруких, слепых, которые должны хлопотать о себе сами?!

Архив в Ленинграде хранит несколько десятков миллионов историй болезней, т. е. 60% от их общего числа. Поэтому нетрудно себе представить жизненную ситуацию остальных инвалидов, чьи истории болезней не сохранились.

В качестве примера расскажу об одном из них, об Иване Гончаре из Донецкой области.

В начале войны И. Гончар был ранен в ногу, нога ампутирована в одном из госпиталей в Могилеве. Вскоре госпиталь попал в окружение и И. Гончар до конца войны жил, по его словам, ”в доброй по-христиански семье”, которая его приютила. После войны И. Гончар вернулся в родную деревню Крутовка Константиновского района Донецкой области. Так как у него все-таки не было ноги и он передвигался на костылях, то инвалидность его была очевидна. И. Гончар был признан инвалидом 3 группы ”вследствие общего заболевания”(!). Ему была установлена пенсия 70 рублей в месяц (по новому исчислению 7 руб.) и до самой своей смерти он работал на ферме (на одной ноге грузил на подводу 50-килограммовые бидоны с молоком). Какой уж там

”Запорожец” или льготы — жил он в разваливающемся доме, ни сам его починить не мог, ни колхоз не помогал.

Может быть, поэтому в Москве и был создан Центральный научно-исследовательский институт экспертизы трудоспособности и организации труда инвалидов (ЦИЭТИН). Ведь надо же государству как-то поддерживать видимость и ”идею” заботы об инвалидах войны. В Институт едут инвалиды со всех концов Советского Союза, чтобы получить необходимое заключение, подтверждающее причину инвалидности. Но и ЦИЭТИН, с его огромным количеством экспертов-медиков, идет на поводу у государства, которому невыгодно тратиться на инвалидов.

”Эхо милосердия” — так была названа статья в газете ”Известия”. Из всего сказанного, однако, видно, что о милосердии как таковом можно только говорить. А что до его эха — это уже советская реальность...

Мы уже говорили, что к инвалидам войны относятся сегодня те, кто получил инвалидность при исполнении воинских обязанностей в Афганистане или, говоря советским языком, при исполнении ими своего ”интернационального долга”. И число таких инвалидов постоянно растет. Похоже, только с этим связано то обстоятельство, что в августе 1984 года Верховный совет СССР принял два указа, касающихся военнослужащих и вступающих в силу с 1 мая 1985 г. Например, Указ об освобождении от уплаты налогов Героев Советского Союза, обладателей ордена Славы трех степеней, инвалидов Отечественной войны упоминает и *других инвалидов-военнослужащих*, ”ставших инвалидами вследствие ранения, контузии или увечья, полученных при защите СССР или при исполнении иных обязанностей военной службы...” Эти ”иные обязанности” советские солдаты, как известно, исполняют в Афганистане, где за пять лет войны инвалидами стали десятки тысяч человек.

Именно этих, ”других инвалидов”, касается другой Указ Верховного совета СССР — о повышении ”пенсий по инвалидности военнослужащим срочной службы” (инвалидам I группы — на 30 руб., II группы — на 20 руб. в месяц) и о

назначении пенсий семьям *погибших во время срочной службы*, в том числе — "с пребыванием на фронте" ("не менее 45 руб. в месяц на каждого нетрудоспособного члена семьи, но не более 120 руб.)

Все это воспринимается не иначе, как только то, чтобы хоть как-то затушевать сложившуюся сегодня ситуацию, связанную с увеличивающимся числом инвалидов, ставших таковыми в Афганистане. Дать больше, чем эта минимум-подачка, советское государство не в состоянии. Да и посудите сами: например, возьмем газету "Известия" от 30 ноября 1983 г. и прочитаем статью "Горечь", в которой идет речь о фронтовиках и инвалидах войны, с одной стороны, прославляемых советской пропагандой, с другой — запертых в глухой провинции в доме инвалидов под сибирским городом Читой. Не было до этого подобных описаний их жизни в советской печати и, пояись эта статья не в газете, а в Самиздате, власти сочли бы ее "антисоветской", а ее автору пришли бы срок. Но, видимо и здесь через край пришлось!.. Подумайте сами: могут ли инвалиды войны в Советском Союзе жить в условиях, где душно, в комнате разбитые розетки, нет горячей воды — "найти кипятку, чтобы заварить чай — целая проблема"! Да как можно! Инвалиды войны у нас находятся на полном государственном обеспечении. Они обеспечены жильем, санаторными путевками, "Запорожцами" и даже тем питанием, которое недоступно простому смертному. "Партия и правительство в последние годы очень много сделала для фронтовиков, их семей, инвалидов войны", — постоянно говорит официальная советская пропаганда и, как бы воплощая в жизнь это свое предначертание, партия и правительство постановили: "Инвалиды войны — вне очереди". Эту вывеску вы можете встретить в любом общественном учреждении. И вдруг, мы видим совершенно иную картину: заброшенные, непроверяемые инвалидные дома, обитатели которых не только инвалиды войны, но и участники гражданской войны, влачат жалкую жизнь. Куда уж там до каких-то злополучных кипятильников-титанов, чтобы заварить чай. Годами фронтовики не

могут покинуть пределы своего заведения, где хамство — норма отношения к живым людям. ”Стоит ли говорить, — жалуется на свою горькую участь ветеран Великой Отечественной войны Александр Зайцев, — как плохо, когда не слышишь людей, радио, когда и газету трудно читать”. Много раз обращались инвалиды с жалобами в советские инстанции, да куда там!.. До них ли тем, кто делает сегодня ”большую политику” в Афганистане, Анголе и других странах, кто занят сегодня покорением космических высот, кому, наконец, мировую революцию нужно делать...

А вот и еще одна очень характерная деталь в существовании этого дома инвалидов, которая является еще и дополнением к предыдущей главе. В советской печати немало было уделено внимания сделать дома инвалидов *рентабельными*, короче говоря, чтобы они себя оправдывали, а не висели на шее у государства. Но как?! И придумали, — создавать при каждом доме инвалидов подсобные хозяйства — строить коровники, разводить свиней и т. д., а медицинский персонал и тех инвалидов, кто еще хоть как-то двигается, превратить с сельскохозяйственных рабочих. Представьте себе такую картину: инвалид на костылях очищает коровник от навоза, как это практикуется, например, в женском доме инвалидов в с. Мильцы Волынской области. В доме инвалидов под Читой, как мы видим в статье газеты ”Известия”, пошли еще дальше: с ”благословения” областных организаций администрация этого дома распорядилась возделывать 2,5 гектара картофельного поля. И вот, 80-летних фронтовиков и инвалидов войны в принудительном порядке погна-ли на это поле. Что и говорить, четко срабатывает лозунг построения ”светлого будущего”: кто не работает, тот не ест.

Но и это еще не все. Виданное ли дело, чтобы инвалидов войны... сажали в карцер. За малейшее ослушание или отступление от установленного распорядка дня всем без исключения грозит это наказание. Уж не лагерь ли это для заключенных-рабов! Похоже, что да, так как мы видим совершенно одинаковые условия содержания как заключен-

ных в лагере, так и инвалидов в домах инвалидов и престарелых: такая же строгая изоляция и казарменный порядок; такой же непосильный принудительный и малооплачиваемый труд; жалобы на произвол администрации возвращаются на рассмотрение обжалуемой же инстанции. И, наконец, как заключенным в лагере, в домах инвалидов выдают по 5 рублей в месяц "на ларек"...

Если обратиться к истории, она может дать нам некоторое объяснение сложившейся сегодня ситуации с инвалидами войны. Вот как пишет о их судьбе в конце 40-х начале 50-х годов Александр Солженицын в книге "Архипелаг ГУЛаг":

"А в какое ожерелье вплести, а к какому разряду ссылки отнести *ссылку калек отечественной войны?* Почти ничего не знаем мы о ней (да и мало кто знает). А освежите в памяти — сколько этих калек — и не старых еще — шевелилось на наших базарах около чайных и в электричках в конце войны? И как-то быстро и незаметно они проредились. ... Их сослали на некий северный остров — *за то* сослали, что во славу отечества они дали обезобразить себя на войне, и для того сослали, чтоб оздоровить нацию... Там, на неведомом острове, этих неудачливых героев войны содержат естественно без права переписки с большой землей...

Кажется и сейчас они там доживают".

Глава 4

ИНВАЛИДЫ—ЗАКЛЮЧЕННЫЕ

Я не вижу, что может быть в стране более аморальным, чем существование специальных лагерей для инвалидов. С момента установления советской власти в России страна покрылась целой сетью лагерей. Не обошлось и без создания специальных концлагерей, куда помещались больные и инвалиды. По некоторым свидетельствам инвалидные лагеря начали свое существование еще в 20—30-е годы, куда помещались бездомные больные и инвалиды-участники 1-й мировой и гражданской войн. (Надо полагать, были там инвалиды и русско-японской войны 1904—1905 гг.). О насильственном помещении в лагеря инвалидов следующей мировой войны 1939—45 гг. сведений уже больше. Тут и Спасская инвалидная колония под Карагандой на 15 тысяч заключенных-инвалидов, и инвалиды войны, вывезенные из Ленинграда и Ленинградской области на о. Валаам (на Ладожском озере). Тут и Левитановский плес Ивановской области. А

сколько инвалидов войны подобрано по бесчисленным городам Сибири, судьба которых теперь канула в неизвестность!..

Кто из нас жил в России после войны, мог видеть во всех общественных местах (на вокзалах, рынках, площадях) изувеченных во время только что окончившейся войны калек в дырявых обносках, нередко с орденами и медалями на груди, обреченных теперь на нищенство, полуголодных. Эти бездомные герои просили милостыню у тех, кому они завоевали мир. Но вот их вдруг не стало, улицы были очищены от их жалкого вида, и мало кто задумывался тогда, куда они исчезли. Рассказывают, будто Сталин, однажды проезжая по послевоенной Москве в автомобиле, выразил неудовольствие по поводу множества инвалидов на улицах. Это было "понято" его подчиненными, что и явилось одной из причин выселения бездомных инвалидов из Москвы.

Вот что пишет о Спасской инвалидной колонии Александр Солженицын в книге "Архипелаг ГУЛаг" (часть 5, глава 3):

"В Спасск присылали инвалидов — конченных инвалидов... Но, удивительно! — переступив целебную зону Спасска, инвалиды разом обращались в полноценных работяг... Одноногие все использовались на сидячей работе: бой камня на щебенку, сортировка щепы. Ни костыли, ни даже однорукость не были препятствием к работе в Спасске...

В конце 1948 года в Спасске было около 15 тысяч зэков обоего пола. Это была огромная зона, столбы ее то поднимались на холмы, то опускались в лощины, и угловые вышки не видели друг друга... Шесть тысяч человек ходило работать на дамбу за 12 километров. Так как они были все-таки инвалиды, то шли туда более двух часов и более двух часов назад. К этому следует *прибавить* 11-часовой рабочий день. (Редко кто выдерживал на той работе два месяца.) Следующая крупная работа была — каменоломни... Напомним, что вся эта работа производилась не только инвалидами и не только без единого механизма, но в суро-

вые степные зимы (до 30—35° мороза с ветром) еще в *летней одежде*, потому что *неработающим* (то есть инвалидам) не полагается на зиму выдавать теплую одежду. ... Затем шли такие работы: самозагораживание; строительство поселка для лагерщиков и конвоиров (жилые дома, клуб, баня, школа); работа на полях и огородах.

Урожай с тех огородов тоже шел на вольных, а зэкам доставалась лишь свекловичная ботва: ее привозили возами на машинах, сваливали в кучи близ кухни, там она мокла, гнила, и оттуда кухонные рабочие вилами таскали ее в котлы. (Это несколько напоминает кормление домашнего скота?..) Из этой ботвы варилась постоянная баланда, к ней добавлялся один черпачок кашицы в день. Вот огородная спасская сценка: человек полтора зэков, сговорясь, ринулись разом на один такой огород, легли и грызут с гряд овощи. Охрана сбежалась, бьет их палками, а они лежат и грызут.

Хлеба давали *неработающим* инвалидам 550, *работающим* — 650 граммов.

Еще не знал Спасск медикаментов (на такую ораву где взять! да и все равно им подыхать) и постельных принадлежностей. В некоторых бараках вагонки сдвигались и на сдвоенных щитах ложились уже не по двое, а по четверо впритыку.

Да, еще же была работа! Каждый день 110—120 человек выходило на рытье могил. Два студебекера возили трупы в обрешетках, откуда руки и ноги выпячивались. Даже в летние благополучные месяцы 1949 года умирало по 60—70 человек в день, а зимой по сотне (считали эстонцы, работавшие при морге)''.

Могут ли быть у кого сомнения, что и созданы были эти лагеря, говоря по-солженицынски, на уничтожение. А значит (будем объективны), если в эти лагеря люди посылались на смерть, то и называться им — лагерями смерти. Да только ли в лагерях морили инвалидов голодом, подвергали пыткам холодом, оставляли без самой элементарной медицинской помощи. Есть свидетельства и прямого уничтожения

инвалидов. Вот как описывает свое пребывание в одном из лагерей северо-востока страны Степан Бахчеван, прошедший 11 лет в сталинских лагерях, сейчас проживающий в Париже:

”...мимо причала Дудинка на Енисее, где находился наш лагерь, то и дело проплывали баржи, набитые военнопленными и бездомными инвалидами. Только назад они почему-то никогда не возвращались. Пьяные конвоиры рассказывали вольняшкам и расконвоированным, что, мол, была баржа — и нету, погрузилась в пучину морскую на съедение рыбам. Охотское хмурое море все следы скроет. А еще раньше, на Красноярской пересылке, мне рассказывали, что баржи с военнопленными и бездомными инвалидами, топят во множестве и в бухте Находка и по всем северным бухтам. В общем, с этой категорией зэков с 1946 по 1951 год разделались подчистую — миллиона полтора невинных жизней бросили под откос...”

Если обратиться к официальной советской печати, даже там можно найти упоминания о трагической участи инвалидов войны. Какие они путаные, скомканные, неполные! Но даже если хоть это выплеснулось наружу, значит через край пришлось. Журнал “Новый мир” за февраль 1982 года опубликовал рассказ Юрия Нагибина “Терпение”. Автор описывает поездку одной ленинградской семьи на один из северных островов, где сразу же на пристани они увидели торгующих чем попало инвалидов. Вот как Ю. Нагибин описывает одного из них:

”О калеке нельзя было сказать, что он стоял или сидел, он именно торчал пеньком, а по бокам его обрубленного широкогрудого тела, подшитого понизу толстой темной кожей, стояли самодельные деревянные толкачи, похожие на старые угольные утюги. Его сосед, такой же обрубок, но постарше и не столь крепко скроенный, пристроился на тележке с колесиками”.

Ю. Нагибин не объясняет как эти фронтовики оказались на этом острове, где их подобрали, каким этапом везли... Хотя он и продолжает дальше, что этот "инвалид-обрубок" попал на остров не сразу, не из госпиталя, а пройдя долгий путь калеки-отщепенца:

"Он торговал в россыпь отсыревшим "Казбеком" и "Беломором", а выручку пропивал с алкашами в пивных, забегаловках, подъездах, на каких-то темных квартирах-хазах, с дрянными, а бывало и просто несчастными, обездоленными бабами, с ворами, которые приспособливали инвалидов к своему ремеслу, "выяснял отношения", скандалил, дрался..."

Теперь он ни на что не надеялся и не хотел никакого чуда, но одно затаенное желание у него все же было: ленинградцы часто совершают поездки на этот остров. Он хотел увидеть людей с воли. Сам же Ю. Нагибин считает, что он совершил мужественный поступок, впервые в советской литературе написав об инвалидах, вывезенных на острова (так он сказал иностранным журналистам). Тем самым он, фактически, подтвердил лишь упоминание А. Солженицына, который первый написал о трагической участи инвалидов войны в конце 40-х начале 50-х годов.

Международный Сахаровский комитет в Копенгагене однажды опубликовал в журнале "Даниздат", выходящем в Дании, свидетельства советских граждан, летом 1979 года побывавших на острове Валаам. Согласно этому сообщению на этом острове и более мелких островах вблизи него был когда-то большой монастырь. Каждый год, обычно два-три раза в год, на о. Валаам приходил транспорт с инвалидами, но никто никогда не видел инвалидов, возвращающихся с острова. Подтверждается и тот факт, что инвалидов начали привозить на о. Валаам более 35 лет назад, то есть первыми ссыльными инвалидами были инвалиды войны, те безногие и безрукие воины, которые в конце 40-х годов как-то вдруг внезапно исчезли с улиц советских городов, исчезли, чтобы

не портить своим видом картины счастливой страны социализма.

Тогда же Сахаровский комитет призвал общественность Дании и других стран создать комиссию по расследованию этого преступления.

”Возможно, — говорится в обращении, — советские власти не разрешат такой комиссии побывать на о. Валааме под предлогом, что территория к северу от Ленинграда является запретной зоной”.

Но могут и просто убрать инвалидов из тех ”лепрозориев”, о которых стало известно на Западе. Похоже, что на о. Валааме именно так и делается: об этом свидетельствует очерк поэта Юрия Кублановского в парижской газете ”Русская Мысль”, опубликованный 27 апреля 1984 года. Называется он ”Разорение Валаама”:

”Что я знал о Валааме? Читал очерки Немировича-Данченко и Зайцева — вот и все, что мог припомнить. Да еще много слышал ужасов: что после войны на Валаамском острове был инвалидный дом, что полузаброшенные инвалиды там совершенно одичали — все это как-то трудно увязывалось с наличием массовых экскурсий на остров.

Я прошел километра три, когда из-за поворота дороги (уже пустой — несколько поспешивших за мной туристов одумались и вернулись обратно), выкатились — я даже не поверил своим глазам — два безногих инвалида на дощатых с колесиками тележках, руками отталкиваясь от дорожного грунта.

/.../ Огибая узкий монастырский залив, я оглянулся на раздававшиеся у берега всплески. Безногий (ампутированы до паха) инвалид на тележке полоскал белье. Я подошел к нему, подсел... Закурили.

— Давно здесь?

— Да с 52-го года.

— Говорят, вас эвакуируют?

— Увозят понемножку незнамо куда, не дай Бог...”

Все что связано с тюрьмами и концлагерями, считается в СССР ”государственной тайной”. Но, как бы строго ни соблюдалась эта тайна, а находятся все же люди самоотверженные, люди, готовые, несмотря на риск, на возможные жестокие преследования, рассказать людям правду. Один из них — Николай Павлов. Его мужественный рассказ о концлагере инвалидов в пос. Макорты Софиевского района Днепропетровской области неопровержимо свидетельствует о том, что отношение власти к инвалидам ничуть не изменилось. Чудом выживший в этом лагере для инвалидов, куда он попал в 1976 году за так называемую ”клевету на советский государственный и общественный строй”, Н. Павлов пишет о нем так:

”В инвалидную зону нас этапировали поздней осенью. Еще в Днепропетровской тюрьме, среди ожидавших ”столыпина” калек, я разговорился с выехавшими оттуда людьми. И услышал:

— Зря ты рвешься, земляк, в этот крематорий! Угробилка там настоящая: ни лечения, ни жратвы. Эти гады, наоборот, стараются на тот свет побыстрее отправить, но без шума, чтобы все было шито-крыто: изобьют до смерти в ШИЗО, а запишут, что повесился. Так что, брат, лучше на рабочей командировке копошиться помаленьку, чем сдыхать в этом советском Бухенвальде.

У меня словно язык отнялся, и несколько минут я ошале-ло смотрел ему в глаза, не зная, что возразить, а он, видя мое недоумение, спокойно продолжал:

— Вот сам посмотришь, обожжешься, вспомнишь эти параша насчет тамошней лафы. А пока валяй, слушай всяких холуйских тюлькогонов, они за это денег не берут.

Так началось мое близкое знакомство с этой зоной, слывшей среди лагерников ”тихой заводью” для осужденных инвалидов.

...По прибытии, до распределения в отряд, меня помести-

ли в изолятор, до того кишачий клопами, что древние нары казались неровными от засохшей крови насекомых, пожиравших нас целую неделю. Всевозможные способы избавиться от них вызывали только приступы смеха у охранников:

— Да брось ты свои примочки, урод, все равно они вас сожрут здесь всех...

А на иронический вопрос: "Что вы их, специально разводите?" — отвечали с хохотом:

— Конечно. Все учили, чтобы вас доконать.

Секция в отряде (помещение для сна) выглядела чуть лучше изолятора, клопов поменьше, сама почище — а в общем, то же самое, на уровне вокзального сортира, душного, вонючего, наглухо закрытого со всех сторон.

...Я, не успев осмотреться, был вызван к отрядному. Молодой, начинающий жиреть лейтенант Яценко, встретив меня нахальной улыбкой, предложил в приказном порядке заняться общественно-полезным трудом — выкапыванием траншеи.

— Позвольте, — возразил я ему, — у меня вторая группа, поэтому меня сюда и привезли.

— Вы — ходячий, — заорал он, — а ходячие у нас все падут, понятно или нет?! Быстро идите и имейте в виду, у нас не жалуются: до Киева далеко, а до Москвы еще дальше.

И я пошел на работу.

В бригаде моей было сорок человек. И для всех эта непосильная, бесплатная работа была изощренной пыткой, санкционированной инструкцией сверху. А денег на карточку практически не клали, и мы знали об этом. Как-то мы спросили "хозяина" — начальника режима Годынника:

— Зачем нужна инвалидная зона, если и в ней заставляют вкалывать как здоровых?

— Вы — досадный балласт нашего общества, — отвечал он. — Чем расстреливать, лучше сносить на работе, извлекая при этом пользу для общества. Так-то, граждане осужденные, — неизменно заканчивал он свои "воспитательные беседы".

Зона внешне ничем не отличается от обычного лагеря, но

как инвалидная, имеет свои внутренние специфические особенности и свои "воспитательные методы": нет утомительных разводов на работу, не увидишь стройных колонн, марширующих в столовую. Зато почти ежедневно два дюжих санитаря равнодушно волокут из какого-нибудь барака в морг очередного "освободившегося" покойника.

Но олицетворение "гуманности" — барак 10 отряда. Это — барак недвижимых, парализованных с нарушением функций тазовых органов и слепых. Девятый круг Дантова ада — курортный уголок по сравнению с этим склепом, переполненным разлагающимися телами".

Не верится! Да и можно ли поверить в это тогда, когда подобные преступления уже давно осуждены всем цивилизованным человечеством. Но действительность говорит нам, что это возможно и сегодня, сейчас, когда мы читаем эти строки...

"Оказавшись в положении осужденного, вы немедленно столкнетесь с единственным "реально существующим" кодексом — личным "кодексом" начальников лагерей, барачков и других более мелких начальников. И будут они весьма далеки от знакомого вам, официально предписанного. ... Палачи в змведешных погонах, пользуясь условиями строгой изоляции, не отказывают себе ни в каких своих желаниях. Кроме изощренного садистского приставания к особо понравившимся есть и другие "лихие радости" — например, азартная охота за золотишком. Желаящие нажиться осваивают технику выбивания золотых зубов у заключенных, как в "добрые" нацистско-сталинские времена. Жены всех начальников по уши увешаны золотом живых и покойников, определяющим положение своих "золотозубых" мужей. Тщеславная жена Годынника зарвалась настолько, что оперы из Днепропетровской комиссии — свои же коллеги — были вынуждены сделать ей замечание, поскольку обыск обнаружил зашитое в мягких креслах огромное количество золота у нее и начальника медчасти Валентины Абду-

ловны Ширяевой. Но ничего не случилось. Видимо, дело обычное — поделились. Дали лишь совет соблюдать большую осторожность, а с жалобщиками "провести беседу".

Малая инвалидная зона — модель большого социалистического лагеря... Там масштабы другие, а здесь — лейтенант Кивренко и капитан Янев — мастера "воспитательных бесед", закатав рукава офицерских рубашек, освобождают пожалевшего зубов жалобщика от почек и печени. А потом, в отходных реестрах появляются записи: "Осужденный Хонтер Борис Абрамович покончил жизнь самоубийством..."

Везде то же самое, говорят зски, только в инвалидных зонах начальство гораздо наглее. И на воле-то более забитых и безответных людей, чем инвалиды, не найти, а в таких лагерях — тем более. Ответственности никакой: инвалид — больной, — вот и помер.

И любой из вас, знакомясь с советским исправительно-трудовым кодексом, может с удовольствием отметить гуманность нашей воспитательной системы, научный подход в создании условий для отбывающих наказание, определяющий режим содержания вплоть до строгого указания метража лагерных нар.

Заброшенные, непроверяемые, инвалидные зоны фактически отданы в полную власть старым, опытным годынникам и иже с ними, которые тщательно покрывают зверские преступления друг друга..."

По сведениям, полученным из очень авторитетного источника, (имя его, к сожалению, я назвать не могу, так как в настоящее время он живет в СССР), только за период с 1975 по 1979 год в этом инвалидном лагере умерло около 500 человек. Кто опровергнет эту цифру? Напротив, есть люди, которые могли бы дополнить своим свидетельством рассказ Н. Павлова об этом лагере. Перед смертью своих близких — мужей, братьев, — они, эти свидетели, имели в лагере в ними свидание. Но условия содержания заключенных-инвалидов и трагедия своих родственников настолько потрясли их, что страх за свое будущее оказался сильнее.

Да простим мы их, читатель!.. Какова же судьба самого Н. Павлова? В феврале 1981 года он был арестован снова и получил новые 5 лет лагерей строгого режима уже за так называемую "антисоветскую агитацию и пропаганду". В настоящее время Н. Павлов содержится в одном из мордовских лагерей для политзаключенных. Срок его заключения должен окончиться в начале 1986 года.

Что же за люди находятся в инвалидных лагерях? Что сделали они, чем не угодили советскому режиму?.. На смену вымершим там инвалидам войны присланы другие инвалиды. Сейчас они попадают туда и по политическим статьям, как Н. Павлов, и за уголовные преступления. Но что такое "уголовное преступление", которое может совершить парализованный или безногий? Например, вот случай, который произошел в одном шахтерском городке на Украине. Администрация шахты, где инвалид получил увечье, отказалась заплатить ему положенное за причиненный здоровью вред. На коляске этот инвалид доехал до дома начальника шахты, чтобы выяснить этот вопрос. Начальник отказался с ним разговаривать: даже не вышел из дома. Что остается делать? — Инвалид взял камень и кинул его в окно. Состоялся суд, который приговорил его к 2 годам лагерей. Срок он отбывал в лагере для инвалидов в пос. Макорты.

Инвалидные отряды и зоны существуют почти в каждом лагере для заключенных. В них содержатся и те инвалиды, кто стал таковым в результате особенных условий режима: частых наказаний и помещений в штрафной изолятор, недоброкачественного и недостаточного питания, тяжелого труда и производственного травматизма, плохого медицинского обслуживания и, наконец, просто избиений. Почему бы не продемонстрировать силу МВД и не избить уже ставшего совершенно бесправным заключенного, как избивали политзаключенного Марзпета Арутюняна, приговоренного к 7 годам лагерей строгого режима и 5-ти годам ссылки. В результате избиения у Арутюняна были сломаны 3 ребра и отбиты почки. Состояние его было настолько тяжелым, что даже через три недели после избиения администрация Чусовской

пересыльной тюрьмы отказалась его принять, не желая брать на себя ответственность за возможный смертельный исход.

Сколько в СССР тюрем и лагерей? — официальной статистики об этом еще нигде не было. Но, думается, что немало, поэтому уместно будет задать вопрос: сколько смертельных случаев происходит в них в целом по стране? Например, летом 1983 года в Вологодской тюрьме скончался Виктор Томачинский. Официальная причина смерти — осложнение после воспаления легких. Там же, в Вологде, в пересыльной тюрьме, скончался политзаключенный Юрий Кукк. Только за короткое время, в конце 1984 года, в советских концлагерях и психтюрьмах погибло пять известных нам узников совести: А. Никитин, О. Тихий, Ю. Литвин, В. Марченко, В. Соколов. Эти факты становятся известными благодаря сообщениям, поступающим от родственников умерших или из диссидентских кругов. Но есть и непосредственные свидетели смерти заключенных. Один из них — Борис Мухаметшин, бывший узник 36-го пермского лагеря для политзаключенных на Урале:

”Я прибыл в этот лагерь в октябре 1975 года. Сразу отметил большое количество пожилых заключенных. Из 140 человек их было около сотни. Например, мне вспоминается Янис Межалс. Внешне он казался здоровым, но это впечатление было обманчивым. Временами его сковывали сердечные приступы. Вдобавок — одна рука его была парализована. Но администрация лагеря заставила его работать у станка. Он надрывался, а по вечерам страдал приступами удушья и стонал от боли в руке. Роковой приступ произошел у Я. Межалса в субботу вечером. Медчасть в субботу и воскресенье не работает. Наши крики о помощи и требования вызвать врача Петрова остались без внимания. Солдаты надзора отвечали: ”Петров уехал в город, подождите до понедельника”. Через два часа Я. Межалс умер.

Или вот случай с Александром Строгановым. Ему было за 60. Астма медленно душила его. Под нажимом майора Федорова, Строганов пошел на работу, хотя по возрасту

он имел право не работать. Он хотел заработать деньги на ларек, чтобы иметь дополнение к полуголодному рациону. Его поставили на операцию накручивания спиралей для электроутюгов. И молодому-то ззку норма была высока, что уж говорить о старике... Если же она не выполнялась, то весь труд не засчитывался. Полуслепой, с трясущимися руками, мучительно работал он на этой операции. И это в холодном цехе, где температура была чуть выше, чем снаружи. В воздухе висела пыль периклаза, дым от печи обжига разъедал глаза. Страдания Строганова оканчивались со съемом на обед, а на следующий день все повторялось сначала. Через несколько месяцев Строганов слег в медчасть — в стационар. Мы встречались у медчасти и беседовали. Я видел, как медленно тает Строганов: желтел, худел, до того осунулся, что под кожей лица ясно "читался" череп. Он тяжело кашлял и не мог вздохнуть полной грудью. Мои заявления на имя начальника медчасти и настойчивые требования других заключенных приступить к действительному лечению Строганова долго оставались без ответа. Наконец, из стационара его отправили в больницу. Все думали, что его вылечат, а оказалось, что его отправили умирать и только с этой целью изолировали от общения с солагерниками. Через несколько дней Строганов умер".

Медицинское обслуживание тяжелобольных и инвалидов в советских тюрьмах и лагерях — тема особого разговора и нам бы следовало посвятить ей немало страниц. Например, вот как пишет о медицинской помощи парализованным инвалидам в лагере в пос. Макорты Днепропетровской области Н. Зеляков-Павлов:

"Сколько усилий требуется, чтобы зазвать туда (в барак) медсестру для оказания помощи умирающему (о клиническом лечении и не заикайся!). Только по просьбе ДПНК (дежурный помощник начальника колонии) придет какая-нибудь вертихвостка в сопровождении контролеров, брезгливо проберется, — не дай Бог до кого-нибудь дотронуть-

ся, — торопливо всадит шприц неизвестно с чем и смоеется. И на воле такая небрежность может стоить вам жизни, здесь же это — прямой путь на кладбище, которое находится тут же, недалеко, за каменным трехметровым забором, скрывающем от постороннего взгляда наш уютный "сангородок". Так цинично значится он во всех официальных документах".

"Стационар медчасти 36-го пермского лагеря для политзаключенных, — вспоминает Б. Мухаметшин, — был всегда полон больными и инвалидами. Десятки людей ожидали своей очереди подлечиться. Направления в центральную больницу приходилось ждать месяцами, по полгода, да и это надо было "заслужить". А визиты в медчасть оканчивались лишь получением старых просроченных таблеток и обещаниями. Надо заметить, что медчасть является составной частью общей системы "перевоспитания". Врач Петров как-то цинично заявил нам: "Могила вас вылечит..."

Добавим, что климат Западного Урала, где находится лагерь, очень тяжелый. Лагерь расположен в излучине реки Чусовая и ее притока. Весной он затопляется водой на одну треть. Летом — очень высокая влажность воздуха. Зима начинается с середины сентября и кончается в апреле-мае. Морозы достигают 50-ти градусов. Колебания температуры в течение дня бывают очень резкими: например, утром может быть -42° , днем -18° , а к вечеру температура падает снова до -32° . Такие резкие перепады температуры действуют разрушительно на здоровье не только больных и инвалидов, но даже здоровых людей. Распространено мнение что в этом есть скрытый умысел: поместить заключенных в тяжелые климатические условия и тем самым утяжелить и без того нелегкие условия наказания.

Итак, полуслепой заключенный, с трясущимися руками, работающий в цехе, где температура зимой немного выше, чем снаружи, затем медсанчасть и смерть — это можно только представить... Именно представить, потому что ни советская печать, ни радио, ни телевидение нам этого не расска-

жут и не покажут. Помните, как сказал начальник режима инвалидного лагеря в пос. Макорты Днепропетровской области Годынный этим людям?! — "Вы — досадный балласт нашего общества!" А врач 36-го пермского лагеря Петров даже "научно" обосновал этот подход, заявив заключенным больным: "Могила вас вылечит".

Эти слова были сказаны разными людьми, в разных местах и не знавшими друг друга, но как они похожи. А точнее похожи на уже официально установившееся в СССР отношение к заключенным-инвалидам и больным: из лагеря — только в могилу. Ну, а до могилы надо еще работать. Ведь в стране "победившего социализма" лозунг "кто не работает — тот не ест" знают уже со школьной скамьи. Тем более в местах лишения свободы СССР труд всегда считался, следуя марксистско-ленинской идеологии, одной из форм исправления преступников, вредных элементов и т. д. Начиная с 15-суточников и кончая долгосрочниками, отбывающими сроки наказания в 10, 15 и более лет, все обязаны быть заняты общественно-полезным трудом. Да и почему бы не использовать бесплатную рабочую силу там, где это выгодно государству? Не остались без внимания инвалиды и больные. Узаконив обязательный труд для заключенных, государство ввело практику получения максимума отдачи не только от физически здоровых заключенных, но и от заключенных-инвалидов. Вот как звучит комментарий к ст. 37 Исправительно-Трудового Кодекса РСФСР:

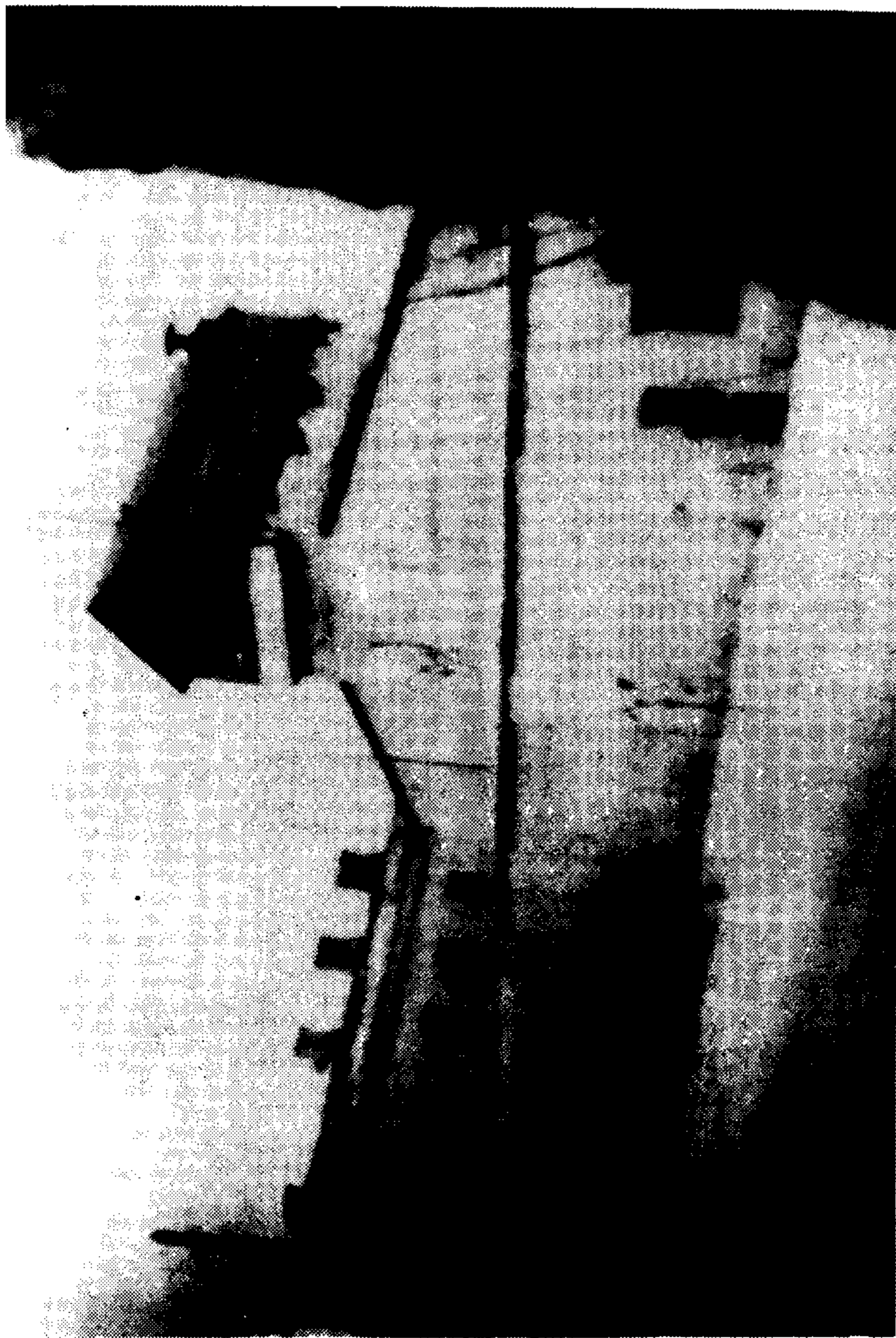
"Исходя из благородных и гуманных целей, советское государство всегда проводило в жизнь принцип обязательности труда для осужденных. От обязанности трудиться не освобождаются и те осужденные, которые по состоянию здоровья признаны инвалидами любой группы".

Что неукоснительно и выполняется. Например, в г. Георгиевске Ставропольского края в лагере 17/3 есть инвалидная зона на 600 человек. Все они работают на местной швейной фабрике. Работают в 3 смены, то есть даже ночью. Сре-

ди них встречаются и те, кто выколол на груди или на спине слова "Раб КПСС". Им срезают целый участок кожи, два-три дня держат в инвалидной зоне, а затем отправляют назад в общий лагерь. Продолжая свой рассказ о 36-м пермском лагере для политзаключенных на Урале, Б. Мухаметшин так описывает в нем ситуацию:

"Чтобы выполнить план производства, спущенный МВД, администрация лагеря изыскивала всевозможные способы. Главным в решении этой проблемы было повышение норм выработки примерно каждые 4 месяца. Привлекались к работе и инвалиды. Была издана инструкция, впоследствии обретшая форму приказа. Согласно этой инструкции выгоняли на работу всех, кто был способен хоть как-то самостоятельно передвигаться и что-то делать руками. Администрация обещала занять их на легкой работе, но таковой почти не было. Постепенно обещания забылись и инвалидов стали использовать так же, как и всех заключенных. Я сам ежедневно видел, как им приходилось подносить и грузить тяжелые ящики с металлическими трубками, то есть с готовой продукцией, складировать, работать на станках, участвовать в землякопных работах, подволакивать вручную тяжелые бревна к пилораме и т. д. Все это не могло не сказываться на их здоровье. Нередки были и производственные травмы, так как техника безопасности отсутствовала".

Ни одно цивилизованное общество не может допустить, чтобы на тяжелой работе использовать инвалидов и больных. В СССР же, официально считающим себя самым гуманным и демократическим государством в мире, принудительный труд даже для инвалидов обрел форму государственного закона. И инвалиды работают, но как? Какая работа под силу им, да и под силу ли она вообще для еле передвигающихся людей? Продолжая свой рассказ о 36-м пермском лагере Б. Мухаметшин приводит несколько конкретных примеров, а именно, чем оборачивается "гуманный" по-советски принцип принудительного труда инвалидов:

Спецсихбольница МВД в г. Орле

”Например, вот случай с Стасисом Маркунасом, которому, когда я был в лагере, было уже около 70-ти лет. Он был астматик с больными почками, истощавший от многолетнего систематического недоедания. Его поставили на сборку панелей для электроутюгов. Надо было собирать воедино 13 мелких деталей и запрессовывать их на пневмостанке. Норма – 527 штук в смену. С парализованными пальцами, в очках С. Маркунас усердно старался, так как за невыполнение нормы грозил карцер. Пары бензина и стук пресса раздражали и мучали его. Он задыхался. Маркунаса клали в стационар на пару недель, а по истечении их снова выгоняли на работу.

А вот как работал Николай Боровой. У него не было одной ноги и он пользовался деревянным протезом. Сразу же по прибытии в лагерь его поставили на операцию сгибки ТЕНов на станке. Стоило немного отвлечься, пальцы рук попадали на валики и их сминало. Дважды пальцы Борового были изувечены. После короткого освобождения его снова ставили на эту операцию. Дополнительно он был обязан упаковывать детали в ящики и грузить их на машины. И здоровому человеку такая работа не под силу, но Боровой через силу выполнял, боясь за невыполнение нормы попасть в штрафной изолятор.

Вспоминается еще Николай Утенков. Не старый, но почти слепой. Ощупью передвигался он по бараку и по зоне. Это не избавило его от трудовой повинности. Как бы в насмешку Утенкова поставили слесарем в токарный цех. Естественно, у него выходило много деталей браком, но вместо того, чтобы признать бесполезность труда Утенкова, за невыполнение нормы его наказывали водворением в штрафной изолятор”.

Так советское государство воплощает в жизнь свой ”гуманный” принцип принудительного труда инвалидов!..

Для облегчения эксплуатации инвалидов и в репрессивных целях ВТЭК (Врачебно-Трудовая экспертная комиссия) по настоянию лагерного начальства зачастую переводит

Лагерная вышка

заклученных-инвалидов с 1-й или 2-й группы на 3-ю, или вообще лишает их инвалидности. Таким образом инвалидов можно направить на самые тяжелые работы. Имеются случаи, когда лагерная администрация лишает группы инвалидности заключенных, имевших ее несколько десятков лет. Хочется особенно отметить следующее: человек, прошедший несколько десятилетий в тюрьмах и лагерях, став инвалидом, при освобождении едва ли может рассчитывать на что-то иное, кроме нищенского пособия в несколько десятков рублей: по советскому законодательству полной пенсии ему не положено, так как работа в лагерях не засчитывается в трудовой стаж. Многим из них потом приходится искать посильную работу на воле, чтобы не умереть с голоду.

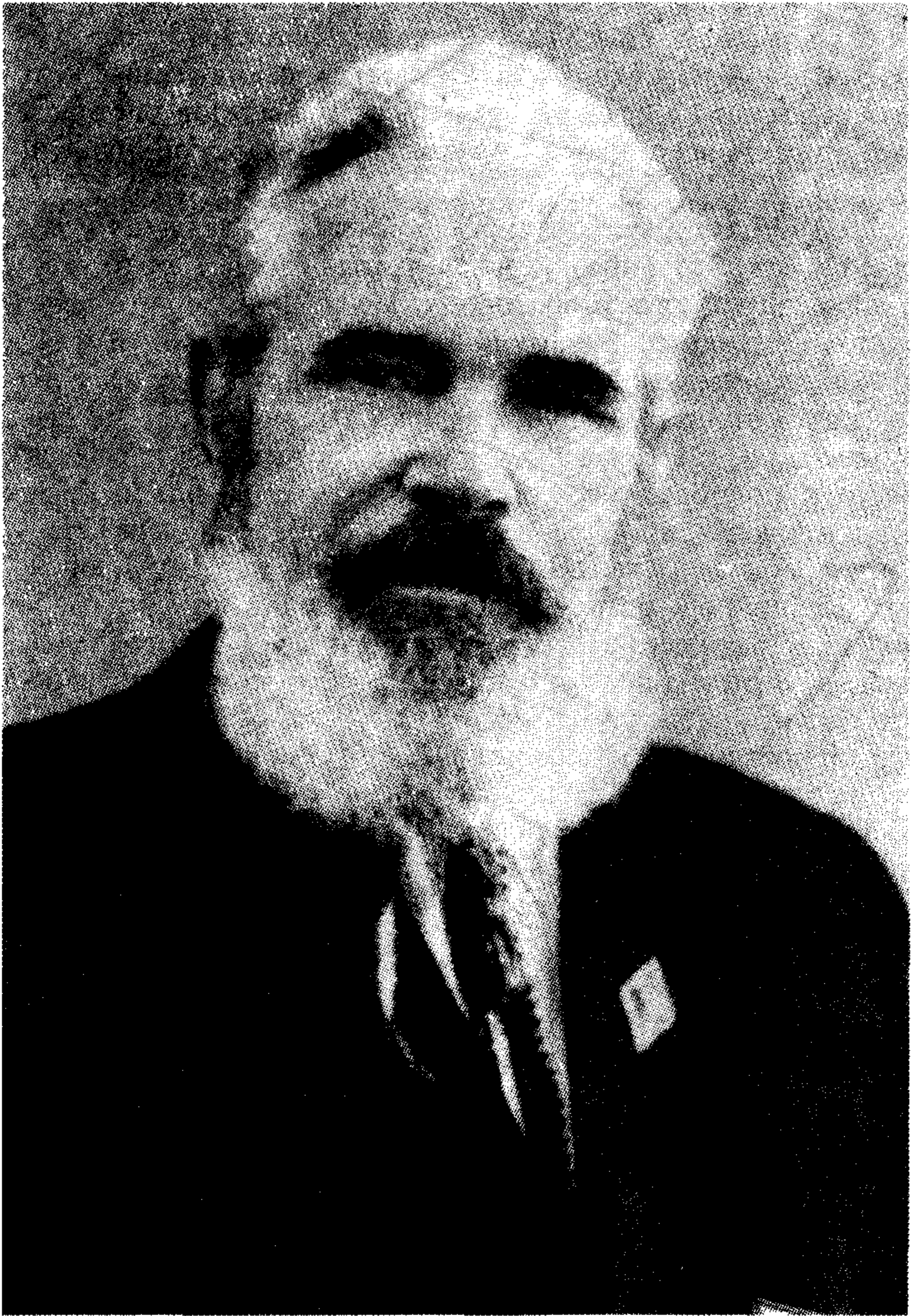
Иногда бывает ошибочное мнение, что представители различных организаций на Западе плохо или недостаточно знают о положении заключенных в СССР. И это высказывают как бы в упрек Западу. Однако, дело обстоит несколько иначе. Например, генеральный секретарь западногерманской секции Международная Амнистия Хельмут Френц в ноябре прошлого года сказал, что заключенные в СССР безжалостно используются как орудия производства, не имеющие никакой ценности: когда они перестают быть продуктивными, их можно просто выбросить. Х. Френц подчеркнул, что "советские места заключения — это самые настоящие заводы или мастерские, где узники должны давать максимум продукции". И тем не менее, информация эта еще далеко не полная. Мало кто знает — даже в СССР, не говоря уже о Западе, — что заключенные в Советском Союзе используются еще при добыче и обработке урана... И не только в карьерах применяется их труд. Есть предположения, что труд заключенных используется при очистке дюз атомных подводных лодок и в цехах военных заводов, где изготавливают боеголовки ядерных ракет. Тяжелые последствия облучения — неизбежный результат такого использования труда заключенных.

Естественно, что такие лагеря находятся на особом положении у государства, поэтому трудно привести хотя бы

приблизительное количество этих лагерей. Например, вот один из рассказов Шаталова, который достоверно знает о существовании нескольких таких лагерей, заключенные которых работают на урановых рудниках. Н. Шаталов так описывает одну свою поездку в пос. Учкудук Бухарской области:

”В 1975 году мне довелось побывать в Учкудуке у родственников. Это — абсолютно закрытый город. Как-то утром я пошел прогуляться по городу. Меня удивило, что целый квартал огорожен 6-метровой высоты панелями. Когда я проходил мимо этой стены из панелей, вдруг из-за нее вылетел какой-то предмет и упал недалеко от моих ног. Это была бумажка, а в нее завернут камень. Потом еще и еще раз. Всего я подобрал пять таких бумажек с камнями. Камни были вложены, чтобы можно было перебросить через стену. Потом мои родственники рассказывали, как это происходит. Крановщик сверху сообщает, что идет незнакомый человек, и заключенные перебрасывают свои заготовленные письма. В одном письме говорилось, что человек, писавший это письмо, сидит уже 31 год. Но в Учкудуке он первый год: его привезли на урановые рудники умирать. Он просил сообщить семье. Но поскольку он не знал, жива ли его семья, то писал письмо к брату. Другой сидел по 58-й статье, пункт 14. Третий — по 58-й, пункт 8. Все они писали о том, что живыми отсюда уже не выйдут...”

А теперь настала пора спросить: за что эти немощные, полуживые люди так ненавистны советскому режиму? Чем они провинились перед своей Родиной и народом, чтобы вот так запросто быть обреченными на смерть; копошащиеся, но еще живые люди?.. А вот, например, Богдан Чуйко, 65-летний инвалид с ампутированными пальцами ног и целым набором всевозможных болезней. Первый раз он был арестован в 1948 году за участие в Украинской Повстанческой Армии, которая начала свою активность еще в 1942 году на оккупированной тогда немцами территории Украины. Во время следствия один из следователей дверью зажал

Б. Чуйко

правую руку Б. Чуйко, требуя от него нужных следствию "признаний". В результате этого у него на всю жизнь остались деформированны пальцы руки. Тогда Б. Чуйко получил 10 лет лагерей. В 1956 году он был досрочно освобожден по решению Иркутского областного суда и этот же суд постановил: "учитывая добросовестную работу Чуйко, зачесть ему в трудовой стаж срок работы с 1949 года по 1956 год. В 1968 году Б. Чуйко был арестован снова. По сфабрикованному уголовному делу и повторному делу УПА он отсидел еще 10 лет. Освободился в 1978 году, но на свободе ему пришлось быть недолго. В марте 1980 года инженер-строитель Б. Чуйко арестован снова. Как сказали власти г. Мичуринска Тамбовской области жене Чуйко, на этот раз его обвинили в... "покушении на хищение государственного имущества, совершенного путем мошенничества". То есть, будто он, Чуйко, хлопоча о пенсии, незаконно включил в свой трудовой стаж те 5 лет, признанных Иркутским областным судом. Кроме того Прокуратура, которая вела дело Б. Чуйко, "не поверила" заключению медкомиссии об инвалидности, полученной им в Москве. На основании этого суд г. Мичуринска Тамбовской области расценил запись в трудовой книжке как попытку ввести государственные органы в заблуждение с целью получения пенсии. Б. Чуйко был признан "особо опасным рецидивистом" и приговорен еще к 6-ти годам лагерей особого режима.

Фактическая же сторона дела — особое отношение властей к Чуйко. Ведь не станет же советская пресса столько писать по поводу какого-то "мелкого мошенничества". Только за полгода (с 13 июня 1980 года по 7 января 1981 года) в газетах "Мичуринская правда" и "Тамбовская правда" были напечатаны 4 статьи, в которых Б. Чуйко обвиняют... Впрочем, посудите сами по заголовкам этих статей, в чем его обвиняют: "Каждому своя память (записки следователя)", "Не забудем, не простим", "А теперь и мошенник", "Оборотень".

Надо сказать, что вся информация о СССР, которая исходит от советских официальных лиц, преподносится ими в

очень искаженном, вывернутом наизнанку виде, даже если это происходит на международном уровне. Например, с 5-го по 9 ноября 1984 года в Женеве проходило заседание Комитета по правам человека при ООН. Комитету был представлен доклад о правах человека в Белорусской ССР, которая входит в состав ООН. Возглавлял советскую делегацию Максимов. Перед выступлениями представителей советской делегации, по их настоянию, им были вручены письменные вопросы, на которые они заранее подготовят ответы. Поэтому и само заседание походило скорее на спектакль с заранее расписанными ролями — кто и что должен говорить.

Несколько дней сидел я в зале, слушал доклады членов советской делегации, а также вопросы к ним представителей западных государств. Все, о чем говорили советские представители, никак не укладывалось у меня в голове.

Например, можно ли поверить в то, что "Советский Союз всегда выступал за конструктивный диалог по правам человека"? — ("Мы гордимся своими достижениями в области прав человека".) Или, что населению СССР доступны все правовые документы, в том числе Пакт о гражданских и политических правах. У меня, например, этот Пакт изымали на обысках. Да только ли международные правовые документы, которые к тому же в СССР днем с огнем не найти, изымаются на обысках. Изымается даже такая, "своя" литература, как "УК РСФСР", "Законодательство о труде" и т. д.

А вот как выразился советский представитель о внешней политике и о праве народов на самоопределение: "Мы признаем право каждого народа устраивать свою судьбу и Советский Союз строго выполняет свои обязанности по международным договорам со своими соседями, в том числе с Афганистаном". Как этот договор выполняется Советским Союзом по отношению к Афганистану и другим государствам мы знаем: тысячи убитых и миллионы людей, изгнанных со своей земли. "Выполнение своих обязанностей" — это бесконечная экспансия, это стремление заставить другие народы жить так, как этого желает коммунистический ре-

жим. Кроме того, войну в Афганистане я понимаю не иначе, как умышленное убийство и калечение ни в чем не повинных людей...

И, наконец, можно ли поверить, что граждане СССР могут беспрепятственно выезжать из страны и возвращаться в нее обратно, что в Советском Союзе нет цензуры печати, нет политзаключенных и т. д. и т. п. Одной из главных тем, рассматриваемых Комитетом, пожалуй, был вопрос об условиях содержания заключенных в СССР. Советская делегация постаралась дать на него особенно "подробный" ответ. В Советском Союзе, де, заключенные пользуются всеми правами, предоставляемыми им советским законодательством в соответствии с международным правом. Не моргнув глазом, советский представитель Маслян заявил, что заключенные имеют право на получение посылок, передач, писем, денежных переводов и т. д., что для них нет одиночных камер, что администрация лагеря не имеет права вскрывать письма и жалобы заключенных, и что за нарушение этого работники лагеря наказываются самым суровым образом.

Я всегда поражался и продолжаю поражаться, с каким цинизмом способны лгать официальные советские руководители. Особенно поражаешься, когда эта ложь произносится на высоком уровне. Куда уж там каким-то бесправным политзаключенным мордовских или пермских лагерей, которых и в карцер посадить можно на хлеб и воду, а то и просто избить. Даже членам Комитета по правам человека при ООН можно врать напрапалую. Ведь как они проверят? Международных же комиссий по проверке тюрем, лагерей и психбольниц нет. Ни одного представителя Международного Красного Креста не было ни в одном советском лагере для заключенных за все время советской власти. Как сказал представитель советской делегации: "в этом нет необходимости".

В перерыве между заседаниями ко мне подошел член Комитета, представитель от Англии, сэр Эванс и с иронией спросил: "Как Вам все это нравится?.." Голословные утверждения советской стороны о том, что в СССР якобы со-

блюдаются все права и свободы граждан, никак не могли убедить членов Комитета. Да оно и понятно, чтобы убедиться в обратном, достаточно познакомиться с документами самиздата или письмами советских заключенных. Например, украинский политзаключенный Василь Стус, умученный и скончавшийся в сентябре 1985 года, писал в своем "Лагерном дневнике":

"Итак... я прибыл на Колыму. Позади остались 53 дня этапа, почти 2 месяца. Вспоминаю камеру Челябинской тюрьмы с полчищами тараканов на стенах — глядя на них, я чувствовал, как свербит все тело, и потом — Новосибирская пересылка... страшная Иркутская тюрьма — меня кинули в камеру с бичами-алиментчиками: вшивые, грязные, отупелые, они издавали запах периферийной душной воли, отчего хотелось выть волком. Оказывается, и так можно жить, и так мучиться тюремной мукой. Пьяные надзиратели... Один из них чуть не избил меня за то, что я вслух сделал замечание о его грубом поведении... Как бессильны жалобы прокурору (в каждой жалобе непременно найдут "недопустимые выражения" и накажут. Думаю, наказывают за саму форму жалобы-протеста)... Одним словом, правительство позволило делать с нами все, что угодно".

Итак, советские представители не постеснялись утверждать, что заключенные пользуются всеми правами, записанными в международных пактах и договорах. А вот когда, например, Анатолий Марченко, инвалид, приговоренный сейчас к 15-ти годам лишения свободы, попробовал сослаться на факты нарушения международного права, ему сказали: "Эти права написаны не для Вас, а для негров..."

Не постеснялись советские представители сказать, что одна из статей ИТК РСФСР предусматривает даже освобождение до окончания срока наказания тяжелобольных заключенных, то есть не представляющих большой опасности для общества. Например, вот как выглядит ст. 100 Исправительно-Трудового Кодекса РСФСР:

”Осужденные, заболевшие хронической душевной или иной тяжелой болезнью, препятствующей дальнейшему отбыванию наказания, могут быть освобождены судом от дальнейшего наказания”.

Как же тогда расценить существование в СССР специальных лагерей для инвалидов? Уж они-то никак не могут быть ”опасными” для общества. Как на практике происходят ”освобождения” тяжелобольных мы снова видим на примерах. Не перечисляя одну судьбу за другой расскажем о политзаключенном Михаиле Дяке, инвалиде. Арестован он был в марте 1967 года и приговорен к 12-ти годам лагерей строгого режима (первые 5 лет в тюрьме) и 5-ти годам ссылки. В Мордовском лагере у Михаила Дяка начался лимфогрануломатоз (одна из форм рака крови). Лагерное начальство предложило ему просить помилования — на этом условии его обещали освободить досрочно. М. Дяк отказался. Наконец, когда дни его были сочтены, его освободили. Он умер, прожив после освобождения чуть больше года, испытывая страшные мучения и зная, что умирает.

Смерть досрочно освободившихся заключенных по проществу нескольких месяцев — явление не исключительное. Такие освобождения производятся лишь для того, чтобы снизить показатель смертности в лагерях. Да и о каком освобождении инвалидов и тяжелобольных может идти речь, если, например, во Владимирской тюрьме за протесты против произвола администрации помещали в карцер парализованного Федора Труфанова. Так как сам он не мог ходить, надзиратели переносили его в карцер на носилках... Более того, сейчас стало известно о так называемых Специальных Психиатрических Колониях, куда отправляют заключенных, заболевших психически во время отбывания наказания. Пока известно о существовании двух таких колоний: в городах Рыбинске и Костроме.

И уж коль скоро мы вспомнили о психиатрическом терроре в СССР, нельзя не сказать о людях, подвергшихся этому тяжкому испытанию. Много было уже написано об

этом и много можно еще написать, пока существует в Советском Союзе это страшное зло, главным образом предназначенное для калечения людей (как духовного, так и физического). Тысячи и тысячи людей находятся сегодня в психиатрических больницах СССР. Счастлив тот, кто прошел уже этот кошмар и доживает на воле, а ведь кто-то умер и прямо там в результате лечения нейролептиками, или просто от побоев надзирателей. Чувствуют ли невольные (или вольные) убийцы свою вину? Почувствовал ли угрызения совести убийца, от чьего решающего удара — сапогом ли, палкой — в спецпсихбольнице г. Ленинграда умер 32-летний Анатолий Порубов. Летом 1981 года группа надзирателей и санитаров избила уже больного А. Порубова, привязав его к кровати (так безопаснее бить). Через неделю он умер от множества разрывов кишечника и ушибов внутренних органов. Конечно, виновные наказаны не были: режим тщательно охраняет своих исполнителей...

Глава 5

ИНВАЛИДЫ – ИЗГОИ ОБЩЕСТВА

Социальные и политические причины

Сколько в СССР инвалидов? Официальной статистики об этом нет, как нет статистики, например, сколько в СССР заключенных, алкоголиков, безработных и т. д. Хотя, надо сказать, где-то, за семью замками, она есть, но зачем это нужно знать обществу, строящему свое самое светлое в мире будущее? Поэтому любопытным всякий раз нужно пользоваться случайно проскочившими в печать или от кого-то услышанными цифрами, сопоставлять их с другими и такими же случайными, прибавлять, умножать и т. д., чтобы получить хотя бы приблизительную цифру на интересующий предмет. Попробуем и мы воспользоваться некоторыми цифрами, которые могли бы дать нам некоторое представление о количестве инвалидов в СССР.

В одной из передач советского радио было однажды ска-

зано, что в настоящее время в Советском союзе насчитывается 8 млн. работающих пенсионеров по старости, что составляет 1/3 из общего количества. Следовательно, можно заключить, что общее число пенсионеров по старости — 24 миллиона. А на 26-м съезде КПСС Л. Брежневым была упомянута общая цифра пенсионеров (включая и инвалидов) — 49 млн. Если принять во внимание, что лишь очень немногие семьи, потерявшие кормильца, получают пенсионные пособия, то кроме пенсионеров по старости (24 млн.) остальные — инвалиды. Следовательно 49 минус 24 получаем цифру в 25 миллионов инвалидов. Цифра эта близка и к подсчетам некоторых международных статистических организаций, утверждающих, что каждый десятый человек на планете — инвалид. (Население СССР более 270 млн.) Однако можно сказать, что даже 25 млн. — цифра заниженная. Люди, жившие в СССР знают, как порою трудно, а то и невозможно, получить даже больничный лист (освобождение от работы), не говоря уже о том, чтобы пройти комиссию ВТЭК (Врачебно-Трудовая Экспертная Комиссия) и получить официальное заключение об инвалидности. Поэтому люди, по состоянию здоровья считающиеся инвалидами, зачастую официально признаны здоровыми.

Почему в СССР так много инвалидов? — часто задают мне сейчас этот вопрос. Причин несколько, но остановимся только на тех, что на наш взгляд заслуживают особого внимания: во-первых — это следствие нарушения, а часто и просто отсутствия техники безопасности на производстве; во-вторых — принявший уже национальное бедствие алкоголизм в стране, и: в-третьих — это последствия ядерных взрывов и катастроф, связанных с распространением радиации в атмосфере. Кто хоть немного знаком с причиной, способствующей появлению инвалидов в стране, согласится, что в любом промышленном городе в процентном отношении всегда значительно больше инвалидов труда по сравнению с городом с меньшей промышленностью. Так, например, в Ворошиловградской, Донецкой, Кемеровской областях очень много инвалидов-шахтеров. Вспоминаю, когда я ра-

ботал электромонтером, наша бригада обслуживала ЛЭП (Линии Электро-Передач) высокого напряжения. Работали, что называется, на "ура", то есть чтобы скорее устранить аварию или какие-либо другие неполадки, связанные со снабжением электроэнергией сел и поселков района. Однажды сильным ветром опрокинуло несколько опор и мы выехали на место аварии. Отсоединили разъединитель, электроэнергия через который подходила еще к трем деревням, и приступили к работе. Поставили новые опоры, натянули провода и т. д. Только к вечеру, когда уже стемнело, мы закончили работу. Поехали к разъединителю, поднимаемся на гору и ахнули: во всех трех деревнях горит свет. Как потом выяснилось, в одной деревне гуляли свадьбу, когда начало темнеть, один пьяный пошел и включил разъединитель. Задержись мы немного на линии, неизвестно писал ли бы я сейчас эти строки...

Алкоголизм — уже немало написано на эту тему в советской печати. И много было всевозможных предположений — почему с каждым годом в СССР пьют все больше и больше. Для меня ясно одно — в СССР пьют больше в результате создаваемой десятилетиями искусственной психологической атмосферы (тут и отсутствие смысла жизни, и огромный ГУЛаг, созданный не на исправление, а калечение и т. д.) И естественно, хотя экономически это государству не выгодно*, но зато выгодно руководящей верхушке парт-аппарата в стремлении сохранить власть. И, уж конечно, постоянный рост алкоголизма в стране резко повышает как детскую смертность, так и число рождений умственно неполноценных людей. В одной из публикаций в русскоязычной печати на Западе со ссылкой на исследование социологов Сибирского отделения АН СССР (г. Новосибирск) для высшего партийного руководства, были приведены такие цифры: детская смертность за 20 лет возросла на 47%: 7,1 на

* По некоторым данным продажа водки приносит государству 45 млрд. рублей в год, потери же народного хозяйства от алкоголизма составляют 180 млрд. руб.

тысячу человек населения — в 1960 году, 10,4 — в 1980 году. В той же публикации со ссылкой уже на декана одного из педагогических институтов Мееровича говорится, что умственно неполноценные дети в 1982 году составили 16,5% всех новорожденных. Кроме этого подчеркивается, что 85% убийств, изнасилований, бандитских и грабительских нападений совершаются в состоянии алкогольного опьянения. А значит — это новые инвалиды...

Когда я жил в СССР, у меня была большая переписка с инвалидами с детства, которых, как я заметил, больше всего в восточных районах Европейской части СССР. С чем это связано, об этом немного ниже. А пока мне хотелось бы привести маленький эпизод из моей жизни. "Почему инвалиды с детства находятся в столь бедственном положении?" — спросил я однажды заведующего отделом социального обеспечения г. Владимира Лучкова. "Потому, — ответил Лучков, — что в уродстве детей повинны только их родители — пусть они и расплачиваются". Я сказал Лучкову, что в этом больше виновато государство, а не родители. Например, ядерные испытания, которые проводятся у нас в стране, сильно влияют на наследственные гены. При этом я сослался на академика А. Сахарова, который подтверждает это. Что заставило Лучкова промолчать тогда — не знаю. То ли авторитет А. Сахарова как большого ученого, то ли сам А. Сахаров, ставший уже как бы большим политическим деятелем.

Кроме этого известно, что в конце 50-х годов, вследствие аварии на одном из заводов в Свердловской области, произошла утечка радиации. Известно и о том, что в районе г. Семипалатинска постоянно проходят ядерные испытания. Одна женщина, инженер одного из предприятий г. Семипалатинска, прожившая в этом городе около 30-ти лет, рассказывала, что хоть и предпринимаются "меры защиты" людей — построены убежища, в которые население прячется, будучи заранее оповещено о времени взрыва — радиация все-таки распространяется на город. Дозиметрические приборы для определения степени радиоактивности от насе-

ления скрываются, а специалистам, владеющим этими приборами, запрещено разглашать их показания. И страшнее всего, что это стало буднями, вошло в привычный уклад жизни.

Замечено, что в Семипалатинске так же, как и в латвийском городе Саласпилс, где находится атомный реактор, чрезвычайно высокий процент мертворожденных детей, и все обычные болезни протекают острее, чем в других местностях.

О том, как становятся инвалидами и как они затем живут, я расскажу на судьбе одного человека, ставшего мне близким. Это Исмаил Утавлинов из Оренбургской области. Жизнь заставила его работать фактически с восьми лет, сначала подпаском чабана, а потом и чабаном. Жестокая судьба бросала его с места на место. В советском государстве, где по заявлению официальной пропаганды "самое счастливое детство", мальчик рос без материнской ласки, и никто ему не помогал. Нелегко приходилось ребенку, но его трудовой путь от подпаса чабана, а потом шофера, бульдозериста, проводника товарных вагонов говорит о мучительном поиске найти себя в этом мире.

Во время одной из поездок товарный состав, который сопровождал И. Утавлинов, подвергся нападению грабителей. Пострадал и он сам. Упав на большой скорости с тормозной площадки, он получил травму позвоночника. Врачи не смогли поставить правильный диагноз, и вместо лечения Утавлинову снова пришлось работать, а болезнь развивалась, ему становилось все хуже и хуже. Через некоторое время, попав наконец в больницу, он прошел противопоказанный при его травме курс лечения — наши эскулапы обнаружили у него "реберную невралгию", был назначен курс различной физиотерапии, в частности, долгое и глубокое прогревание.

Болезнь прогрессировала, и на позвоночнике образовалась опухоль. Случайно проезжий специалист, знакомый родственников, по их просьбе произвел частное обследование И. Утавлинова и схватился за голову. Картина прояснилась, лечение изменили, но было уже поздно: жизнерадо-

стный здоровый человек был превращен в тяжелого инвалида с нарушением функций тазовых органов.

С тех пор, в течение 14-ти лет, у него не было своего угла, он скитался по больницам и родственникам. Кому был нужен инвалид трудового увечья Исмаил Утавлинов?.. (Кстати, до сих пор ВТЭК не признает его инвалидом, получившим травму на производстве, так как государству пришлось бы при этом доплачивать к пенсии.) Вот строки из его многочисленных писем:

”...В настоящее время в который раз я нахожусь в поселковой больнице, лежу целыми днями на кровати и гляжу в окно либо на пробегающих мимо собак, либо на прохожих, или просто на пьяных — на всю эту серую и безрадостную жизнь, и до того на душе становится грустно и тоскливо, что выть хочется.

Креслоколяска моя уже давно стоит сломанная, запасных деталей к ней найти невозможно, а новую обещают дать только через несколько лет, поэтому я не могу даже добраться до телевизора, который стоит в коридоре. Не мылся я уже несколько месяцев, потому что ванная — на первом этаже, а я лежу на втором, и носить меня некому. Мотоколяска моя тоже давно сломана, и нет для нее запчастей и денег, чтобы кто-нибудь ее отремонтировал.

Недавно я звонил по телефону председателю райисполкома все с той же просьбой: дать мне квартиру. Он ответил, что ничего из этого не выйдет. Оказывается, они на бюро райкома, в присутствии 1-го секретаря райкома, сделали заключение: если я инвалид 1 группы и за мной требуется постоянный уход, жить в квартире один я не могу, поэтому в моей просьбе мне *отказать*.

Я не могу уже дальше так жить, постоянно скитаясь по больницам, как бездомная собака. Несколько раз я пробовал звонить в Москву, но никто мне не отвечает...”

Долго мы писали в различные инстанции, объясняя ситуацию с И. Утавлиновым, и вот произошло чудо: Утавлинов

получил однокомнатную квартиру на окраине одного поселка Оренбургской области. После долгих хлопот установили ему и телефон. Уставлинов стал иногда звонить в Москву члену Инициативной Группы Юрию Киселеву. И вот, 15 января 1983 года у него был отключен телефон. Все, что произошло в последующие дни, трудно себе представить: четыре дня подряд, каждый раз в мороз, по заснеженным колдобинам, Исмаил на своей коляске добирался до неблизкой пекарни, чтобы позвонить оттуда на АТС (Автоматическая Телефонная станция) и узнать в чем дело. И каждый раз на АТС вежливо спрашивали фамилию, адрес, номер телефона и обещали прислать мастера. Звонили на АТС много раз и знакомые Утавлинова, мол парализованный человек живет один и т. д. И у них также "записывали" адрес, номер телефона с теми же обещаниями прислать мастера.

На 5-й день И. Утавлинов снова поехал звонить. Все эти дни мела метель. На полпути коляска застряла в сугробе. Самостоятельно выбраться не удавалось. Резкий порыв ветра опрокинул Утавлинова вместе с коляской в снег. Обессиленный он подняться не мог, и метель постепенно стала его заносить, и он стал замерзать. На счастье проезжавший мимо шофер сквозь метель разглядел сбоку дороги перевернутую креслоколяску. Вместе с напарником шофер поднял И. Утавлинова, растер его, посадил в коляску и помог добраться до пекарни. Отогревшись там, Утавлинов позвонил начальнику узла связи и наконец-то тот объяснил: "У тебя испорчен аппарат, и вообще ты его украл у государства, поэтому никакого ремонта тебе не будет".

Трудно себе представить инвалида 1-й группы, парализованного, занимающегося кражей телефонных аппаратов из советских учреждений... В дальнейшем только обращения в более высокие инстанции, а скорее возможность огласки и пошедшие в поселке разговоры помогли снова подключить телефон. Официальная же версия "неисправности" — голуби на чердаке перекусили провода, и с Утавлинова потребовали деньги "за ремонт".

Сейчас, я думаю, уместно спросить: почему страна, со ска-

зочно богатыми природными ресурсами, создающая спутники и баллистические ракеты, не хочет (или не может) обеспечить эту, одну из самых многочисленных, категорию советских граждан хотя бы относительно нормальным жизненным уровнем? Ясно одно — советское государство не хочет вкладывать средства в кардинальное улучшение их жизни. Помимо этого советское правительство всегда смотрело на людей, как на средство для достижения своих целей. Начиная с гражданской войны 1918—22 гг., поля которой были усеяны трупами соотечественников, и кончая "великими стройками коммунизма", везде и всегда народ был исполнителем недоброй воли своих вождей. В жертву приносились миллионы физически здоровых людей. Что можно тогда говорить об инвалидах, которых нельзя использовать ни в "героическом труде ударных пятилеток", ни в Армии. Отсюда и отношение государства к инвалидам, которое как нельзя более точно выразил начальник по режиму инвалидного лагеря в пос. Макорты Днепропетровской области майор Годынный, сказавший инвалидам-заключенным: "Вы — досадный балласт нашего общества".

СССР — страна оптимизма. В ней вы всегда можете встретить потоки торжественных статей в печати и речей советских "вождей" о "новом подъеме благосостояния населения", о "перевыполнении производственных планов" и т. п. В дни государственных праздников вы непременно столкнетесь с марширующими под звуки бравурных маршей стройными колоннами. Например, даже когда умер глава государства Ю. Андропов, после непродолжительной церемонии похорон на Красной площади в Москве, с экранов телевизоров зазвучали торжественные марши. Все, что не красит эту "действительность", официально замалчивается, скрывается, прячется. Более полную и точную картину этой действительности воспроизвел в своем очерке "Стертые с фасада", посвященном созданию нашей Инициативной Группы защиты прав инвалидов в СССР, поэт и публицист Виктор Некипелов. Я позволю себе привести выдержки из этого замечательного очерка:

”...Когда смотришь западные фильмы, нет-нет да и мелькнет на экране фигура в легкой и изящной инвалидной коляске... Человек на такой коляске, не ощущая никаких физических и тем более психологических неудобств, может наравне со всеми, так и хочется сказать : не въезжать — *входить* в магазин, ресторан, парикмахерскую, кинотеатр, клуб.

Напрасно искать такую велоколяску на наших улицах. И не только потому, что советский город, его мостовые, здания, лестницы не приспособлены для ее появления. И не потому, наверное, что стране, создающей спутники земли и баллистические ракеты, не под силу техническое конструирование такой вот стрекозки-геликоптера.

При ближайшем рассмотрении оказывается, что наше, громче всех в мире заявляющее о том, будто бы у нас ”все для людей и во имя людей”, государство по сути почти безразлично к ним. Занятое безрассудной экспансией на все континенты своей разрушительной идеологии, бросающее на эти цели все свое золото, все свои — по нитке, по заплатке — собранные, недоданные народу миллиарды, это государство попросту слишком бедно и поэтому не только не хочет, но и *не может* помочь своим увечным, да если бы только им!

И здесь бессилие трансформируется в удивительный по своей циничности практицизм. Будучи не в силах посадить инвалида в велоколяску, государство *стыдится* его внешнего вида и старается убрать с глаз! И это логично: у общества, считающего себя *идеальным*, все должно быть опрятно: его одежды, витрины, фасад. Как это так — вдоль безукоризненного строя горнистов и кумачевых трибун вдруг поползет или покатит на самодельной грохочущей дощечке с роликами какое-то скрюченное, уродливое существо? Кто допустил? Убрать! Убрать! Убрать!

Так убирают сегодня с наших улиц, площадей, вокзалов всех, кто своим видом компрометирует советский социальный фасад: выпрашивающих подавание нищих, бездомных

или не имеющих прописки бродяг, проституток, пьяниц, одиноких стариков, даже цыган.

Даже если вы плохо одеты или задремали в неудобной позе на вокзальной скамье — к вам непременно подойдет — разбудит недреманный хранитель общественной гармонии — милиционер: "А не спите, пожалуйста! Куда едете? Ваш документик, будьте добры!"

К этим "не эстетичным" типажам приравнены практически и инвалиды. Убрать! Убрать! Убрать! И их убирают: рассовывают по квартирным клеткам (лучше всего — на верхние этажи), размещают, порой, даже насильственно, по инвалидным домам (вот еще клоака, куда не заглянул, не был допущен, ни один фотограф и журналист!).

Так декорируется наш лучезарный, без облачка — без пятнышка фасад. Так общество всеобщей гармонии припудривает свои социальные язвы"*.

Считать инвалидов за изгоев — это установка, причем установка на государственном уровне. И никакие жалобы инвалидов, их мольбы о помощи, которыми переполнены официальные учреждения, не находят ни понимания, ни сочувствия. Уже здесь, на Западе, во время одной пресс-конференции корреспондент одной из влиятельных профсоюзных газет (кстати, ни разу не побывавший в СССР), долго не мог понять, почему это происходит. "Можно пожаловаться, и проблемы будут решены" — был его аргумент. Я не хочу высказывать упрек этому корреспонденту, — людям, привыкшим видеть себя свободными, конечно, чрезвычайно трудно понять структуру советского общества.

* 7 декабря 1979 года В. Некипелов был арестован и приговорен к 7-ми годам лагерей строгого режима и 5 годам ссылки. В настоящее время содержится в одном из пермских лагерей для политзаключенных. До своего ареста В. Некипелов был членом московской Группы содействия выполнению Хельсинкских соглашений, в настоящее время разгромленной властями.

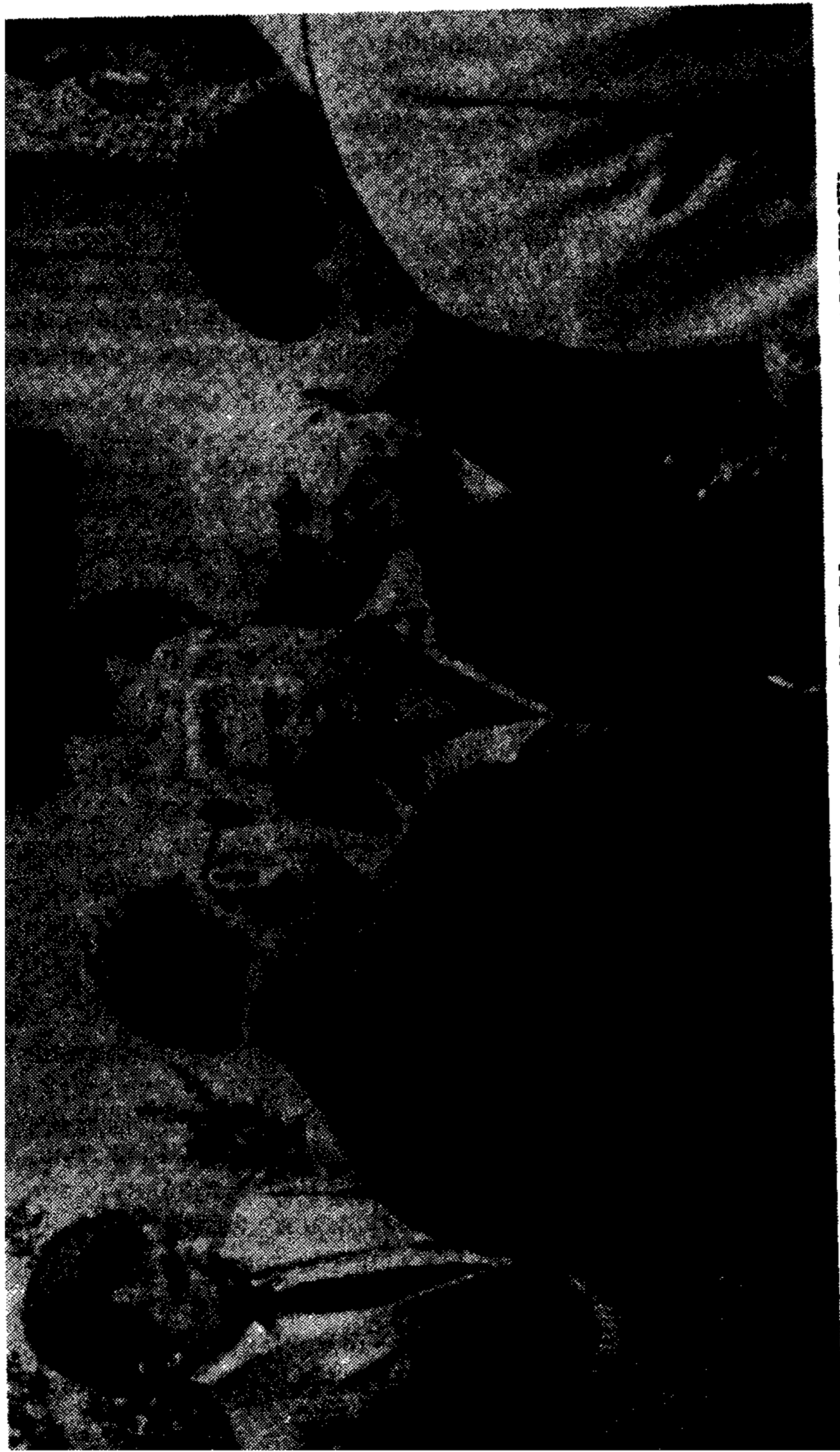
Виктор Некипелов с женой Ниной

Читатель, вероятно, заметил, что свою книгу я построил не столько на своих выводах и наблюдениях, сколько на конкретных случаях, вплоть до выдержек из официальных советских источников — газет, журналов, радио. Мне кажется, в этом больше реальности, чем если писать только от себя. Поэтому я позволю себе привести выдержку из следующего письма:

”...Мне пришлось лежать в одной крупной клинике г. Москвы. Нас в одном отделении было 43 человека. Все — спинальники, прикованные к постели. Там имелись две коляски, если их еще можно так назвать. На них страшно было садиться, можно стать вторичным спинальником. Я специально обратил внимание на заводскую бирку, если не ошибаюсь, она 1938 года выпуска. Даже за обладание этими колясками больные доходили до драки — каждому хочется садиться и выезжать на свежий воздух или подъехать к умывальнику умыться. О чем еще можно говорить, если во многих больницах больные месяцами не бывают в бане или ванной — с ними никому не хочется ”возиться”. Думаю, что в домах инвалидов дело обстоит не лучше. Я лежал в больнице с одним товарищем из такого дома. Он рассказывал, как их возят зимой на лошадях помыться в бане...”

Это — реальность. И с этим нельзя не считаться. В то же самое время советская пропаганда везде, где только можно, продолжает утверждать, что лишь в Советском Союзе, и нигде больше, самое гуманное отношение к людям, тем более к инвалидам. Что только ни приводится в доказательство, чтобы убедить в этом и советских граждан, и весь мир. Возьмем к примеру статью министра социального обеспечения РСФСР Д. П. Комаровой под заглавием ”С отеческой заботой”, напечатанной несколько лет назад в газете ”Труд”. Вот как она видит положение инвалидов в СССР:

”...Забота об инвалидах осуществляется не только органами социального обеспечения, она находится в центре внима-

Министр социального обеспечения РСФСР Д. П. Комарова во время встречи с президентом общества инвалидов войны Австрии Карером (Вена, апрель 1982 г.)

ния партийных, профсоюзных организаций, предприятий службы бытового и жилищно-коммунального хозяйства, торговли. ... Вообще для тяжелобольных людей бытовое обслуживание имеет особое значение. В нашей стране создана обширная и многогранная система социального обеспечения людей, потерявших трудоспособность. С каждым годом эта система улучшается, совершенствуется. Растут размеры пенсий, вводятся новые формы обслуживания. Одним словом, делается все для того, чтобы забота касалась всех, кто в ней нуждается. В этом — яркое отражение гуманизма советского строя”.

Написано, надо сказать, красиво. Порадовала Д. П. Комарова этой статьей и редактора газеты, и ее цензоров, и высших партийных бонз и коллег из своей кремлевской элиты. Но стоит лишь снова обратиться к реальности, как картина этого святочного рассказа Д. П. Комаровой рассыпается словно карточный домик. Взять хотя бы маленький эпизод из моей жизни: подполковник УКГБ г. Владимира Коровущкин однажды со злостью сказал мне: ”Ты уже 16 тысяч высосал из государства!” Это было сказано в 1979 году. Поэтому, если 16 тысяч рублей, выплаченных мне за 13 лет моей инвалидности разделить на каждый месяц, получается по 100 рублей в месяц или, в переводе по официальному курсу около 130 долларов. Такова была плата за те лишения, которым государство подвергло человека, и без всякой его вины... Или вот хотя бы письмо от парализованного инвалида, передвигающегося на коляске:

”...Даже не знаю, как все это описать. Вот уже более двух недель в нашем доме переполнена канализационная яма, и вода вместе с жижей нечистот через унитаз и ванную течет прямо в квартиру. Я уже весь измучился чистить и убирать все это, мыть полы. Каждый день звоню начальнику коммунального предприятия, чтобы выкачали, наконец, из канализационной ямы всю жижу, запах от которой, к тому же, распространяется на весь наш квартал. Он только обещает:

”Сейчас пошлем машину”, которой все нет и нет. Правда, один раз машина была, выкачали две бочки нечистот, затем шофер сказал: ”Кончился бензин, работать больше не могу...”. Примерно то же самое отвечают и из коммунального предприятия: то у них бензину нет, то машина сломалась и так далее. А однажды оттуда ответили даже так: ”А вы бы меньше ходили в туалет, сами видите, бензина нет, машины нет, чем мы будем выкачивать ямы после вас?..”.

В райисполкоме обещали в это лето построить гараж для моей мотоколяски, а сейчас говорят, что у них нет для этого средств. Помощник начальника коммунального предприятия выделил место для моей мотоколяски около уборной во дворе нашего дома, и она сейчас стоит и ржавеет. Да и ездить я на ней не могу, так как она постоянно ломается, а средств починить ее у меня нет. Вот и сижу в этой канализационной вони уже более 2-х недель, и сколько это еще будет продолжаться, не знаю...”

В большинстве случаев в СССР распространено мнение, что произвол и беззаконие исходят от местного начальства — от секретаря райкома, директора фабрики, от заведующего отделом социального обеспечения и т. д. Поэтому все центральные инстанции в буквальном смысле слова засыпаны жалобами, просьбами, заявлениями в расчете на то, что может быть ”там разберутся...”. Возможно, в этом угадывается свойство русской души — искать правду челобитьем, обращаясь непосредственно к главе государства кто бы он ни был, царь-монарх или Генеральный секретарь ЦК КПСС. Правительство СССР не раз пыталось оградить себя от потока этих писем, вынося соответствующие постановления для администрации на местах ”об улучшении рассмотрения писем, жалоб и заявлений граждан”. Однако косность и ханжество настолько пропитали всю советскую систему, что все эти постановления всякий раз оказывались не чем иным, как оберточной бумагой.

Однажды и я попытал было счастья — найти понимание у высших слоев власти. Был август 1981 года, Международного года инвалидов. Я обратился в Приемную Совета ми-

нистров СССР, напомнил о провозглашенном ООН годе инвалидов и объяснил ситуацию с плохим обеспечением советских инвалидов колясками, высказав предложение ввозить коляски из-за границы, например из ФРГ, фирмы которой давно предлагали даже построить завод по производству колясок на территории СССР. Разговор велся по телефону со старшим референтом Приемной Ниной Ивановной Кодол.

— Мы понимаем, — ответила Н. Кодол, — что коляски у нас еще очень низкого качества, но мы не можем ввозить их из-за границы.

— Я думаю сейчас, с провозглашением ООН Международного года инвалидов не только можно, но даже нужно хоть что-нибудь сделать для наших инвалидов. В конце концов некоторые инвалиды могли бы сами купить коляски, если бы им разрешили обменять советские рубли на конвертируемую валюту.

— Зачем?

— Чтобы затем перевести эти деньги на счет западных фирм. Например, западногерманская фирма "Меир" давно готова продать любое количество колясок. Ведь советские рубли никто там не возьмет...

— Что Вы говорите, советский рубль — самая устойчивая валюта в мире. И потом, мы этим не занимаемся.

— А кто этим занимается?

— Министерство Внешней Торговли.

— По этому вопросу я уже обращался туда, и там мне посоветовали обратиться к вам.

— А почему Вы беспокоитесь за других? — вдруг спросила Н. Кодол.

— Потому что для многих других практически невозможно приехать в Москву. И потом, это мой моральный долг — видя страдания других, стараться по возможности помочь им. Даже в советской печати очень часто встречается такое упоминание: один за всех — все за одного.

— Нас эти лозунги не интересуют! — перебивает меня Н. Кодол. — Пусть каждый думает о себе сам...

— Извините, я правильно понял, что разговариваю именно с Приемной Совета министров СССР! — спрашиваю я.

— Да, правильно!

— Но Вы же мне навязываете логику блатных.

— ?!!

— Хорошо, я могу Вам пояснить мои слова: как у Вас, так и у блатных точно такой же принцип отношения к людям: умри ты сегодня, а я — завтра.

— Если Вы хотите сами получить коляску, напишите заявление, и мы его рассмотрим, — снова перебивает меня старший референт Приемной Совета министров СССР Нина Ивановна Кодол, давая понять, что разговор окончен и настаивать на чем-либо больше бесполезно.

— Спасибо за приятную беседу, — сказал я в телефонную трубку, из которой донеслось в ответ металлическим голосом: "Пожалуйста!"

Это лишь краткий диалог, но что за ним скрывается не поддается пониманию хоть сколько-нибудь нормально мыслящего человека, а некоторым и вообще это трудно себе вообразить. Между тем в этой ситуации "пусть каждый думает о себе сам" живут миллионы людей и в каждом из этих миллионов видна своя особенность и индивидуальность, душа, наконец. Для некоторых, может быть, не всегда первостепенную роль играют материальные запросы (хотя инвалиды, прежде всего, и зависимы от них), но отношение тех, кто внешне казалось бы является носителем идеалов морали и нравственности, на деле же оказывается проходимцем и спекулянтom этих идеалов. Однажды в КГБ вызвали мою знакомую, где ей учинили жестокий и грубый допрос. Расстроенная, со слезами на глазах она затем пришла ко мне и рассказала всю беседу с сотрудниками КГБ. Она плакала не от их грубости, а от досады за то, что ее вера в "идеал КГБ", который у нее возник с детства из книг и кинофильмов, разрушилась только при одном соприкосновении с действительностью. Была досада за свою наивность.

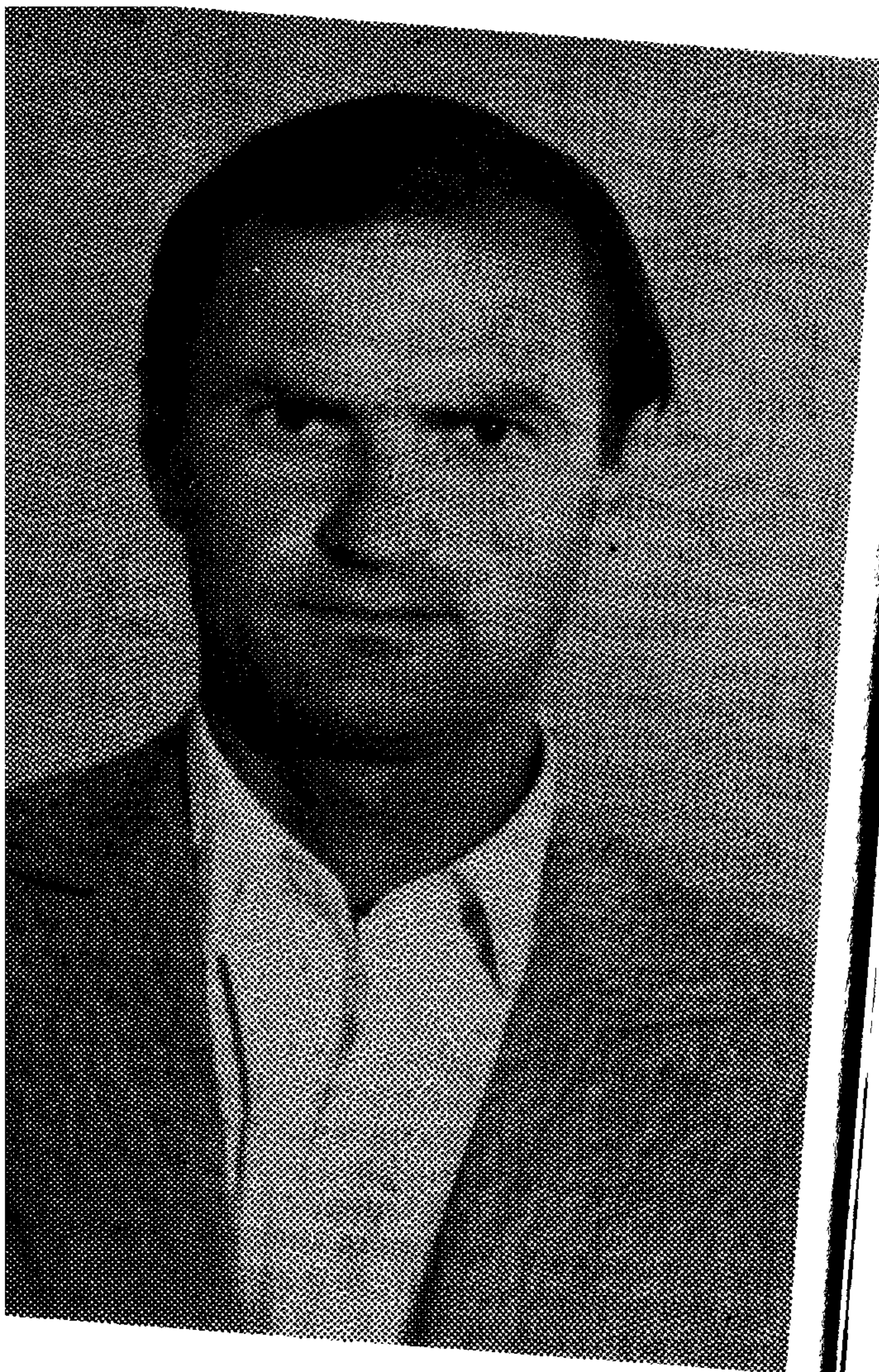
Примерно то же самое происходит и с инвалидами. Вначале они внутренне еще надеются найти положительный для

себя исход. Надежда зта живет годами. Затем, не видя для себя просвета, кто-то из них разуверяется в "самой совершенной в мире системе социального обеспечения", другой ожесточается, третьи, а их большинство, — смиряются по принципу "плетью обуха не перешибешь". Не спит и государственная администрация, как это может показаться. С завидной точностью соответствующие ведомства государственного аппарата определяют время, когда и какой минимум-подачку нужно выкинуть инвалидам, будь это полутора — или пятирублевая прибавка к пенсии, путевка в санаторий, "в виде исключения" выдача другой коляски до истечения 5-летнего срока и т. д. Например, чтобы не вызвать массового недовольства инвалидов труда на Украине, в г. Славянск Донецкой области для инвалидов-шахтеров, преимущественно с травмами позвоночника, построен специальный санаторий, факт которого, однако, был преподнесен как новый жест "гуманности" советского руководства. Вначале санаторий и был построен на средства Министерства угольной промышленности. Но чтобы это все-таки не выглядело столь показно, впоследствии его передали в ВЦСПС (Все-союзный Центральный Совет Профессиональных Союзов). Для инвалидов труда в республике также введены дополнительные транспортные льготы. Выглядит это так: когда я летом 1980 года ехал на своем "Запорожце" из Крыма по территории Украины, буквально все автозаправочные станции были запружены автомашинами: — нет бензина. Для инвалидов войны и труда выдавали по 10 литров. Так я и ехал от одной бензозаправки до другой. Стоило мне выехать за пределы Украины, служащий очередной бензозаправки даже не посмотрел на мою справку инвалида труда.

Равнодушное отношение к инвалидам в СССР, их чувство собственной ненужности, бессилие и беспомощность перед обстоятельствами заставляет некоторых инвалидов задумываться над тем, чтобы просто покинуть эту страну. И действительно, каждый человек вправе выбирать себе место проживания. Это оговорено Заключительным Актом Хельсинкского совещания, подписанным и советским прави-

тельством. Более того, из материалистического-то государства, человека, бесполезного для общества, почему бы и не вытолкнуть за границу? Однако и здесь есть опасения у советского руководства, боязнь нежелательной реакции мирового общественного мнения: — даже инвалиды бегут из страны, где "все — во имя человека, все — для блага человека!" Например, за свое желание эмигрировать вот уже несколько лет подвергается постоянным преследованиям Владимир Прокопчук из г. Каменец Брестской области. Прокопчук, по образованию математик, долго работал инженером-программистом в одном из институтов г. Бреста. В детстве, во время занятий по физкультуре в школе, он получил травму головы. Впоследствии, во время операции врачи вмешались в кору головного мозга, и сейчас у В. Прокопчука случаются частые припадки эпилепсии. На работу его больше нигде не берут, а за свое желание эмигрировать он несколько раз был избит работниками милиции и несколько месяцев провел в психбольнице. Вот всего лишь один из эпизодов его жизни сейчас, о котором он рассказывает в своем заявлении на имя министра МВД СССР:

"26 октября 1981 года я приехал в Москву. Приблизительно в 15 часов я хотел зайти к одному из пригласивших меня знакомых, надеясь у него переночевать. Отыскав указанный адрес, я зашел в подъезд дома. У женщины, вышедшей из квартиры напротив входа, я спросил, где находится нужная мне квартира. Она ответила, но почему-то она была настроена ко мне предвзято, как мне показалось. В искомой квартире никого не оказалось, и мне пришлось уйти ни с чем. Через некоторое время я снова зашел туда, и из той же квартиры опять вышла женщина, но другая — помоложе. Она не хотела впускать меня в подъезд, но я все-таки поднялся на нужный мне этаж. Женщина заявила мне вслед, что вызовет милицию. Нужная мне квартира вновь оказалась запертой. Я спустился вниз, но выйти не смог: дверь подъезда была заперта на замок. Вскоре явились пожилой майор в очках и рядовой юнец. Меня отвезли в милицию.

В. Прокопчук

Там капитан милиции потребовал мой паспорт и, ознакомившись, отдал команду: "Обыскать!" Ко мне подскочил юнец, расстегнул все пуговицы на одежде и начал опустошать мои карманы, прощупывать "подозрительные" места. Эту сыскную операцию он проводил с таким рвением, что порвал мои брюки и заслужил одобрителную реплику капитана: "Трещат!" Затем началась сортировка всего, что нашли в моем портфеле и в карманах. Потом меня посадили за решетку и стали проводить со мной идеологическую работу. Позже пришел какой-то человек в штатском, рослый и широкоплечий. Поведением и культурой он от милиции не отличался. Стал задавать мне вопросы с намерением установить цель моего приезда в Москву. Перед тем, как ответить на его вопросы, я осведомился, кто он, на каком основании имеет право допрашивать меня и вести себя со мной настолько вызывающе. В этом он мне категорически отказал, ответив, что это — его дело. Тогда я отказался вести с ним какую-либо беседу и, так как был уже невероятно измучен, лег на скамейку. Тогда по его указанию несколько милиционеров дали волю своим рукам и ногам. Меня стащили со скамейки, начали трясти, бить по почкам и по голове, а когда сбили мою шляпу, один из присутствующих стал футболить ею как мячом. Это бесовское гуляние окончилось тем, что человек-инкогнито ударил меня по лицу со словами: "По-до-нок, вижу, что инвалидностью прикрываешься, а сам все понимаешь; вот напишу, пусть 6 месяцев в психбольнице подержат". И начал писать какой-то протокол. Вскоре приехала медмашина с санитарями, и меня отвезли в психбольницу.

В больнице мне заявили, что я госпитализирован потому, что два дня бродил возле одного и того же дома, там же раздевался догола и пугал людей. Выйти из больницы мне помогла объявленная мною голодовка и то, что о моем существовании знали члены Инициативной Группы защиты прав инвалидов".

Трагична судьба многолетних отказников матери и сына

Максимовых из г. Ужгорода. Галина Максимова — инвалид по зрению. У нее туберкулезный процесс глаз, ей грозит полная потеря зрения. Единственное, на что она еще надеется — это вылечить свою болезнь на Западе, так как в СССР отказались по-настоящему ее лечить. Но власти не только не разрешили им выехать из страны, но попросту постарались от них избавиться. 18 мая 1982 года против них было возбуждено уголовное дело по обвинению в "тунеядстве". Суд приговорил Галину Максимова к 1 году лишения свободы, ее сына Александра — к 2 годам. Уже в лагере, против Г. Максимова было возбуждено новое дело, на этот раз за "клевету на советский государственный и общественный строй", и ей было добавлено еще 3 года лагерей. За что? Можно только предположить за что, — только за то, наверное, что она рассказала своим сокамерникам о нелегкой участи инвалида... Незадолго до своего ареста Г. Максимова написала в Инициативную Группу:

"...У меня уже не только хориоретинит, но и дегенерация сетчатки, и молекулярная дистрофия, и астенизация обоих глаз. Я сейчас уже смотрю на мир сквозь черную сетку, а впереди — полная темнота, что для меня равносильно смерти. Год назад я лежала (по собственному настоянию) в областной больнице на кафедре глазных болезней и была выписана без улучшений. Зрение падает с ужасающей быстротой, я не могу найти выхода. Кроме болезни глаз, у меня появился порок сердца, истощение нервной системы и другие заболевания. Кроме этого обстановка постоянной угрозы арестом меня органами КГБ и другие обстоятельства с каждым днем подтачивают мое здоровье, усугубляют процесс заболевания глаз.

Помогите мне найти выход из создавшейся ситуации".

Приводимые примеры очень типичны для такой страны, как СССР. Отношение к инвалидам продиктовано самой системой общества. Лозунг "кто не работает — тот не ест" незримо существует в каждой советской семье. Если, напри-

мер, в какой-нибудь семье никто не будет работать месяц или два, последствия сразу дадут о себе знать: придется перейти на хлеб и картошку. А ведь инвалиду, *нигде не работающему, пенсию платят!* Это понятие постепенно впитывается в мозг, кожу и кости каждого советского человека. И человек, тем более инвалид, обязан чувствовать себя виноватым, что своей хоть и нищенской пенсией, но "обкрадывает" государство. Постепенно складывается такая характерная психология, как покорность, которая вполне устраивает государство. Любые попытки инвалидов выйти за эти устоявшиеся рамки чреваты для них последствиями, начиная, как мы видим, с преследований и кончая уголовным лагерем...

На официальном же уровне, а точнее с государственной точки зрения, все выглядит совершенно иначе. Взять, к примеру, 1981 год, который был объявлен ООН Международным годом инвалидов. В связи с этим во многих странах мира разрабатывались программы по улучшению социальной помощи инвалидам. Множество специальных организаций — государственных, частных и добровольных — занимались этим вопросом. Доктор Клаес, международный деятель помощи инвалидам, обратился к советскому правительству с письмом, в котором интересовался какие мероприятия намечаются в СССР в связи с Международным годом инвалидов. Вскоре он получил ответ начальника отдела международных связей Государственного комитета СССР по труду и социальным вопросам А. Бордадына. Выписывая на полтора страницах совершенно голословные фразы, Бордадын не привел ничего конкретного. Например, как понять выражение — "...международный год инвалидов будет для нас важным мероприятием", или "...систематически совершенствуются формы и методы". И, наконец, "широкое использование средств массовой информации". Вам долго придется просматривать подшивки советских газет и журналов, но вряд ли вы найдете что-нибудь об этой "надлежащей работе в этой области". Советское правительство решило инициативу проведения Международного года ин-

валидов не поддерживать и по возможности замолчать, что и было сделано. Даже сами инвалиды в СССР на протяжении всего 1981 года не знали, что тот год был объявлен Международным годом инвалидов. А если и узнавали с большим опозданием, то долго не могли в это поверить.

Обычно в СССР принято награждать правительственными наградами высокопоставленных лиц по случаю того или иного торжественного юбилея или даты. Была не забыта и министр социального обеспечения РСФСР Д. П. Комарова. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17.10.1980 года она была награждена одним из высших советских орденов — Орденом Трудового Красного Знамени. По мнению самих инвалидов она удостоилась этой награды за экономию на инвалидах и пропагандный камуфляж о "достижениях" в этой области... Думается, что этой наградой Д. П. Комарова больше обязана существованию в настоящее время в СССР двух инвалидных обществ — Всероссийского Общества слепых (ВОС) и Всероссийского Общества глухонемых (ВОГ). Используя эти общества в своих пропагандистских целях, государство старается убедить население СССР и международную общественность в своем "гуманном" подходе к инвалидам вообще. Официальная и главная установка такова: эти общества доказывают их жизненность и прогрессивность, то есть, позволяя им за счет выпускаемой ими продукции отказаться от государственной дотации. Например, по утверждению советских пропагандистов, только в Российской Федерации на специально созданных 200 учебно-производственных предприятиях работают 58 тысяч инвалидов-слепых. Эти предприятия ежегодно выпускают продукции в среднем на 540 млн. рублей. (Таким образом каждый член этого общества выпускает продукции почти на 10 тысяч рублей в год.) Продукцию эту составляют изделия, производство которых предусмотрено народнохозяйственным планом. Предприятия Всероссийского Общества слепых кооперируются с такими индустриальными производствами, как московский завод им. Лихачева и автозавод в Горьком, тракторный завод в Челябинске и "Рост-

сельмаш". Общество ведет большое капитальное строительство: примерно каждые 10 лет на деньги Общества вводится в эксплуатацию более 1,5 млн. кубических метров производственных зданий и около полумиллиона квадратных метров жилья.

"Где, в какой стране возможна такая помощь людям, потерявшим зрение, — постоянно читаем мы в официальных советских публикациях: — высокое пенсионное обеспечение, сокращенный рабочий день, месячный отпуск, бесплатное санаторно-курортное лечение" и т. д. и т. д.

Что ж, желание советских руководителей выдать желаемое за действительное вполне понятно, они хотят сказать со страниц советской печати, что *"СССР — рай для инвалидов"*. При ближайшем же рассмотрении оказывается, что Всероссийское Общество слепых — это лишь выгодная государству рабочая сила, так как продукция и миллионы, а может быть миллиарды рублей, заработанные инвалидами-слепыми, как мы видим, затем идут в доход государства.

Видел ли кто-нибудь из вас слепых инвалидов на улицах советских городов? Лично я за всю свою жизнь не видел их ни разу, но постоянно приходилось и приходится только слышать о них по радио, читать в газетах и представлять, что существует где-то эта невидимая категория людей, способная изготовлять *"высоковольтную и низковольтную аппаратуру, светотехническое оборудование, радиотехнические изделия"*. Не зря же для них и созданы 200 учебно-производственных предприятий, где их обучают работе автомата-робота.

О достижениях в использовании этой дешевой рабочей силы можно легко убедиться на утверждениях самих же советских пропагандистов, которые пишут, что *"в настоящее время практически полностью решена проблема трудоустройства незрячих"*. В одном из номеров газеты *"Труд"* промелькнула даже такая цифра: 78 тысяч инвалидов-слепых сейчас работают только в одной Российской Федера-

ции*. Похоже, за этот дешевый труд, за что же еще, Всероссийское Общество слепых и было "по-достоинству отмечено высокой правительственной наградой — орденом Трудового Красного Знамени".

Но как бы ни считалось, что эта конвейерная работа, являющаяся монополией государства — лишь использование даровой рабочей силы, в ней угадывается все-таки какой-то смысл жизни. Это лучше, чем ничего. Лучше заброшенности, одиночества, окончательной нищеты. ВОС и ВОГ — это прежде всего объединения людей одной судьбы, хотя мало кто знает историю их создания. А история их такова:

Всероссийское Общество слепых (ВОС) начало функционировать в 1923 году. Министерство Социального обеспечения РСФСР считает, что оно действует с 1925 года. И вот почему. Во второй половине 1922 года в Наркомат социального обеспечения пришли несколько слепых с просьбой организовать их общество. Им сказали: "Вот еще! Будем создавать общество слепых, потом глухих, а потом еще БЕЗНОГИХ захотите!" Но в 1923 году Общество было создано при ... Наркомате Внутренних дел. Было выработано "Положение" Общества, но вскоре Наркомат посчитал такое "родство" несколько странным, и Общество перешло в ведение социальных органов. В 1925 году был избран Совет и Президиум Общества. Тогда же, в 1925 году, было создано и общество глухонемых, но отношение государства к созданию Общества инвалидов с нарушением двигательных функций — "безногих" — осталось прежним.

* Неизвестно, существуют ли общества слепых и глухонемых, кроме РСФСР, в других союзных республиках СССР. По крайней мере, советская печать об этом еще не писала.

Глава 6

ИНВАЛИДЫ НА ЗАПАДЕ

Когда я заканчивал эту книгу и дал ее на просмотр своим друзьям, меня упрекнули в том, что я ничего не рассказал в ней о положении инвалидов в странах свободного мира. Извиняясь перед читателем, я постараюсь восполнить этот пробел и опишу то, что я сам видел, слышал и наблюдал, не вдаваясь в подробности всей социальной помощи инвалидам.

Как мы уже все знаем, в СССР официально распространяется утверждение о все увеличивающейся на Западе нищете, безработице, инфляции и т. д. и т. п. — с годами люди начинают действительно этому верить. А об инвалидах уж и говорить нечего. Такой "знаток" западной жизни как полковник УКГБ г. Владимира А. И. Шибает не один раз заявлял, что инвалидов на Западе нет, так как "они умирают от голода и холода", что у них нет собственного дома, им не платят пенсий, у них нет будущего, что в условиях Запада

инвалид может выжить, только если он родственник состоятельного чиновника или сын миллионера.

Как на самом деле обстоит положение инвалидов на Западе? Первое, о чем я могу сказать, это то, что советская пропаганда как всегда лжива. Начнем с пенсионного обеспечения, которое для инвалидов на Западе несоизмеримо выше, чем в СССР, как по официальному курсу, так и по покупательной способности. Например, в Австрии, считающейся относительно бедной страной по сравнению с Германией, минимальная пенсия инвалида, передвигающегося на коляске (по советскому пониманию инвалида 1-й группы), составляет 4.000 шиллингов, что означает около 240 руб. Самое высокое пенсионное обеспечение распространено там, как и в Советском Союзе, на инвалидов войны. Например, инвалид без рук или ног, слепой, получает пенсию до 29-ти тысяч шиллингов в месяц, что по официальному курсу равняется 1700 рублям. Эти цифры взяты мною из беседы с президентом Австрийского Союза инвалидов войны Карером.

На Западе существует общепринятая система, по которой, например, инвалид труда как я, в Советском Союзе получавший пенсию 75 руб. в месяц, здесь сразу после несчастного случая получает огромное единовременное пособие для переустройства жизни уже во вновь сложившихся для него обстоятельствах, — например, чтобы открыть свое небольшое частное заведение: магазин, мастерскую и т. д. В дальнейшем инвалиды труда получают две пенсии — от государства и от предприятия, в котором он получил увечье. Необходимо отметить, что помимо выплат пенсий, на инвалидов распространено бесчисленное количество льгот: бесплатный проезд на общественном транспорте, бесплатные коляски, на все времена года такая же бесплатная выдача одежды и обуви, разумеется новой. В Англии, к тому же, выплачиваются большие пособия на бензин, причем независимо от того, имеет инвалид автомобиль или нет. В год это пособие составляет 600 английских фунтов, что в переводе по официальному курсу около 900 рублей.

Обычно инвалиды на эти деньги покупают в кредит автомобиль, в счет погашения стоимости которого выплачивают половину пособия. Другую половину они тратят на бензин. Однажды я разговаривал с членом Королевской Ассоциации инвалидов Великобритании Томасом Борджесом. Он сказал, что если бы я жил в Англии, то по медицинским показаниям я имел бы автомобиль не хуже, чем "Форд". В Италии в некоторых районах для инвалидов распространено бесплатное питание в ресторанах. Тем, кто не может ходить или стесняется обедать бесплатно, завтраки, обеды и ужины приносят на дом.

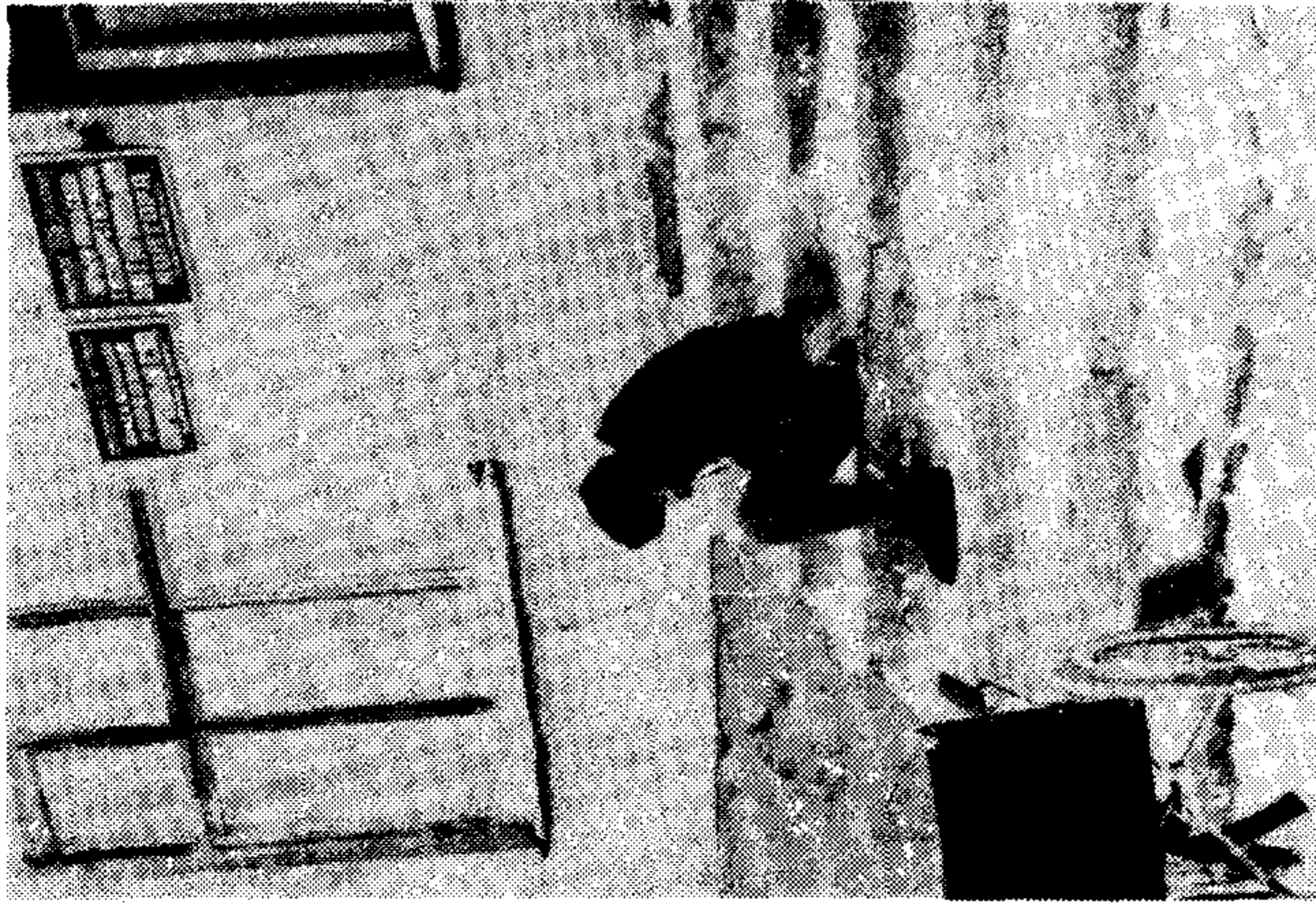
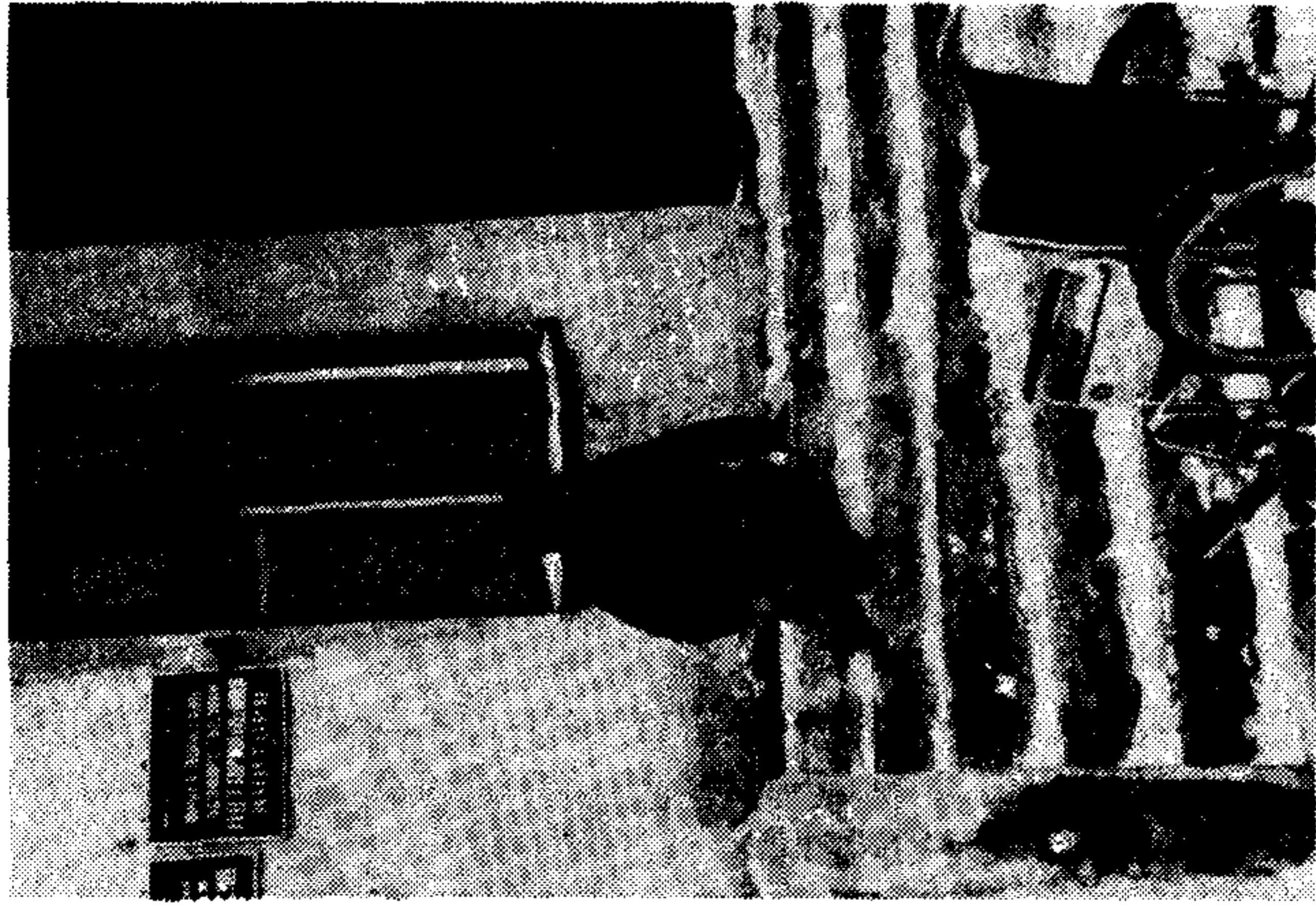
В Советском Союзе, чтобы чего-то добиться (путевки в санаторий, коляски и т. п.) постоянно приходится ловчить, писать массу писем в различные инстанции, вплоть до Президиума Верховного Совета СССР, и нередко безрезультатно. Вспоминаю, когда я однажды добивался коляски, я был вынужден написать даже в Политбюро ЦК КПСС, что в случае отказа в выдаче мне коляски, я откажусь от обязательств, налагаемых на меня Конституцией СССР, так как государственный орган в лице облсобеса, отказываясь дать мне коляску, тем самым санкционирует нарушение моего права на передвижение, гарантированное той же Конституцией. И действительно, что только ни придумаешь, а "голь на выдумки хитра"... Здесь этого нет. Социальная помощь инвалидам на таком уровне, что все необходимое всегда можно получить, только нужно знать, куда обратиться.

Мне приходилось бывать уже во многих странах Европы. На своем "фольксвагене" я объехал половину Швеции, был в Голландии, Франции, Италии, Швейцарии, Англии и т. д. И везде видишь всевозможного рода удобства и приспособления для таких инвалидов, как я сам, — инвалидов на колясках, т. е. тех удобств, отсутствие которых могло бы существенно осложнить их жизнь. Особенно это видно в ФРГ, где я живу. Например, на всех тротуарах есть съезды, почти везде вдоль дороги проложены асфальтовые дорожки для велосипедистов, очень удобные и для езды по ним колясочников; метро оборудовано лифтами, если где-то их нет, есть

обязательные эскалаторы или пандусы. Там же, в метро, нередко можно встретить указатели с инвалидной эмблемой — человек на коляске — указывающие направление наиболее удобного и короткого пути для такого человека. Такие же знаки с человеком на коляске всегда видишь на автострадах, например, перед автозаправкой, кафе, отелем и т. д. То есть этот знак означает, что там предусмотрен доступ инвалида.

Встретить инвалида на коляске, будь то в магазине, театре, кино и т. д. — это закономерность повседневной жизни здесь. Например, в городском парке в воскресенье можно всегда насчитать более десяти колясочников, прогуливающих в одиночку и группами, нередко на колясках с электрическим приводом. Их внешний вид — одежда, обувь — выглядят несколько не хуже того, что носят обыкновенные здоровые люди. По всему видно, что инвалиды здесь, — равноправные члены общества.

В Советском Союзе я всегда стеснялся своего вида, ощущал скованность в своих просьбах перед людьми, здесь наоборот, чувствуешь какую-то неловкость перед людьми, желающими всегда что-то для тебя сделать. Вспоминаю, как в феврале 1982 года, в Юрьев-Польском, где я жил, мне понадобилось попасть в зал судебного заседания, в котором было намечено рассмотрение моего искового заявления к предприятию, отказавшемуся выплатить мне пособие по уходу и предоставить санаторную путевку на лечение. Перед зданием суда было около 10-ти ступенек, и *никто* не захотел мне помочь подняться по ним. Не помогли и никакие уговоры моей жены, не разжалобили они ни судью Зимину, ни сидевших рядом с нею нескольких мужчин. "В наши обязанности это не входит", — таков был их ответ. Поэтому мне ничего не оставалось, как просто ползти по этим обледенелым ступеням. У нас был с собою фотоаппарат, и жена сделала несколько снимков меня, ползущего к зданию... *народного суда*. Долго потом мы с женой сидели в пустом зале, ожидая судью и народных заседателей. Вместо них зашли 2 милиционера и стали вырывать из наших рук фото-

„Забота” об инвалидах на деле: чиновники государственного учреждения равнодушно наблюдают из окон, как парализованный инвалид карабкается по обледенелым ступеням (г. Юрьев-Польский, 12 февраля 1982 г.)

аппарат, чтобы засветить пленку. "Эти фотографии вы хотите использовать в целях пропаганды" — вот такими страшными людьми мы вдруг оказались. К счастью, в происшедшей потасовке фотоаппарат удалось отстоять, и эти фотографии теперь — лучшее свидетельство того "внимания и заботы", с какими подходят советские власти к своим увечным.

Лекарства и медицинское обслуживание. В СССР бытует мнение, что на Западе это чрезмерно дорого и не по карману даже среднему жителю. Для начала отметим, что при разнообразном и доброкачественном питании больных здесь намного меньше, чем в Советском Союзе, где больницы переполнены и в них всегда не хватает мест. Однажды я навестил одного своего знакомого в городской больнице г. Мюнхена. Это громадная территория на окраине города, где стоят несколько многоэтажных корпусов. В каждом из них по несколько лифтов, широкие коридоры, достаточные даже для того, чтобы в них были расположены небольшие магазинчики. Я не встретил там ни толпящихся посетителей с авоськами и сумками с продуктами для своих больных знакомых и родственников, ни хамского отношения медперсонала. Единственное, что приносят посетители, так это цветы, которые продаются в любое время года тут же, в павильоне у входа на территорию больницы. Медицинский персонал вежлив и услужлив, всюду тишина и чистота. Ни беготни, ни суеты не видно.

Что касается инвалидов, то услугами этой больницы может воспользоваться каждый из них. Просто в случае необходимости обращаешься к понравившемуся тебе врачу, объясняешь ему свою болезнь, и он занимается твоим лечением. Если вам требуется стационарное лечение, он дает вам направление в больницу. Все связанные с этим расходы потом оплачивает или страховая касса (если инвалид работает), или социаламт (социаламт по советскому пониманию это что-то наподобие собеса).

Продолжая говорить на тему о положении инвалидов на Западе, главное, о чем почти ничего не знают или даже не

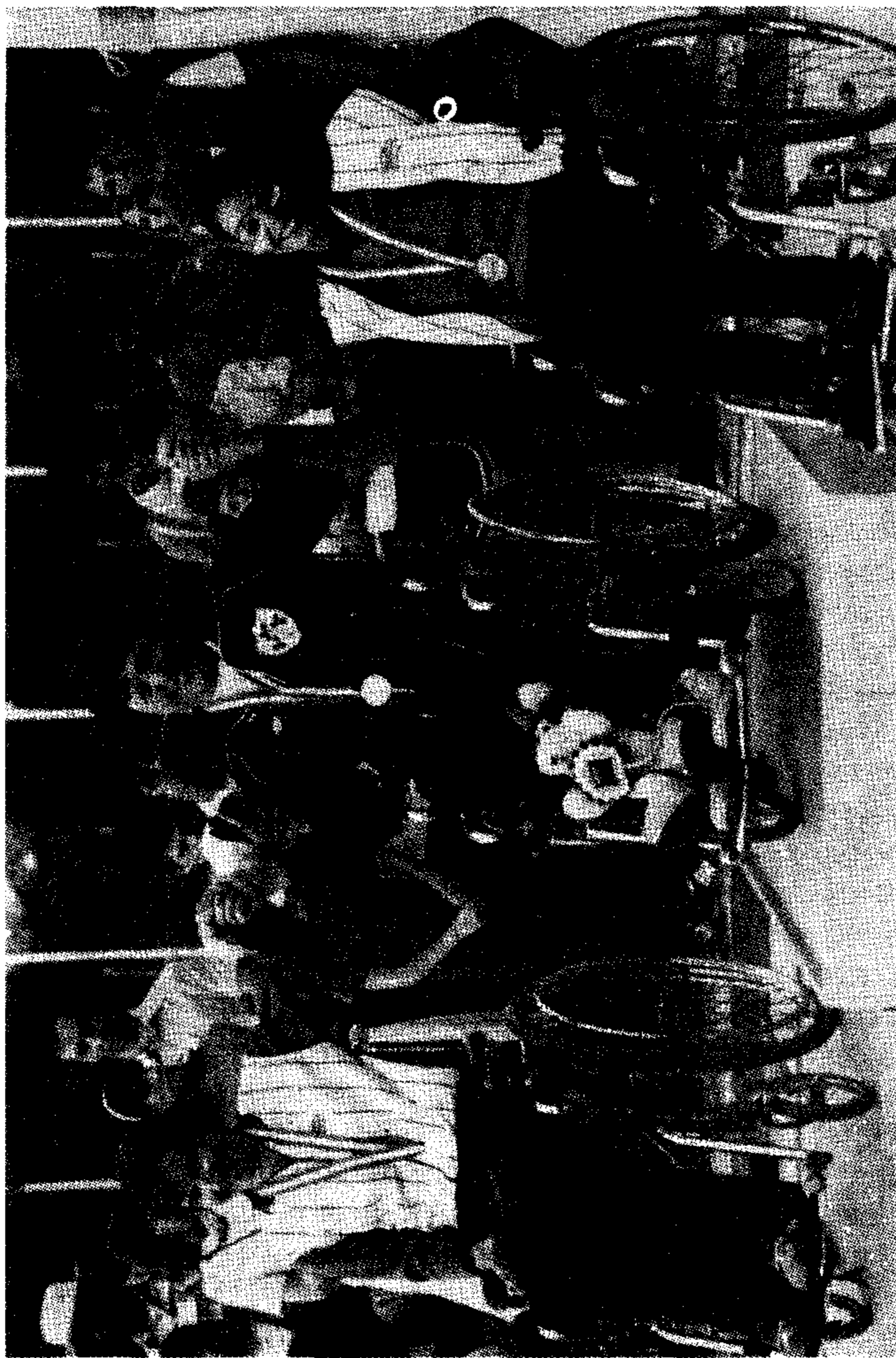
На Международных Олимпийских играх для инвалидов.
Сток-Мандевиль, Англия, июль 1984 г.

подозревают советские люди — это спортивные игры для инвалидов. Именно этой теме мне хотелось бы уделить особое внимание, тем более что сам я — непосредственный свидетель VII Международных Олимпийских игр для инвалидов, которые проходили в июле 1984 г. в небольшом английском городке Сток-Мандевиль, недалеко от Лондона. 1650 спортсменов-инвалидов из 41 страны принимали участие в этих играх. В числе участников Олимпиады было 145 спортсменов из Великобритании, 100 — из ФРГ, 99 — из США, 88 — из Франции, 82 — из Канады, 76 — из Австралии и т. д. От стран коммунистического блока были представлены только спортсмены из Польши (17 человек) и Югославии (20 человек). Впервые приняли участие в Международных Олимпийских играх спортсмены из Папуа-Новой Гвинеи (5 человек) и из Зимбабве (8 человек). Участники Олимпиады соревновались в таких видах спорта, как: баскетбол, стрельба из лука, метание копья, диска и ядра, гонки на специально сконструированных инвалидных колясках и т. д.

Открытие Олимпийских инвалидных игр выглядело очень ярко и празднично. Торжественно были подняты флаги стран-участниц Олимпиады и флаги самой Олимпиады. Все команды в алфавитном порядке со своими национальными флагами проехали на инвалидных колясках по кругу стадиона. В честь участников Олимпиады был проведен праздничный физкультурный парад, играл оркестр, был зажжен Олимпийский огонь над главным стадионом.

На открытие Олимпиады прибыл принц Уэльский Чарльз, который от имени гостеприимного британского народа приветствовал собравшихся на стадионе спортсменов-инвалидов из разных стран мира. По окончании торжественной церемонии принц Чарльз вышел на поле стадиона, прошел вдоль рядов спортсменов, беседуя со многими из них и обмениваясь рукопожатиями.

Трибуны стадиона не могли вместить всех желающих увидеть эту церемонию. Бросалось в глаза, что среди восторженных зрителей было очень много детей. В связи с этим вспоминается, как в 1980 году власти в Москве предна-

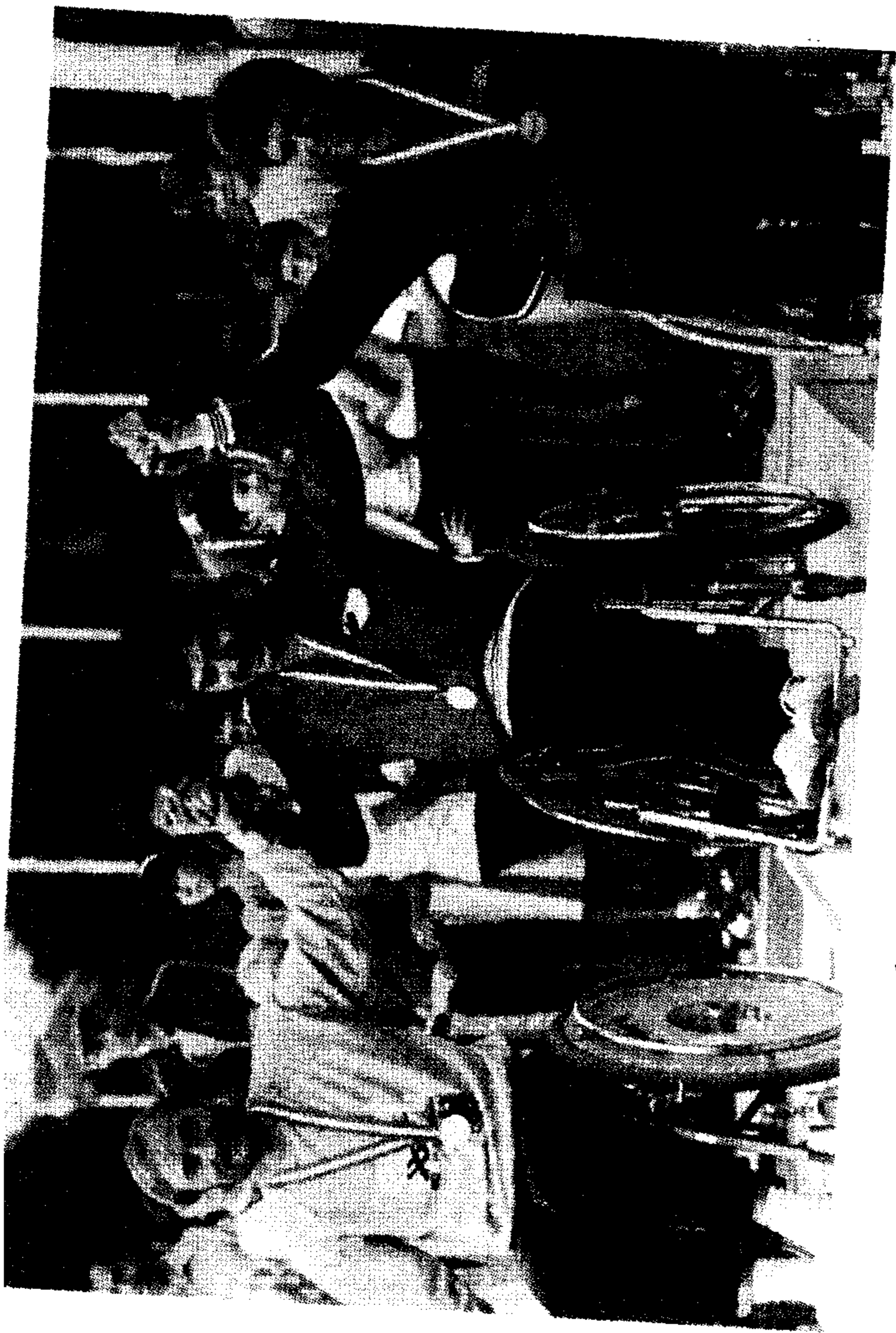

Сток-Мандевиль, Англия, июль 1984 г.

меренно увозили из Москвы детей, чтобы у них не было никаких контактов со спортсменами. В дальнейшем, в течение всех 11-ти дней Олимпиады любой человек мог беспрепятственно прийти в Олимпийскую деревню, наблюдать за спортивными состязаниями инвалидов, общаться со спортсменами.

Каждый день в Олимпийской деревне устраивались вечера отдыха. Спортсмены-инвалиды вместе пели и пили прохладительные напитки, знакомились друг с другом, обменивались адресами, танцевали на инвалидных колясках под джазовый оркестр. Во всем чувствовалась непринужденность. Было видно, что инвалиды на колясках живут полноценной жизнью. К сожалению, в отличие от спортсменов из других стран, например, спортсмены из Польши были как бы скованы: они не вступали в контакты и в беседы с остальными спортсменами, держались изолированно и сторонились всех. Когда мы попытались поговорить с ними, то польские спортсмены наотрез отказались. Нам, беженцам из Советского Союза, конечно, понятна такая линия поведения. Мы знаем, что гражданин коммунистического государства не может чувствовать себя свободным даже за пределами своей собственной страны. В то же самое время спортсмены, например, из Папуа-Новой Гвинеи, которые только первый раз участвовали в играх, и с которыми у меня установились самые дружественные отношения, вели себя куда более свободно и непринужденно. Они, в отличие от польских спортсменов, не боялись говорить с политэмигрантами из Советского Союза. А ведь Папуа-Новая Гвинея получила независимость только в сентябре 1975 года.

Спортивное движение инвалидов имеет долгую историю и началось именно в Сток-Мандевиле. В 1944 году по инициативе врача-невролога Людвиг Гуттмана в Сток-Мандевиле был образован специальный центр, целью которого была двигательная реабилитация парализованных инвалидов. В 1948 году здесь была проведена первая спортивная встреча между командами из Сток-Мандевилля и из г. Гарнер-Хоум. В этих играх приняло участие 16 спортсменов на

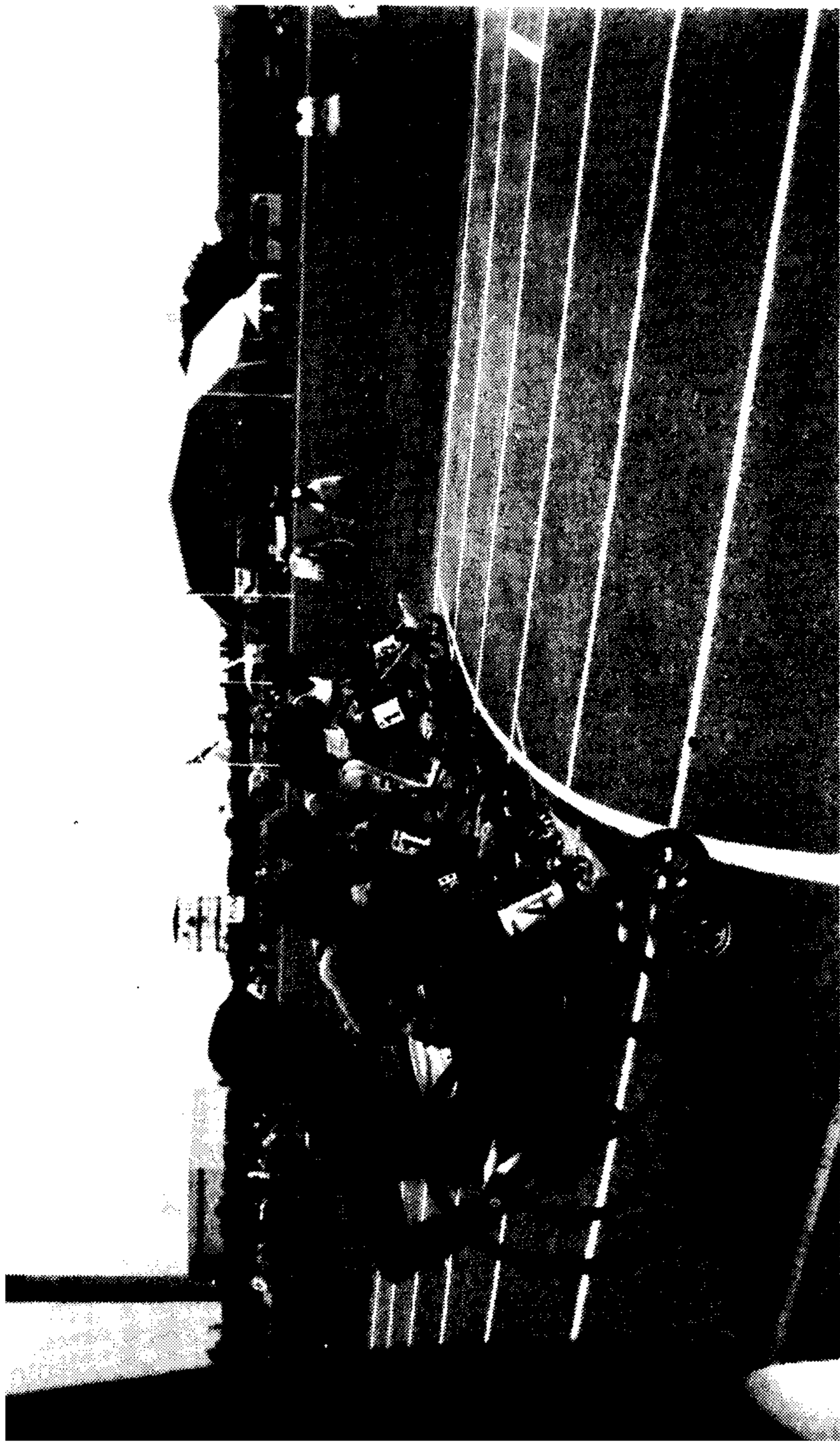
Сток-Мандевиль, Англия, июль 1984 г.

инвалидных колясках, в том числе 2 женщины. Годом позже в Сток-Мандевиле состоялось спортивное состязание между инвалидными командами уже из 5-ти английских городов. С 1952 года инвалидные игры превратились в международные, ибо тогда в Сток-Мандевиле наряду с английскими спортсменами выступали спортсмены из Нидерландов. Организация этих игр проходила в тесном сотрудничестве между инвалидами, врачами различных направлений и спортивными обществами.

К концу 1950-х годов инвалидные спортивные команды имелись уже во многих странах мира. В результате возникла необходимость в координации спортивного движения инвалидов, чему способствовала организация в 1960 году первых Международных Олимпийских игр инвалидов в Риме. Вторые Олимпийские инвалидные игры состоялись в 1964 году в Токио, третьи — в 1968 году в Израиле, четвертые — в 1972 году в Гейдельберге (Западная Германия) и пятые — в 1976 году в Торонто (Канада). В том же году в Швеции были проведены зимние Олимпийские игры для инвалидов. Когда в 1980 году в Москве проходили общие Олимпийские игры, то спортсмены-инвалиды не приняли в них участия, ибо, как мы уже знаем, советские представители заявили, что стадионы и спортивные сооружения в Москве не приспособлены для спортсменов на инвалидных колясках. Поэтому шестые Международные Олимпийские инвалидные игры состоялись в 1980 году в Нидерландах.

Выбор на проведение VII Олимпийских игр для инвалидов в Сток-Мандевиле пал не случайно. В 1969 году здесь при инвалидном госпитале был построен гигантский спортивный комплекс для инвалидов, получивший название "PARALYMPICS", английский неологизм, который можно перевести как "Олимпийский комплекс для парализованных". "PARALYMPICS" используется не только для спортивных соревнований инвалидов, которые проходят здесь ежегодно, но также в целях лечения парализованных инвалидов, в целях их двигательной реабилитации.

У непосвященного человека может возникнуть недоумен-

Сток-Мандевиль, Англия, июль 1984 г.

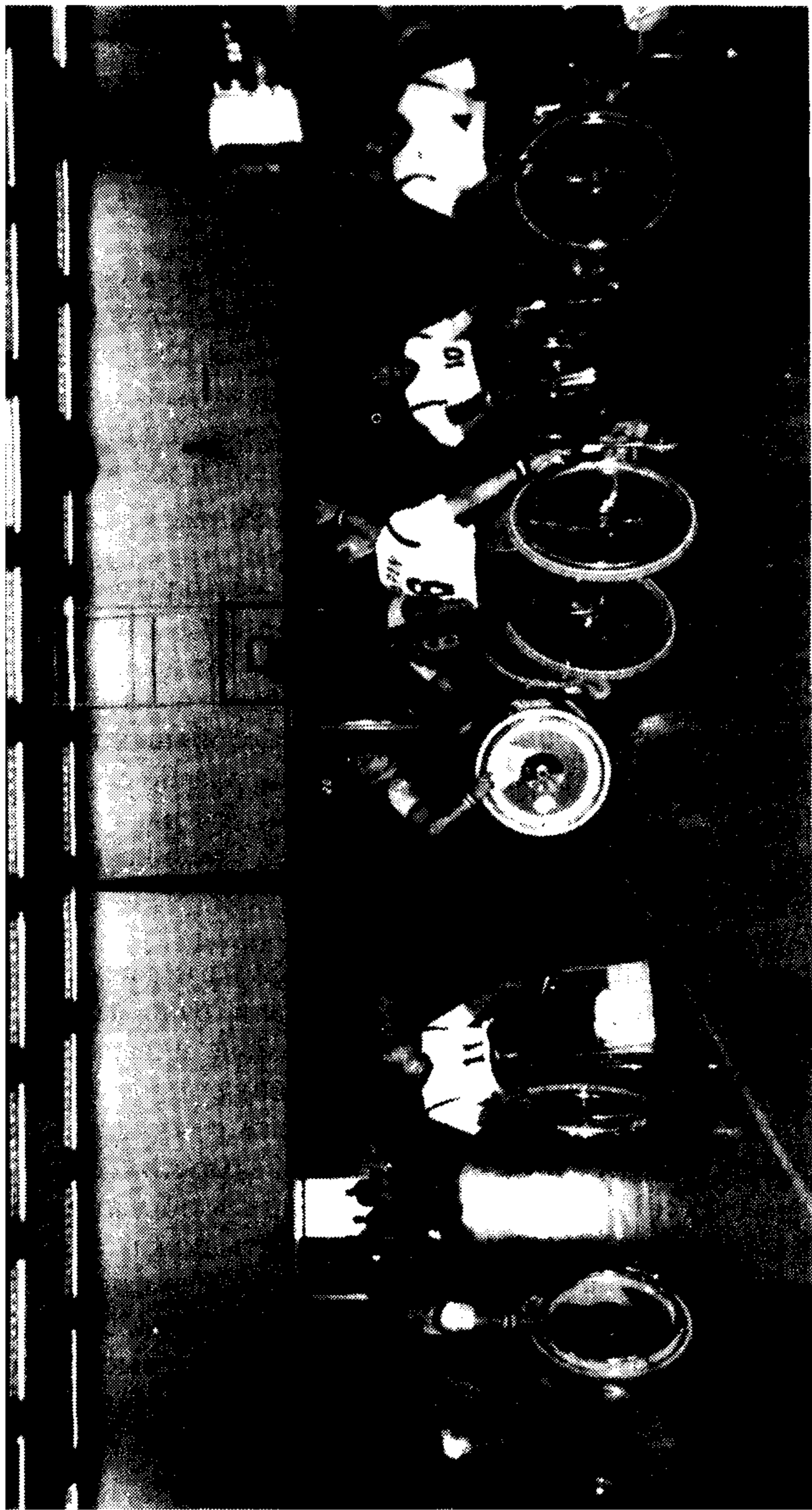
ный вопрос: как могут инвалиды на колясках заниматься спортом? Зачем это им нужно? Помните, как выразил свое отношение к спорту инвалидов полковник УКГБ Шибаетов? — "Это не гуманно и бесчеловечно — устраивать гонки инвалидов на колясках или заставлять их бросать мячи...". Конечно, вольно или невольно понимая незавидное положение советских инвалидов в обществе, а скорее всего в силу привычки этот человек может еще добавить: "Ладно, спортивные соревнования для инвалидов хорошо. Но что может сделать парализованный инвалид на коляске? За сколько часов, к примеру, он проедет 200 метров?"

Что можно ответить нашему скептику? Каждый день среди участников и гостей Олимпиады в Сток-Мандевиле распространялись информационные бюллетени с результатами соревнований. Выбрав некоторые из них, я обнаружил, что, например, Рон Майнор из Канады установил новый мировой рекорд, проехав на коляске дистанцию в 200 м за 32 секунды, или в среднем со скоростью 6,25 м в сек. Под силу ли инвалидам на коляске преодоление более длинных дистанций?

Ингрид Лаурисон, спортсменка из Дании, установила новый мировой рекорд среди женщин, проехав 1500 метров за 5 мин. 16,91 сек.; американец Форан проехал 5000 м за 14 мин. 58,56 сек. На инвалидных колясках можно участвовать даже в марафоне — канадец Рик Хансен проехал марафонскую дистанцию за 1 час 49 мин. 52,06 сек.

Конечно, конструкция гоночных колясок специально предусмотрена для такого вида соревнований. Точно так же существуют особые коляски для метания копья и диска, для игры в баскетбол и т. д. На первый взгляд, они мало чем отличаются от обычных домашних колясок. Однако сделаны они из очень легкого и прочного материала и отличаются необыкновенной подвижностью и маневренностью.

В перерыве между матчами я разговаривал с баскетболисткой из западногерманского города Геттинген Мартиной. Рассказал ей о том, что в СССР даже не знают, что существуют подобные игры, упомянул и слова полковника

Сток-Мандевиль, Англия, июль 1984 г.

Шибаета об их "негуманности". Мартина в ответ усмехнулась и сказала, что ее никто не заставляет заниматься спортом и играть в баскетбол. Она выбрала спорт сама, чтобы не чувствовать себя в стороне от общественной жизни. Кстати, спорт — это не единственное, чем увлекается Мартина. Она, к тому же, студентка Геттингенского университета, изучает биологию.

Как и на любых других обычных спортивных состязаниях, на Олимпийских играх в Сток-Мандевиле победителям вручали награды — золотые, серебряные и бронзовые медали. Торжественные церемонии вручения медалей проходили каждый вечер после окончания соревнований дня. Победителей поздравляли организаторы Олимпиады, в их честь играли торжественные марши, их фотографировали корреспонденты разных газет и журналов.

Вот некоторые из окончательных результатов: команда Западной Германии, занявшая первое место, набрала 36 золотых, 33 серебряные и 39 бронзовых медалей. Команда из Канады — 35 золотых, 21 серебряную и 16 бронзовых медалей; Франции — 33 золотые, 29 серебряных и 25 бронзовых медалей; команда из США набрала 30 золотых, 33 серебряные и 46 бронзовых медалей. Таким образом по общему количеству набранных медалей Соединенные Штаты опережают Западную Германию: США 109 медалей, ФРГ — 108.

Конечно, побивать мировые рекорды на колясках, завоевывать золотые или серебряные медали дано не каждому инвалиду. Главное в спорте — это помочь инвалиду встать на путь самостоятельной жизни. Ведь инвалиду-спинальнику необходимо самому ложиться и вставать с постели. Самому садиться в коляску или в автомобиль, самостоятельно залезать в ванну и вылезать из нее, выполнять обычные домашние хозяйственные дела. Вся эта тяжесть ложится на верхнюю часть тела и на руки. А значит — руки у инвалида с парализованными нижними конечностями должны быть в три раза сильнее, чем у здорового человека. Вот высказывание по этому поводу леди Мешам. Сама она — инвалид-спиналь-

ник (передвигается на коляске), основательница и Президент Ассоциации спинальников Англии. За заслуги в деле помощи инвалидам леди Мешам получила титул баронессы и является членом палаты лордов Великобритании:

”Конечно, чисто спортивная сторона — не основное значение этих игр, но они приносят очень много других полезных результатов. Спорт — это один из элементов лечения пациентов. Паралич серьезнейшим образом влияет на всю нервную систему, а занятия спортом помогают укреплять мужество больных, помогают справляться с жизнью, несмотря на физическую неполноценность”.

Завершая разговор об Олимпийских играх для парализованных инвалидов, хочется отметить, что эти спортивные состязания производят неизгладимое впечатление. Будь то гонки на инвалидных колясках, будь то плавание или стрельба из лука — совершенно забываешь о том, что перед тобой инвалиды с парализованными ногами или вовсе без ног. Во время Олимпиады в Сток-Мандевиле я разговаривал с одним из ее организаторов Айвором Элмсом. Он сказал, что каждый год они посылают приглашение советским инвалидам принять участие в спортивных играх, адресуя приглашение советскому правительству. И всякий раз советское руководство либо отмалчивается, либо отказывается прислать инвалидную команду под различными предлогами, однажды даже под таким: ”В СССР инвалидов нет”. Этот ответ точно указывает на положение инвалидов в социалистической структуре. Д-р Клаес, международный деятель помощи инвалидам сказал: ”Мы сначала усмехнулись, приняв этот ответ за глупую шутку, но впоследствии поняли, что ситуация в СССР для инвалидов гораздо хуже и печальнее, чем мы предполагали”.

Глава 7

СОЗДАНИЕ ИНИЦИАТИВНОЙ ГРУППЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ ИНВАЛИДОВ В СССР

Понимая, что в сложившейся ситуации только сами инвалиды, без насильственно навязанного им опекуна — Министерства Социального обеспечения — могут и должны решать свою судьбу, мы, несколько человек, создали в 1978 году Инициативную Группу защиты прав инвалидов в СССР. Первоначально в Группу вошли 3 человека: Юрий Киселев из Москвы, Файзулла Хусаинов из г. Чистополя и я. Были объявлены цели Группы:

1. Сбор и распространение информации о положении инвалидов в СССР.

2. Выступления с ходатайствами перед компетентными органами СССР об улучшении социального обеспечения инвалидов.

3. В случае отказа в удовлетворении наших ходатайств — обращения за помощью к международной общественности.

4. Налаживание контактов с международными организациями по делам инвалидов.

Своей главной задачей мы поставили себе создание в СССР Всесоюзного общества инвалидов по типу уже давно существующих во всех цивилизованных странах мира. В качестве своего печатного органа мы начали выпускать Информационный Бюллетень, 1-й номер которого вышел 20 мая 1978 года. За время работы Инициативной группы вышло 14 номеров Бюллетеня и ряд отдельных документов, в которых освещались все наши действия в защиту прав инвалидов, публиковались их письма и другие материалы, отражающие общее положение инвалидов в стране. Позже мы выдвинули ряд более конкретных предложений, которые, на наш взгляд, могли бы существенно изменить положение инвалидов в СССР. Я считаю целесообразным перечислить хотя бы некоторые из них:

1. Разработать и ввести по всей стране такую систему исчисления пенсий, которые соответствовали бы постоянно растущим государственным ценам. (Например, увеличить размер пенсий инвалидам труда, исчисленных по старым заработным тарифам и т. д.).

2. Прекратить позорную спекуляцию на самом больном и необходимом для инвалидов: продаже предметов первой необходимости — средств передвижения (например, стоимость автомобиля "Запорожец" для инвалидов почти в 5 раз дороже его себестоимости, других машин — чуть ли не в 10 раз).

3. Давно пора построить в СССР предприятия по выпуску широкого перечня механических помощников и приспособлений, помогающих тяжелым категориям инвалидов относительно самостоятельно жить и передвигаться. А пока нет таких предприятий, все это должно покупаться в других странах.

4. Поручить архитектурным проектным организациям разработать проекты микрорайонов для инвалидов с особо ограниченной подвижностью и их семей.

5. Необходимы изменения некоторых ГОСТов при проек-

тировании и строительстве жилых домов. Например, двери как внутри квартир, так и лифтов должны быть достаточно широкими для проезда кресла-коляски и т. д.

6. Давно пора выполнить постановление Министерства Социального обеспечения РСФСР от 1968 года об отделении стариков от молодежи в домах инвалидов. К тому же:

а) обеспечить инвалидов достойной работой в этих учреждениях. Работа в инвалидном должна засчитываться в трудовой стаж, и это должно иметь отношение к пенсионному начислению;

б) очень важно изменить внутреннюю обстановку в этих домах, которую сами инвалиды называют духовным вакуумом.

7. Положение в местах заключения таково, что крайне необходимо допущение проверок выборными общественными группами и Международным Красным Крестом советских тюрем, концлагерей и психиатрических больниц. Слишком невыносимые условия заключения там инвалидов, и нередко здоровые люди выходят оттуда инвалидами.

8. В СССР совершенно не разрешена такая важная проблема реабилитации инвалидов, как приобщение их к спорту. Поэтому необходимо построить в СССР специальные комплексы для физической тренировки инвалидов в целях стимуляции их активности и жизнедеятельности. Необходимо убедить официальные органы в позорности запрета советским инвалидам участвовать в Международных Олимпийских играх инвалидов.

9. У инвалидов должен быть собственный профсоюз, защищающий их интересы, и своя периодическая печать.

Вместе с этим мы хотели обратиться к населению страны, так как возможно многие люди захотели бы организовать благотворительные общества и группы различной помощи инвалидам как материальной, так и непосредственно действенной. Это необходимо, поскольку органы соцобеспечения либо не хотят, либо совершенно не справляются со своей работой по отношению к инвалидам и престарелым. Судя по всему, государство не заинтересовано в этом. Бла-

поговорительные общества существуют во всем мире, но фактически запрещены в СССР. Кроме этого нам бы хотелось, чтобы советские средства массовой информации периодически проводили широкий опрос инвалидов и всего населения по всему спектру инвалидных проблем, из которого выяснялось бы, чем и как хотели бы инвалиды заниматься, то есть применять свои способности в силу своих физических возможностей.

Это далеко не все, но это основные наши предложения, описывающие проблемы, с которыми постоянно сталкивается в повседневной жизни каждый инвалид. Поэтому, уже с самого начала образования нашей Группы, мы начали получать большое количество писем от инвалидов, в которых они, каждый по своему, выразили интерес к проблеме защиты своих прав. Условно эти письма можно разделить на несколько категорий:

1. Приветственные, выражающие радость, что наконец-то появилась какая-то опора в их жизни и, как отклик на это, предлагающие свою помощь.

2. Пессимистические, не верящие в возможность изменить ситуацию инвалидов в стране, однако и не примирившиеся со своим положением.

3. Чисто описательные, благодарные уже за то, что есть люди, которые слышали их боль и страдание.

4. Просительные, с изложением вполне конкретных просьб о помощи.

5. Недовольные созданием Группы, осуждающие и даже угрожающие (их немного, не более 5—6-ти, типа таких: "Поздравляем со славной 100-летней годовщиной рождения великого Сталина. Следующую годовщину вы все встретите за тюремной баландой".)

Но есть и одно сходство во всех письмах: все они каждый раз свидетельствовали о бедственном положении авторов и, таким образом, не только подтверждали актуальность работы нашей Группы, но и говорили о ее решительной необходимости. Вот лишь несколько выдержек из писем:

"...проблемы жизни инвалидов СССР мало затрагивают

соответствующие органы. Инвалиды давно уже превратились в деклассированных элементов. Поэтому, я уверен, многие полностью одобряют создание Инициативной Группы, понимая ее необходимость и значение. Лично я не только хочу общаться с вами, но и сотрудничать. Если с вашей стороны возникнет такая потребность, буду рад исполнить все ваши просьбы”.

”...являясь сам инвалидом с детства, я с особым удовлетворением воспринял сообщение о том, что вы образовали Инициативную Группу защиты прав инвалидов в СССР, необходимость которой крайне своевременна в нашей стране, где государственные учреждения социальной опеки фактически игнорируют законные интересы и требования физически неполноценных граждан”.

”...В данном письме я не стану говорить о том, о чем правдиво рассказано материалами Инициативной Группы. Я только хочу выразить полную поддержку созданному объединению, бескомпромиссно отстаивающему права инвалидов.

Чрезвычайно понятно и дорого ваше начинание, ибо оно олицетворяет полное уважение человеческого достоинства в условиях тотального ущемления прав не на словах, а на деле всеми легальными средствами. Вы делаете доброе, нужное дело, проявляя заботу и гуманизм об искалеченных людях практическими действиями, пробуждая в них нравственное осознание собственной ценности в этом эдеме фальшивого равенства и безграничного лицемерия”.

”...дело, поднятое вами, очень важное и нужное. Я пережила все беды, какие только могут обрушиться. Особенно трудно мне сейчас, когда я одна (умерла моя мама), а в дом инвалидов я не хочу. Это же живая могила — доживать свой век в сознании своей ненужности, это выше моих сил. И если бы у нас были такие микрорайоны*, я бы с радостью согласилась в них жить и работать, быть полезной, не чувствовать себя ущемленной и неполноценной, как это было на протяжении всех 12-ти лет моей инвалидности”.

* Имеются в виду специальные жилищные комплексы для инвалидов с мастерскими для работы, сферой обслуживания и т. д.

”...Первое впечатление от чтения документов Инициативной Группы защиты прав инвалидов в СССР — это надрывный крик изувеченных людей. Документы этой Группы раскрывают страшный смысл слов, сказанных правительством СССР Людвигу Гуттману: ”В СССР инвалидов нет”.

Когда речь заходит об инвалидах в СССР, вспоминаешь ”Униженных и оскорбленных” Ф. М. Достоевского. Инвалиды в СССР действительно униженные и оскорбленные слои общества, печать которого любит трубить о дискриминации негров, умалчивая о дискриминации инвалидов.

Вспоминается случай в московском метрополитене: колюдка, которой безногий человек отталкивается при передвижении, застряла в ступеньке эскалатора — на беднягу немедленно навалилась куча людей, которые, спотыкаясь об инвалида, кубарем летели вниз. Эскалатор остановили. Почти все ругали инвалида самыми ”изысканными” словами...”.

Все эти письма — искренние и теплые отклики на создание Инициативной Группы защиты прав инвалидов. Из них можно видеть, какое большое значение придали созданию Группы сами инвалиды. К сожалению, таких писем к моменту начавшихся обысков стало все меньше и меньше. А потом, когда вся почта Инициативной Группы стала проходить тщательный контроль КГБ, письма вообще перестали доходить.

Создавая в 1978 году Инициативную Группу защиты прав инвалидов в СССР, в числе поставленных нами задач было налаживание контактов с представителями зарубежных инвалидных организаций и союзов. Тогда у нас еще не было достаточно конкретного и реального представления об этих организациях. Постепенно у нас устанавливались отношения, завязалась переписка, несмотря на препятствия советской гоможенной цензуры. Установились контакты с инвалидными организациями Швеции, Англии, Голландии, Бельгии. Мы начали получать приглашения приехать на тот или иной международный симпозиум, посвященный проблемам ре-

билитации инвалидов. Но СССР — закрытое общество, поэтому даже думать о возможности таких поездок было немыслимо...

Постоянно убеждаясь, что проблеме реабилитации инвалидов в странах свободного мира уделяется особое внимание, было горько видеть и сознавать, что этому вопросу в Советском Союзе никакого внимания не уделяется, более того: проблема эта до сих пор замалчивается руководством страны "развитого социализма". Понимая необходимость и значение получения правдивой и объективной информации советскими инвалидами о том, что делается для инвалидов в странах Запада, мы не раз обращались с письмами в международные и национальные организации инвалидов. В принципе они сводились к одному:

"Всякая информация о жизни инвалидов в развитых странах, о деятельности свободных инвалидных организаций, не пропускаемая советской цензурой, крайне важна для поднятия духа инвалидов, понимания ими своего человеческого достоинства, права на полноценную (насколько позволяет здоровье) жизнь.

Внутри нашей страны мы везде натываемся на бездушное "нет". Поэтому только через широкое обнародование и обсуждение беззаконий и антигуманности, сравнение со свободой и правами, реально подтверждаемыми Всеобщей Декларацией Прав Человека ООН и Декларацией Прав инвалидов, можно понемногу чего-нибудь добиться для советских инвалидов и прежде всего для создания ими своей ассоциации".

Призывая западные инвалидные организации не оставить без внимания трагическое положение инвалидов в СССР, мы предложили и ряд конкретных мер, которые, на наш взгляд, могли бы способствовать разрешению некоторых вопросов. Среди этих предложений были следующие:

1. Как можно более широкая реклама ваших средств благотворительности по отношению к инвалидам и престарелым через все средства массовой информации в нашу сторону.

На основе материалов наших Бюллетеней и других источ-

ников — широкий показ тяжелого положения инвалидов в СССР, являющегося результатом равнодушного отношения властей к нашим проблемам, жалкого состояния системы социального обеспечения инвалидов и престарелых в СССР и фактического запрещения в СССР как нашего общества инвалидов, так и любой благотворительности.

2. Призывы к нашему правительству о разрешении создания общества инвалидов с нарушениями двигательных функций.

3. Обращение ко всем религиозным конфессиям с призывом о возрождении добрых старых традиций благотворительности в нашей стране, с помощью всех возможных средств массовой информации.

4. Привлечение как можно более широкого внимания к положению инвалидов-заключенных в советских тюрьмах и лагерях, положение которых невыносимо”.

Действительно, положение инвалидов в местах лишения свободы — тюрьмах, лагерях и ссылках, а также в специальных лагерях для инвалидов и психиатрических больницах, узники которых в большинстве своем — тоже инвалиды, особенно трагично. Известно об отсутствии самого элементарного человеческого отношения к ним, о чем мы уже писали в этой книге. Это — принудительный и непосильный труд, независимо от группы инвалидности; недоброкачественное и недостаточное питание; низкое медицинское обслуживание; ограничения в корреспонденции и т. д. Также известны голодовки протеста инвалидов против произвола администрации и наказания за это карцерами и другими репрессиями. Освещая эту тему мы писали следующее:

”Мы обращаемся ко всем гуманистическим организациям, ко всем инвалидным организациям, ко всем людям с просьбой поддержать наше требование амнистии советских инвалидов-политзаключенных.

У нас нет информации, чтобы еще где-либо в мире узники совести инвалиды содержались в таких бесчеловечных условиях. Если это происходит, мы призываем выступить и за их освобождение.

Мы специально обращаемся к леди Мешам, баронессе Илтона и другим представителям инвалидов в правительствах других стран с просьбой обратиться к своим коллегам и главам правительств, чтобы они выразили свое отношение к положению узников совести в СССР, особенно инвалидов”.

Наши призывы о помощи не остались без внимания здесь, в демократических странах Запада. Многие наши документы были переведены на языки этих стран и находили понимание и поддержку общественности. Уже сейчас, встречаясь с представителями инвалидных организаций, я всякий раз убеждаюсь в их осведомленности о многих сторонах повседневной жизни инвалидов в СССР и их желании хоть в чем-то оказать свою помощь. Например, представители одного из крупных инвалидных обществ в Голландии беседовали с советским послом Белецким и культурным атташе Лопушинским. В конце беседы Белецкому и Лопушинскому было предложено передать советскому правительству такие требования:

1. Чтобы власти СССР не препятствовали помощи советским инвалидам из-за границы.

2. Чтобы власти СССР, наконец, разрешили советским инвалидам создавать свои общества.

Леди Мешам, с которой у меня состоялась более чем 2-часовая беседа, всегда была готова принять участие в помощи советским инвалидам. Этот вопрос она ставила и в парламенте Великобритании. Это и понятно, так как леди Мешам — сама инвалид-спинальник и как нельзя лучше знает и понимает своих коллег по несчастью, то есть, что им нужно и что значит оказаться в 4-х стенах без средства передвижения, без права голоса и, наконец, просто без права на протест... Однако, как ни горько это говорить, без активности инвалидов в Советском Союзе западные организации мало что смогут сделать. В данном случае необходима инициатива самих инвалидов в СССР с теми или иными требованиями в адрес своего правительства, создание своих автономных групп взаимопомощи, выпуск независимого печатного орга-

на и т. д. Только в этом видится успех в достижении того, что называется "обрести свое человеческое достоинство".

Конечно, власти никак не могли примириться с тем, что в СССР стала существовать еще одна свободная и независимая организация. Стали предприниматься попытки дискредитировать движение инвалидов за свои права, свести на нет деятельность Группы, запугать и оклеветать ее членов. Даже сейчас, когда я пишу эти строки, как мне только что написали из СССР, там до сих пор распространяются слухи, что я "шпион" и "агент западных спецслужб". Преследования эти особенно усилились после прессконференции, состоявшейся 25 октября 1978 года в Москве, на которой мы рассказали западным корреспондентам о своем существовании, поставленных нами целях, работе и т. д. Это было и естественно — ожидать после этого преследований со стороны властей и КГБ, так как на Западе тоже начал проявляться интерес к положению инвалидов в Советском Союзе. Чтобы смягчить как-то эти преследования, а может даже и отсрочить их, я обратился в районный отдел социального обеспечения с письмом, в котором сообщил о создании нашей Группы. К письму приложил Бюллетень № 2. Все это я просил переслать в Президиум Верховного Совета СССР и содействия перед этим органом, чтобы нам разрешили регистрацию нашей Группы как общественной организации согласно статьи 51 Конституции СССР. Вскоре из отдела социального обеспечения пришел ответ за подписью заведующего Глущенко: "Ваше письмо с приложением в 13 страниц передано по назначению". Не иначе, как в КГБ, подумал я, что впоследствии и подтвердилось.

На 3-й день после прессконференции перед моим гаражом была выкопана большая яма. Рано утром, едва рассвело на улице, приехал экскаватор и вряд ли рабочий этого экскаватора понимал, что он делает. Что от таких еще можно услышать, кроме этого робкого и послушного оправдания — "наша работа такая...". Таким образом через три дня после прессконференции я оказался как бы под домашним арестом. Вообще же оперативности КГБ можно только позавидовать.

Есть даже такой анекдот. Заходит один человек в телефонную будку, набирает номер, спрашивает: "Это КГБ?". Ему отвечают: "КГБ". Этот человек выливает на них поток отборного мата и вешает трубку. Решив, что этого все-таки недостаточно, снова снимает телефонную трубку, набирает номер, спрашивает: "Это КГБ?". Сзади его хлопает рукой по плечу другой человек: "КГБ, гражданин, КГБ!..". Но это только анекдот, если же обратиться к реальности, то в сложившейся ситуации я уже не мог выезжать из дома. Проходили дни, недели, а перед гаражом все была яма. Чтобы начать что-то делать, я обратился в городской совет народных депутатов с требованием закопать яму. Пришел ниже следующий ответ за подписью председателя городского совета Романова:

"Около Вашего гаража начато строительство смотрового люка для канализационной сети, но так как рядом проходит электрический кабель, дальнейшие работы приостановлены".

Я всегда поражался изобретательности государственных служащих: как они умеют писать подобные ответы! Будто какую-то специальную выучку прошли вот так писать...

Так и оставался в "приостановленном" состоянии этот "смотровой люк" ровно месяц. Затем приехал тот же экскаватор и тот же рабочий засыпал им яму. Еще через неделю, 6 декабря 1978 года, прямо к двери моего дома, через засыпанную снегом цветочную клумбу, подъезжает серая "Волга". Заходит водитель и от имени Глущенко просит меня проехать с ним в отдел социального обеспечения "по очень важному делу". "Если у товарища Глущенко ко мне очень важное дело, — отвечаю я, — пусть он сам ко мне и приедет. Вы же сами видите, что я передвигаюсь только на коляске, а кабинет Глущенко на 2-м этаже..." Водитель понимающе кивает головой, уходит. Через полчаса снова звонок в дверь, открываю. Заходит целая делегация и впереди всех, старающийся казаться любезным, Глущенко. Как-то даже заискивающе произносит:

**Препятствие, воздвигнутое „органами” перед гаражом В. Фефелова
(ноябрь 1978 г.)**

— Вот, Валерий Андреевич, а мы к Вам в гости... Вы, наверно, помните меня?

— Первый раз вижу, а кто Вы? — спрашиваю я.

— Я заведующий отделом соцобеспечения Глущенко.

— Очень приятно, только я действительно вижу Вас впервые.

Глущенко смущен.

Вошедшие рассаживаются на стульях и начинается "беседа". Мне не хотелось бы утомлять читателя подробным ее описанием. В целом она сводилась к тому, что мол инвалиды в СССР живут хорошо, "за исключением отдельных недостатков", решать которые компетентно только государство. Создание нашей Группы противозаконно и за это могут быть серьезные последствия, и мне было предложено надо всем этим "серьезно подумать". В разговоре, кроме Глущенко, принимали участие также председатель райисполкома Семенов, начальник УКГБ г. Кольчугино Коровушкин и начальник следственного отдела УКГБ г. Владимира Шibaев. Особенно выделялся Семенов, который представил меня перед всеми даже в роли сумасшедшего, несколько раз жестикулируя пальцем у своего лба, — мол, это только ненормальный человек может решиться на подобное. Но хотелось бы отметить и два интересных момента в ходе этого разговора. Когда речь зашла о том, как хорошо живут инвалиды в СССР, я показал всем присутствующим только что отпечатанные фотографии моего гаража с видом выкопанной около него ямы.

— Вы говорите, что об инвалидах у нас особая забота, а это что? — спросил я и посмотрел на Шibaева.

— Это не мы...

Второй момент такой. Всю нашу беседу я хотел записать на магнитофон и предупредил присутствующих, что я ни от кого ничего не скрываю, не хочу скрывать и наш разговор. Коровушкин дважды подходил к магнитофону и тут же его выключал. Странное это совпадение или нет, но при следующем визите ко мне делегации в том же составе 28 декабря 1978 года, незадолго до ее появления в доме, во всем нашем

квартале было отключено электричество. После того, как она ушла, электричество было включено.

С самого начала моего столкновения с КГБ, я увидел насколько это бесчеловечная организация. Принцип один: подавить любое свободное начинание, убить мысль, в лучшем случае загнать ее в подполье, заставить всех и вся жить в страхе и покорности. Для достижения этих целей, КГБ не брезгует ничем. Угрозы, шантаж, избиения, увольнение с работы — это вы испытаете сразу, как только вами займется КГБ. Одной моей знакомой, с которой я сейчас работаю, до ее выезда из СССР сотрудники латвийского КГБ сказали: "Мы прекрасно знаем, что мы — раковая опухоль на теле народа...". Но так как я все-таки был инвалид на коляске и мое имя в некоторой степени стало известно не только узкому кругу лиц, вместе с угрозами ко мне вначале чувствовалось и несколько иное обращение. Например, вместе с угрозами лишить меня пенсии, квартиры, посадить в тюрьму и т. д. (если я не откажусь от своей деятельности), работники КГБ обещали мне, "если ты будешь хорошо себя вести", квартиру во Владимире, новую машину, работу...

Затем последовали обыски с конфискацией всех материалов, имеющих хоть малейшее отношение к теме положения инвалидов в СССР и за границей, писем от инвалидов, которых в первое время приходило по несколько десятков в день. Как проходили эти обыски, расскажу на примере одного из них, на примере обыска по делу Николая Павлова, автора очерка "Памяти забытых и погибших эков-инвалидов" и арестованного в феврале 1981 года. Старшим по обыску был старший следователь УКГБ по Владимирской области капитан Кривов. Вначале, как почти всегда бывает в таких случаях, предлагается "добровольно выдать клеветническую литературу". Я ответил, что такой литературы у меня нет, писать воззвания о свержении советской власти и расклеивать их на столбах не собираюсь, и вообще не понимаю, что означают слова "клеветническая литература".

— Например, у Ю. Киселева на одном из обысков тоже

искали "клеветническую литературу" и изъяли Уголовный Кодекс РСФСР и Законодательство о труде. Это вы имеете в виду? — спросил я.

— Ну, если не хотите выдать добровольно, мы начинаем производить обыск, — заявил Кривов.

А это значит, если обыск производит КГБ, изымается все подряд, было бы напечатано на машинке. Осматриваются сараи, гаражи, туалеты... "Клеветническую литературу" ищут в унитазах и сливных бачках и т. д. В поисках "тайников" взламываются полы, обстукиваются стены, печки, подоконники и даже табуретки. Не поленятся даже разворошить поленницу дров или кучу угля в сарае, а то и просто перекопать там земляной пол. Причем, чтобы сначала войти к вам в дом для проведения обыска, придумываются самые различные варианты: звонят в дверь под видом почтовых работников или электриков, подсылают коменданта дома, а уж за ним вламываются сами. Стоит вам немного открыть дверь, как в этот промежуток сразу же совывается ботинок гебиста, затем появляется и он сам.

Итак, в моей квартире продолжается обыск. Рядовые гебисты подносят на стол Кривову найденные бумаги, тот заполняет протокол изъятия.

— В следующий раз Вам уже и брать-то будет нечего, — посочувствовал я Кривову.

— Ну, уж Вы приготовьте что-нибудь, Валерий Андреевич, — последовал ответ.

Но это лишь кажущаяся вежливость. Стоило моей жене немного подшутить над понятиями и "запретить" им пользоваться стульями, сразу последовало властное распоряжение Кривова:

— Возьмите себе стулья и сядьте.

— Почему Вы распоряжаетесь здесь моим имуществом?

— Вы здесь только присутствуете, а распоряжаюсь я! — не терпящим возражения голосом заявил Кривов.

— Если Вы пришли изымать у нас "клеветническую литературу", то ее и изымайте, — попробовал вмешаться

я, — разве Вы имеете отношение еще и к материальным ценностям?

— Я имею отношение ко всему, и что посчитаю нужным, то и изыму.

— Как, например, мою инвалидную коляску... — продолжил я мысль Кривова.

— Совершенно верно.

В конце обыска на предложение подписать протокол я заявил, что подпишу его только в том случае, если в изъятых материалах мне покажут "клевету". Речь зашла о документе № 15 "Общественный транспорт и инвалиды", в котором говорится об абсолютной непригодности общественного транспорта СССР к нуждам инвалидов. Только после повторного и долгого изучения всего документа Кривов указал на место, где говорится о непригодности для инвалидов... советских пароходов.

— Здесь все как раз соответствует действительности, — сказал я.

— А зачем Вам общественный транспорт, если у Вас есть личный? — не найдя ничего лучшего, проговорил Кривов.

— В данном случае речь идет не о личном транспорте, а об общественном, и если уж на то пошло, то личный транспорт имеют далеко не все инвалиды, — ответил я.

От вопроса что есть клеветнического в документе к 20-летию Олимпийских игр для инвалидов и других изымаемых материалах, Кривов увильнул:

— Ну, мы потом там сами (имеется в виду департамент КГБ) разберемся и, если не найдем клеветы, вернем обратно.

— От вас получишь, — выразил я сомнение, — уже знаю по собственному опыту, что КГБ ничего не возвращает, а уж тем более что-то напечатанное на машинке, — и наотрез отказался от подписи под протоколом обыска.

Далее, отпустив понятых, Кривов решил учинить надомной допрос по делу № 45 "по поручению Белгородского УКГБ".

— Заранее говорю Вам, что участвовать в следствии по

этому делу отказываюсь, равно как и от всех подписей вообще, связанных с ним, — сказал я.

— Каковы причины отказа?

— Я считаю КГБ аморальным органом, поэтому не считаю нужным даже вступать с Вами в диалог на эту тему.

— Почему же КГБ — аморальный орган? — поморщился Кривов.

— Потому что не кто иной, как КГБ, недавно грозил Киселеву убить его.

— На этом позвольте раскланяться, — стараясь казаться более любезным и складывая изъятую "клевету" в папку, проговорил Кривов, — надеюсь, Вы не в большой обиде на меня?

— Ненависти лично к Вам я не питаю, — ответил я, — но самого факта этого обыска ни от кого скрывать не буду. Пусть все все знают...

Если в КГБ работают преимущественно "зстеты", то совершенно другого покроя МВД (Министерство Внутренних Дел), которому поручена "грязная" работа. Тут и зам. начальника милиции г. Юрьева-Польского майор Шовьлин, два участковых — капитан Караулов и старший лейтенант Суханов с их постоянным собутыльником лейтенантом Егорушковым, да еще лейтенант Бедняков, работающий по принципу: двери, которые не открывают, вышибать ногами... Тут еще и народный судья г. Юрьева-Польского Лидия Зимина и следователь Юрьева-Польского РОВД Колобова. Много еще кого можно вспомнить, с кем так или иначе пересекались мои пути, как например, начальника Госавтоинспекции Чернова или "вечного старшину" Костю Титова, ныне уже покойного. Хоть и мелкая сошка был Костя Титов, а думал по-государственному, с размахом: "Таких как ты, Фефелов, мы в 37-м году давно бы расстреляли...". Кто-то из них, наверное, сейчас пошел на повышение по службе, а кто-то уже и на "заслуженном отдыхе"...

А еще — стукачи. Я хорошо знал двух своих постоянных стукачей, которые вот так запросто, друзья ведь, приходили ко мне домой. Да и Вадик Светлов, бывший гебист и не

скрывавший этого по пьянке, старался держаться ко мне поближе. Я их не выгонял, пусть стучат, секретов у меня не было, разве что всегда приходилось недоговаривать о своих конкретных делах и планах, а также о предстоящих поездках. Да почему бы и не подшутить иногда, сказать стукачу что еду на Урал к теще, а самому уехать в Крым. И действительно, сработало точно: ждали нас тогда на Урале, к теще приходили, мол ждите, скоро явятся... Не явились. А теща после этого долго болела, переживала не случилось ли что в дороге.

А вот что до стукачей в собственном доме, в котором нас было 16 семей, да и в соседнем доме столько же — до сих пор не знаю их. С поразительной завидностью и так профессионально они стучали, что в КГБ знали часы и минуты — когда уехал я из дома, когда приехал, кто ко мне пришел и т. д. Стоило приехать ко мне кому-нибудь из Москвы или еще откуда-нибудь, ко мне в квартиру сразу же тащился участковый Караулов "с проверкой паспортного режима".

Однажды вечером, после одного из обысков, ко мне в квартиру ворвался "понятой" Осокин, коммунист, главный технолог завода "Промсвязь". Пьяный и с криком "Мне он, он нужен!..", Осокин бросился на меня. Вмешалась жена: "Что Вам здесь нужно? Уходите прочь, Вы пьяны...". Осокин бросился на жену с потоком грубых, оскорбительных ругательств, ударив ее шапкой по лицу. "Подлюка! — угрожающе закричал он. — Я понятой, сейчас здесь все громить буду!.." Только с помощью соседей удалось его выпроводить. Приходил Осокин и еще раз, через неделю, долго стучал в дверь, грозил с нами расправиться. Когда мы подали в милицию заявление с требованием наказать Осокина за его хулиганские действия, участковый Караулов радостно воскликнул: "А, этого Осокина мы уже давно хотим в тюрьму отправить!..". Через несколько дней Караулов вызывает мою жену по повестке в районное отделение милиции, разочарованно говорит: "Это не тот Осокин, вы уж возьмите заявление обратно...".

В январе 1980 года был сослан в г. Горький А. Сахаров.

По стране прокатилась волна предупреждений диссидентов по указу от 25.12.1972 г. Пришли и ко мне: уже известный нам полковник Шibaев, новый начальник УКГБ г. Кольчугино Маликов, старший лейтенант УКГБ г. Владимира Зотов, председатель горисполкома Романов. Шibaев достает парижскую газету "Русская Мысль", говорит с нескрываемой злостью:

— Вот, Валерий Андреевич, что Вы в ней написали...

Читает: "Дорогие *соотечественники!*..".

Причем на слове "соотечественники" Шibaев делает не то чтобы акцент, а исказив само слово, (правильно "соотечественники"), произносит его таким презрительным и ненавидящим тоном, что, казалось, будь эти "соотечественники" рядом, он вцепился бы зубами в горло каждому из них. Я прошу Шibaева не утруждать себя излишним чтением, так как не возражаю, что статью к нашим соотечественникам за границей написал я, а значит текст ее мне уже знаком. Шibaев достает какие-то бумаги и предлагает мне расписаться под предупреждением по Указу от 25.12.1972 г.

— Это, — говорит Шibaев, — последнее Вам предупреждение. В случае дальнейшей Вашей антиобщественной деятельности против Вас будет возбуждено уголовное дело.

"Придется тогда знное количество дней просидеть в изоляции" — добавил Маликов. А жене сказали: "Даже Сахарова мы выслали из Москвы, а с вами уж тем более расправимся".

К тому времени я уже отверг КГБ как организацию, не имеющую ни капли морального значения для общества. Поэтому я всякий раз категорически отказывался от всех предлагаемых подписей. Уже не помню кто из них побежал на улицу, но вскоре вводят двух случайных перепуганных прохожих. "Это понятые, — сказали мне, — они засвидетельствуют Ваш отказ от подписи". Мне было безразлично, кто и что будет "свидетельствовать". Я чувствовал главное, что я еще не сломлен их угрозами, обысками, слежкой, а вот сейчас еще и предупреждением, что в любой день и час против меня могут возбудить уголовное дело. Это наполняло меня

Юрий Киселев и Валерий Фефелов, апрель 1979 г.

решимостью продолжать дело, которое мы начали со своими друзьями по несчастью.

В мае 1980 г. началась кампания травли против меня в местной печати. Районная газета "За коммунизм" в номере за 13 мая опубликовала большую статью под названием "Что же вы хотите, Фефелов?". "Обличая" мою деятельность как члена Инициативной Группы защиты прав инвалидов в СССР, авторы статьи (среди них и Глущенко) называют меня "фанатиком", "антисоветчиком", "сочинителем пасквилей на государственный строй", "тунеядцем", "пьяницей" и даже "психически больным"; говорят, что я стал "популярной личностью западных радиостанций" и моим "кумиром" является президент США Картер. Вот только несколько выдержек из этой статьи, впрочем достаточно характерных для всей советской печати, когда она начинает "обличать" диссидентов:

"...Фефелов заполнил свой досуг систематическим прослушиванием различных голосов и волн зарубежных антисоветских станций... У него появилась тяга к установлению связей с людьми сомнительной репутации — лицами, ранее судимыми за антисоветскую агитацию и пропаганду. ... Попав по протекции указанных друзей на страницы зарубежной антисоветской прессы, Фефелов ради тщеславия и придания себе значимости с 1978 года стал выдавать себя за правозащитника себе подобных людей, рассылая знакомым и незнакомым лицам тенденциозные клеветнические материалы, порочащие советский общественный и государственный строй. Ложь и клевета, сочиненные Фефеловым, через антисоветские радиостанции распространялись через эфир... Стремясь к известности на Западе, он принял участие в сборище, организованном в Москве антиобщественными элементами, в ходе которого клеветал на советскую действительность иностранным корреспондентам... Войдя в роль "правозащитника", он систематически направляет в различные учреждения под маской заботы об инвалидах "запросы и требования", порочащие, по существу, честь и достоинство

советского человека. ... Каждый здравомыслящий человек понимает, что высказывания подобного рода инспирированы и поддержаны яркими противниками нашего государства, выполняющими волю правительств капиталистических стран, для компрометации первого в мире социалистического государства и его достижений...”

И так далее и так далее.

Я понимал, что это не просто статья, а начало новой кампании против движения инвалидов за свои права, начать которую было решено снова с меня. Действительно, на следующий день, 14 мая, в г. Юрьев-Польский пожаловали сотрудники УКГБ г. Кольчугино Маликов и Перепелкин. Цель: идеологическая обработка моих ближайших родственников с тем, чтобы они затем на меня “воздействовали”. Свое “собеседование” они начали с расспросов о “реакции общественности” г. Юрьева-Польского на помещенную в газете статью, вручив им всем по экземпляру этой газеты. И, как бы желая подтвердить свое соавторство, Маликов сказал моему брату: “А ведь неплохо написано!..”.

В тот же день на заводе “Промсвязь” с целью обработки общественного мнения в рабочее время состоялись собрания на участках. Намечалось проведение общезаводского собрания для более масштабного обвинения в “антигосударственной деятельности”, собрания, кстати, так и не проведенного. Было проведено собрание и на ткацкой фабрике “Авангард”. Люди, правда, отнеслись к ораторствующим очень сдержанно. В последующих номерах газеты “За коммунизм” появились и отклики “общественности” под заголовками: “Не запятнать знамя отчизны”, “Советую одуматься” и т. д. Весь тон и содержание этих откликов носил чисто пропагандистский характер, был рассчитан на очень упрощенное понимание, например:

“...Крепнет и развивается наше первое в мире социалистическое государство, хорошеют наши города и села... Таких, как ты, Фефелов, единицы, и никогда не запятнать вам знамя страны Советов!”

”...Очень удивлена, что В. Фефелов под влиянием враждебной пропаганды занялся антисоветской деятельностью. Не пора ли тебе, Валерий, одуматься. Советую еще раз прочитать книгу Н. Островского ”Как закалялась сталь”.

”...Неужели из простого, скромного парня мог получиться человек со взглядами закоренелого ненавистника советской действительности. Пора тебе, Валерий, опомниться и прекратить заниматься не делом, иначе люди спросят с тебя сполна”.

Чтобы и в этот раз хоть немного сдержать начавшиеся против меня нападки, я решил сделать встречный ход: подал заявление в народный суд с требованием привлечь авторов статьи ”Что же вы хотите, Фефелов?” к ответственности за клевету против меня в печати. Советский закон предусматривает такую меру защиты, хотя я не знаю случая, чтобы это было когда-нибудь применено на практике. Я понимал тщетность этой попытки, но другого выхода пока не видел: это был всего лишь отвлекающий маневр. Судья Зимина долго не хотела принимать моего заявления, куда-то подолгу уходила, с кем-то созванивалась по телефону, говорила, что статья ”целиком и полностью соответствует действительности” и т. д. Вскоре она пришла ко мне на квартиру с просьбой взять заявление обратно и с предложением наоборот: написать в газету покаянное письмо. ”После опубликования этой статьи Вы будете лишены всех льгот, — сказала она, — а еще хуже, Вас могут посадить в тюрьму, где Вы не проживете и двух недель...” (Кстати, сотрудники КГБ уже заявляли, что мне не удастся возбудить дело против газеты о клевете против меня, а за деятельность, описанную в газете, я понесу уголовную ответственность.) Я согласился с Зиминной. И поскольку статья спрашивает меня: ”Что же Вы хотите, Фефелов?”, я напишу ”Что я хочу”. Впоследствии я написал такое письмо, которое, конечно, нигде опубликовано не было, а лишь нашло распространение в Самиздате.

В эти дни проводимой против меня кампании сотрудники КГБ не забыли и мою жену. Однажды Шибяев, Маликов и

Перепелкин приехали к ней в детские ясли, где она работала медсестрой. Ей было сказано, что ее могут лишить работы и потом она нигде не устроится. Через две недели этот визит повторился с той лишь разницей, что жену вызвали к председателю райисполкома Семенову. Кроме Семенова в кабинете уже сидели Шibaев, Маликов и Перепелкин:

— Ольга Фадеевна, — обратился к ней Семенов, — на Вас поступило заявление от родителей, с детьми которых вы работаете. Они пишут, что не могут доверять Вам дальнейшее воспитание своих детей, так как о Вашем муже написано в газете как об антисоветчике, а Вы же не только не осудили его деятельность, а наоборот, придерживаетесь таких же неправильных позиций. У Вас неправильные взгляды на действительность в СССР, поэтому родители и не могут доверить воспитание своих детей Вам.

— Но ведь я работаю с грудными детьми и при всем своем желании никак не могу воспитывать их, как вы говорите, "в антисоветском духе".

— А коллектив? Разве Вы не влияете на коллектив, в котором работаете? В общем, заявление это не по моей части, оно находится в ведении КГБ, и я передаю заявление товарищам, пусть они решают...

— В конце концов, я не настаиваю на работе именно в детских яслях, — отвечает жена, — пусть переводят меня на другую работу, где меня устраивали бы условия труда, зарплата и сменность работы.

— Не-ет, — возражает Шibaев как истинный хозяин страны, — кто же Вас возьмет в свой коллектив? Ни один коллектив не возьмет Вас на работу. Уволим и на работу не возьмем, а потом и за тунеядство посадим.

— Чем Вы занимаетесь? — снова вступает в разговор Семенов и начинает убеждать жену, как все это нехорошо, нечестно и преступно. — Ведь Вы не инвалид, кто дал Вам право выступать от имени инвалидов? Кто Вас уполномочивал?

— Мы-то всегда думали, что это Валерий на нее влияет, — перебивает Шibaев, — но, скорее всего, это она на него влияет. За то время, пока она живет у него, вон он как

активизировался. Нужно и на нее такую же статью написать.

(Наконец-то выяснилось истинное авторство статьи!)

— Ведь материалов у нас уже достаточно для того, чтобы можно было даже завести уголовное дело против Вас, — продолжает Шibaев. — Если не поймете, Ольга Фадеевна, изолировать Вас придется, а детей отнимем... Если хоть одну подпись свою поставите еще где-нибудь, мы заводим на Вас уголовное дело, подумайте хорошенько...

— Законы у нас, к сожалению, слишком гуманные, — с тоской произносит Семенов. — Был бы сейчас у нас Берия, мы бы с Вами не так разговаривали... Демократии у нас много, и такие, как Вы, этим пользуются.

В конце разговора сотрудники КГБ посоветовали жене "подумать" и перестать заниматься "клеветой":

— Иначе не так будем разговаривать. С работы уволим, и не возьмут никуда, придется уезжать из Юрьев-Польского... и вообще, уголовное дело заведем и посадим...

После травли меня в местной печати по городу поползли самые невероятные слухи, придумать которые могли только люди с очень низким культурным уровнем. А власти особенно стали нетерпимы к нашей семье. Начальник милиции Чижиков однажды даже так и сказал, когда мы указали ему на одну из очередных хулиганских выходок против меня: "Вы против советской власти, поэтому к ней больше и не обращайтесь".

Достаточно характерен следующий эпизод. Однажды мы с женой обратились в нотариальную контору г. Юрьева-Польского с просьбой дать жене доверенность на управление автомобилем моего брата Владимира. (У жены были водительские права, у моего брата — "Запорожец".) Вот какой разговор состоялся при этом:

Шалашов (нотариус г. Ю.-Польского): Я не могу дать вам такой доверенности.

Жена: Почему?

Шалашов: У меня есть на то основания.

Жена: Какие основания?

Шалашов: Я не могу сейчас их вам сказать, но они есть.

Я: Значит, только по каким-то своим надуманным соображениям Вы отказываетесь дать моей жене эту доверенность? На каком основании Вы нарушаете закон?

Шалашов: Есть все основания предполагать, что эта машина будет использована вами не по назначению...

Я: Как это понимать?

Шалашов: У меня была консультация с одним высоким начальством, которое объяснило мне, что машина будет использована вами в ущерб интересам государства. (!)

Кто такие "высокие начальники", думающие об охране интересов государства, думается, уточнять не нужно. Но о том, что "охрана" эта состояла фактически в заключении меня под домашний арест, было ясно как день. Поэтому, несмотря ни на что, я продолжал ездить на своем маленьком автомобиле, стараясь выезжать из дома больше по ночам, и возвращаться ночью. Я даже знал, когда меньше всего можно попасться на глаза инспекторам ГАИ и знал, когда их чаще всего можно встретить на дорогах. Например, после полудня в четверг и пятницу и носу нельзя было высунуть из дома — все главные перекрестки в городе буквально кишели ими, чтобы ловить пьяных шоферов или тех, кто возит краденое со строек или из совхозов и колхозов (зерно, кирпич и т. д.) Я всегда поражался — в таком маленьком городе как Юрьев-Польский, с населением в 25 тысяч, так много милиции. Ходили слухи, что штат милиции был еще далеко не полон...

Но вот однажды мне срочно понадо билось ехать в г. Александров, за 75 км. Это было 2 июля 1981 г. Не успели мы с женой выехать из города, нас догоняет на своем "Москвиче" инспектор ГАИ старший лейтенант Шекк. Прекрасно зная о том, что водительских прав у меня нет, я уже давно их лишен, Шекк стал снимать с машины номерные знаки — "вы только небо коптите, а мы работаем". Провозившись с креплением номера минут 15, он так и не смог снять его, так были заржавлены болты. Бросив с досадой, "ну и но-

мера у вас”, он потребовал вернуться в гараж, сопровождая нас до самого дома.

В тот же день вечером ко мне явился другой сотрудник ГАИ Попков и долго, настойчиво уговаривал меня, чтобы я сам снял с машины номера и отдал их в ГАИ, обещая взамен вернуть мне водительские права, а через 3 дня — новый автомобиль. Весь этот вечер милиция на машинах поочередно дежурила около нашего дома.

На следующий день ко мне явились сразу Шекк и Попков.

— Ночью кто-то украл кузов ”Запорожца”, и нам нужно уточнить номер кузова Вашей автомашины.

— Но ведь вы только вчера его ”уточняли”... — отвечаю я.

— Нет, надо уточнить еще раз.

Они выкатили машину наполовину из гаража и Шекк с гаечными ключами бросился снимать передний номерной знак. Я попытался вмешаться, но на коляске было невозможно проехать через узкое пространство между гаражом и машиной. Злорадно поглядывая на мои тщетные усилия проехать, Шекк торопливо откручивал болты. Видя, что на сотрудников ГАИ никакие мои слова о незаконности подобного рода действий не оказывают никакого влияния, я слез с коляски и пополз в гараж. Закрыв номерной знак своим телом, я потребовал прекратить беззаконие: ”Можете хоть убивать меня, но снимать номера не дам”.

— Мы хотим по-хорошему, Валерий, — с угрозой сказал Попков.

— Если хорошим делом вы считаете снять номера с машины парализованного инвалида, то и говорить мне с вами не о чем.

Видя, что дело усложняется, сотрудники ГАИ не решились оттащить меня на глазах у собравшихся соседей. Шекк и Попков сели в милицейскую машину и уехали...

Между прочим был момент, когда сотрудники КГБ в ”воспитательных целях” уже было хотели вернуть мне водительские права. Но если я снова буду вести себя ”плохо”, то права на управление автомобилем меня лишат снова. В

одной из бесед сотрудников КГБ с моей женой произошел такой разговор:

Шубаев: Мы могли бы отдать Вашему мужу водительские права. Но мы не уверены, исправится он или нет... Поэтому мы хотели бы попросить Вас: если он будет продолжать заниматься своей деятельностью, Вы должны будете нам помочь, чтобы мы могли снова отобрать у него права.

Жена: Что я должна сделать?

Шубаев: Ну, например, Вы бы поехали со своим мужем на машине куда-нибудь в лес, предварительно нам об этом сообщив. Выпили бы в лесу вина, и все...

— Да нет, это непорядочно, не по-мужски... — возразил было подполковник Коровушкин.

— Почему непорядочно? — обрушился на него Шубаев, — нужно думать по-государственному и делать то, что необходимо в интересах государства.

В надежде, что я не буду чересчур утомителен читателю, я позволю себе рассказать еще об одном случае. Было это почти накануне моего выезда из СССР, в середине 1982 года. Через народный суд мне наконец-то удалось отвоевать еще одну путевку в санаторий. 12 мая того года я приехал в санаторий "Славянский", который и находится в г. Славянске Донецкой области. Через две недели дежурная медсестра отделения объявила о предстоящей беседе зам. главного врача с больными в клубе. Настойчиво предлагалось явиться на беседу и мне, — "беседа эта касается всех, поэтому и Вы должны быть там...". Спустя полтора часа, когда я снова появился в палате, узнаю, что все имеющиеся в шкафу чемоданы и сумки больных по палате перенесены в камеру хранения, в том числе и мои вещи. Через некоторое время меня вызывает к себе главный врач санатория Деревянко. Еду к нему на коляске и вижу, кроме Деревянко по разным сторонам его кабинета сидят еще трое мужчин.

— Вот, Валерий Андреевич, при транспортировке Вашей сумки из нее выпали бумаги, содержащие антисоветский характер, — говорит Деревянко, — поэтому мы вызвали этих товарищей, которые хотели бы с Вами по беседовать.

Узнаю на столе главврача мои "выпавшие из сумки" бумаги: 2 Бюллетеня (№№ 8 и 10), газета "Русская Мысль" и др.

— Мне хотелось бы узнать, — спрашиваю я Деревянку, — как из запертой сумки они попали к Вам на стол. Они не могли выпасть, их можно было только выкрасть.

— Нет-нет, — вступает в разговор один из сидевших ближе всех ко мне мужчина, — они выпали...

— И мы считаем, — добавляет другой, — что наличие у Вас этих материалов несовместимо с Вашим пребыванием в санатории.

— Извините, — спрашиваю я, — но я вас еще не знаю. Может скажете, кто Вы?

— Мы из госбезопасности г. Славянска.

— Ну, тогда представьтесь.

После некоторых колебаний сидевший ближе ко мне достает книжечку старшего лейтенанта КГБ Попова.

— Да-да, — не унимается второй, — эти документы и Ваше пребывание здесь несовместимы, и мы будем ставить вопрос о выписке Вас из санатория.

— А Вы кто будете? — спрашиваю.

— Я секретарь парторганизации санатория, но... может быть не обязательно показывать Вам свои документы?!

— Пожалуй, не обязательно, — соглашаюсь я.

Вступает в разговор до сих пор молчавший 4-й мужчина:

— Откуда у Вас эти документы, кто Вам их дал?

— Это мои личные бумаги, и потом я еще не знаю кому отвечаю?..

"4-й" замаялся. По всему было видно, что это был сам начальник славянского Управления КГБ.

— Какое это имеет значение?

— Очень простое, я не разговариваю с незнакомыми мне людьми на такие темы.

— Хорошо, — "выручает" "4-го" Попов, — тогда этот вопрос задаю Вам я.

— Я не считаю для себя необходимым отвечать на этот вопрос.

— Почему?

— Потому что такому же допросу подвергнется и тот, у кого я взял эти документы.

— А зачем Вы пишете в "Русскую Мысль"? — снова спрашивает "4-й", разворачивая газету. — Вот тут есть Ваша статья о А. Марченко.

— Потому что он — инвалид, потерявший свое здоровье в тюрьмах и лагерях, — отвечаю я. — А сейчас он получил новые 15 лет лишения свободы.

— Но зачем же это писать в махровой антисоветской газете?

— Мне все равно какого Вы мнения о "Русской Мысли". Я считаю, какая бы газета ни опубликовала правду об этом человеке, правда эта все равно останется правдой.

— Нам известно, что Вы связаны и с западными организациями... — слово "западные" у "4-го" прозвучало настолько саркастически, что при этом он даже поморщился. — Зачем Вам это нужно?

Новая уловка КГБ: зачем перечислять какие именно "западные организации", а вдруг попадется?..

— Я не отрицаю своих отношений с западными *инвалидными* организациями, — подчеркнул я это слово. — А зачем мне это нужно, Вы никогда не были инвалидом, чтобы это понять.

В своих беседах с кагебешниками я старался всегда допускать некоторую свободу в своих выражениях. По их поведению я видел, что препятствием к более жестоким и суровым мерам ко мне была все-таки моя инвалидность и то, что я был известен не только узкому кругу людей. "Вам не деньги нужны, вы не для этого занимаетесь всем этим, — заметил однажды подполковник КГБ Коровушкин, — вы *политический* капитал копите..." Поэтому, в конце разговора, на предложение работников КГБ уезжать из санатория я категорически отказался. "Если им надо, пусть отправляют с милицией, — подумал я. — Пусть на виду у всех грузят меня в "воронок" и везут на вокзал". И действительно, вскоре мой лечащий врач приносит подписанный Деревянко

”Приказ” о моей досрочной выписке из санатория. Причем в ”Приказе”, помимо найденных у меня ”антисоветских документов” значится еще и их ”распространение”.

— Распишитесь, — показывает мне врач место под ”Приказом”.

— Здесь как раз ничего не соответствует действительности, — отвечаю я. — Поэтому зачем я должен подписываться под своим приговором?

И наотрез отказался от подписи.

Зная, что в подобных случаях огласка может сыграть немаловажную роль, я позвонил по телефону Юрию Киселеву, передал ему происшедшее и свое твердое намерение оставаться в санатории, несмотря ни на что. Расчет был прост: телефон у Ю. Киселева прослушивается сотрудниками московского КГБ, поэтому пусть о случившемся знают еще и в Москве, но уже от меня. Поэтому, если предпринять против меня какие-то чрезвычайные меры, это будет ”на совести” еще и московского КГБ: знали и допустили... В дополнение к этому, на следующий день я написал заявление в народный суд г. Славянска, требуя в нем возвратить мне мои личные бумаги (поскольку санкции на их изъятие не было) и... наказать виновных в воровстве. Мой расчет оправдался. На следующий день меня уже никто не беспокоил. Еще через день ко мне снова подходит лечащий врач и голосом, заискивающим и даже как-то торжественно и таинственно произносит:

— Ввиду Вашего положения, Валерий Андреевич, главный врач санатория разрешил Вам остаться в санатории до конца срока путевки.

Сразу стало понятно, откуда исходит эта ”милость”.

— А почему он такой беспринципный и бессовестный, этот Ваш главный врач? — спрашиваю я лечащего врача.

— Как это?.. — не сразу поняла она вопрос.

— Очень просто: сначала выписывает, издает ”Приказ”, а потом сам же его и отменяет?

— Я ничего не знаю, — замахала она руками. — Мне было поручено это передать, вот я и передаю...

Конечно, власти и КГБ не обошли своим "вниманием" других членов Инициативной Группы, Юрия Киселева и Файзуллу Хусаинова. Обыски, шантаж, угрозы заключением в тюрьму или в психбольницу и т. д. припало испытать и им. Ю. Киселева, после одного из обысков, на следующий день, избили неизвестные в подъезде его дома. Накануне XXVI съезда КПСС, проходившего в конце февраля — начале марта 1981 года, к Ю. Киселеву под предлогом проверки паспортного режима толпой пришли милиционеры, стали ломиться в дверь, угрожая ее взломать. Затем поставили в подъезде караул из 5-ти человек и выключили свет в квартире. Начальник караула, подчеркивая гуманность всевластных органов, от их имени сквозь дверь прокричал: "Пока тебя терпят — еще живешь, но скоро мы тебя прикончим!"

Это было накануне съезда. А сразу же по его окончании, в ночь с 4 на 5 марта, видимо, в ознаменование этого события, был подожжен и сгорел дотла дом-мастерская Ю. Киселева в Крыму вместе с находившимся там имуществом и мотоколяской. Об этом доме хотелось бы сказать особо. Ю. Киселев сам спроектировал и построил в Крыму этот первый и до сих пор единственный в Советском Союзе дом, полностью отвечающий специфике потребностей инвалида. Ни одна советская проектная организация никогда не занималась ничем подобным. Поистине дом этот можно считать чудом. На высоком холме, видимый со всех сторон поселка, стоял дом, построенный безногим инвалидом буквально *своими руками*. Ю. Киселев сам рыл траншеи и клал кирпичи, а когда ураганом сорвало крышу, сам восстанавливал ее, забравшись наверх. Ю. Киселеву помогали многие его друзья и нужно ли говорить о том, сколько любви, труда и надежд вложил этот удивительный человек в дело рук своих. Летом со всего Советского Союза съезжались туда его друзья, знакомые и т. д. Поэты читали там свои стихи, барды пели свои песни, музыканты играли на разных инструментах...

Сейчас дома Ю. Киселева в Крыму больше нет. Его сож-

Юрий Киселев

гли, а затем бульдозерами и отбойными молотками снесли оставшиеся после пожара каменные стены. Кому же этот дом помешал? Кому было выгодно лишить инвалида его убежища, политого трудовым потом? Как впоследствии выяснилось, двое неизвестных в штатском в тот вечер перед пожаром ходили по соседям, спрашивая керосин. Затем нахально, на виду у всех взломали дверь дома, включили свет, находились внутри до глубокой ночи. А в 3 часа все вспыхнуло, как огромный факел.

В этой цепочке событий, в ее жестоко направленной последовательности — угрозы, обыски, избиение и пожар не могут быть случайностью. Никто не поверит, что кто-нибудь из простых людей безо всякого повода способен избить парализованного или человека без ног. Мало кто способен поджечь дом, тем более, что он был достаточно известен по стране и за ее пределами, и был выстроен руками инвалида с помощью его друзей. И уж тем более выясняется подлинное положение событий, если Ю. Киселеву уже задолго до этого грозили уничтожить его дом тем или иным способом и расправиться с ним самим, если он не прекратит правозащитной деятельности. Перед этим по несколько раз в месяц в дом врывалась милиция, осматривала его и переписывала фамилии гостей, рассчитывая, вероятно, этим их запугать. А во время одного из обысков следователь Бурцев заявил: "Это для вас *плохо кончится...*". И действительно, дом можно поджечь разве что из жажды мести, из желания сделать человеку зло. Интересно и то, что для подготовки местного населения к этой акции в поселке, где этот дом простоял без малого четверть века, специально распространялись слухи о том, будто Киселев (его там знают все и уважают) "связался с бандой, спекулирующей наркотиками, за что из мести бандиты и сожгли дом, а сам он посажен в тюрьму за пьянство, разврат и торговлю наркотиками". Таким образом, бездушная государственная машина отомстила Ю. Киселеву за его правозащитную деятельность, целью которой было улучшение положения инвалидов в СССР.

Сейчас продолжают постоянно ломать автомобиль Ю. Киселева, особенно на дни торжественных праздников или событий. Так, например, на время Олимпиады прокололи колесо и отвернули стеклоочиститель. А на День Прав Человека, который каждый год 10-го декабря проводится в Москве на Пушкинской площади молчаливой демонстрацией, в машине Ю. Киселева происходят самые неожиданные поломки, — то испортился аккумулятор, то отвернули фары и так далее. И весь этот ремонт ему приходится делать своими руками, так как стоимость работы на станции техобслуживания очень высока. Однажды, когда Ю. Киселев не смог поехать на демонстрацию на машине, он решил поехать на троллейбусе. Прямо на остановке его схватили неизвестные в штатском, насильно засунули в машину и отвезли в милицию, где продержали весь вечер. При этом у Ю. Киселева отлетели пуговцы на рубашке, куда-то была выброшена одна из специальных палок, которые служат ему опорой при передвижении, а один из непредставившихся назвал его "сукой". Перед расставанием начальник группы задержания ради благополучия Ю. Киселева цинично посоветовал ему "не вылезать из дома".

Неизвестно, сколько еще предстоит выстрадать Ю. Киселеву, так как известно, что власти в СССР никогда не успокаиваются до тех пор, пока человек еще окончательно не сломлен, пока в нем остались хоть небольшие ростки справедливости, пока он продолжает оставаться непримиримым к злу, насилию и произволу. Таков Юрий Киселев... И пусть каждый, кто прочтет эти страницы, помнит о борьбе мужественного человека за право жить по-человечески и думает о том, как помочь ему во исполнение общечеловеческого долга помощи брату, попавшему в беду...

„Запорожец” Ю. Киселева

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В мае 1981 года моя жена была вызвана в Управление КГБ г. Владимира, где ей сказали, чтобы мы подавали заявление на выезд из СССР. "Да что вы, какой выезд, — начала возражать жена, — да у нас за границей и родственников-то нет, которые могли бы послать нам вызов..." — "Это неважно, вы только захотите, а "родственники" найдутся..." Но мы принципиально отказались уезжать.

Ровно через год, после 5-го обыска в моей квартире сотрудниками КГБ, в мае 1982 г., на меня было заведено уголовное дело по ст. 191 УК РСФСР "сопротивление властям". Участились и визиты сотрудников КГБ, всякий раз с предложениями уезжать, — "иначе посадим, так что другого выбора у вас нет". Следователь Цыклинский: "Что же Вам, Валерий Андреевич, еще остается делать, ведь статья предусматривает срок заключения до 5-ти лет!..".

Вызов пришел удивительно быстро, всего за 6 дней (судя по почтовому штемпелю). Мы начали оформлять документы на выезд. Разумеется, все это было связано с огромной бю-

рократической волокитой и сбором всевозможных бумаг. Власти г. Юрьева-Польского, к которым приходилось обращаться, уже давно зачислили нас в категорию "антисоветчиков" и "отщепенцев". Поэтому всякий раз они заставляли нас подолгу ходить за каждой бумажкой. Вот уж поистине, правая рука не знает, что делает левая... Наконец-то, решил я, если наш выезд из СССР нужен прежде всего не нам, а КГБ, пусть они и оформляют документы. Стоило нам обратиться к начальнику УКГБ г. Кольчугино Маликову, "обслуживающего" наш район, по тому или иному вопросу, как все решалось без всяких замедлений. Мы отказались даже выплачивать по 700 рублей за каждого из нас за отказ от гражданства, и ничего, только пришлось написать объяснение, что таких денег у нас нет. И действительно, где нам было их взять?

Наконец, документы собраны и мы получили выездные визы в ОВИРе г. Владимира. Уже перед тем, как мы должны были выезжать на нашем "Запорожце" из г. Юрьева-Польского, к нам пожаловал сам Павел Павлович Маликов, чтобы "высказать несколько напутственных слов", которые сводились к тому, чтобы "не клеветать на Западе...". С женой П. П. Маликов был более откровенен: "Не думайте, что на Западе вы будете в безопасности, — если надо, мы вас и там достанем...". Вот какой диалог произошел у меня с Маликовым после таких "напутственных слов":

— Я знаю, что вы, Валерий Андреевич, хотите ехать в ФРГ, — сказал Маликов, — уж вас там, наверное, хорошо встретят...

— Как всех выезжающих... — ответил я.

— Вы, наверное, едете к этому, как его? — делает Маликов вид, будто забыл имя человека, к которому мы "едем".

Я сразу понял уловку Маликова и кого он имеет в виду, но не подал виду.

— Кого Вы имеете в виду?

— Ну этого, как его?... — при этом Маликов сделал даже жест рукой, как бы прищелкивая пальцами. — Который тоже недавно уехал...

— А! — ответил я "понимающе", — как же, к нему едем!

На лице Маликова выразилось удовлетворение от удачно сыгранной им роли.

— К Мюльбергу... — добавил я после небольшой паузы.

Лицо Маликова приняло разочарованный вид.

— Да нет, не к нему, а к этому, ну, как его, ну!.. — ждал он моего ответа. — К Любарскому, да?!..

— Извините, — еще больше разочаровал я Маликова. — Любарского я почти не знаю, даже не видел никогда, как же я к нему поеду?

...19 октября 1982 года мы приехали в пограничный город Чоп. В 9 часов утра подъехали к контрольному посту, граничащему с Венгрией. Спросили одного из пограничников, стоящего у шлагбаума, как долго займет вся процедура переезда через границу. "Да как обычно, минут пятнадцать, не больше", — ответил тот и показал нам куда мы должны подъехать для осмотра машины и проверки документов. Подъезжаю к смотровой яме, рядом с которой стол длиной метров в двадцать. Выходит служащий таможни, осматривает наши выездные документы, уходит. Минут через 15 нам предлагают подъехать к другой смотровой яме, с обратной стороны здания, где проверяют грузовые автомашины. Предлагают вынуть из машины все вещи и занести в специальную комнату для осмотра. Молча выполняем все указания таможенников, при этом переносить вещи нам помогает какой-то простой рабочий. "За что это вас так?.. — не удержался он. — Первый раз вижу, чтобы так проверяли!". Затем нам предлагают каждому по отдельности, в том числе детям, пройти в небольшую комнату для личного осмотра. Там уже проверяют все, вплоть до нижнего белья, которое заставляют снимать тоже... всей процедурой обыска, как потом выяснилось, руководил сам начальник таможни Глеба и специально приехавший для этого из Москвы сотрудник КГБ.

Пока таможенники осматривают наши вещи, куда-то предлагают пройти жене "для беседы"... "Потом поговорят с Вами", — сказали мне. Оказывается, как и Маликов, при-

ехавший из Москвы гебешник тоже захотел сказать нам "последнее напутственное слово" — не клеветать на Западе. Правда, меня к нему так потом и не вызывали...

Вскоре приступили к обыску машины. Московский гебешник предупредил жену: "Если везете что-нибудь из антисоветской литературы, отдайте сразу, иначе все равно найдем... двери с машины снимем, а найдем!". И действительно, машину осматривали особенно тщательно: снимали колпаки с колес, отворачивали фары и подфарники, что-то засовывали в бензобак, специальным прибором просвечивали запасное колесо, жестяные банки с автолом и т. д. Обыск длился до половины пятого вечера. В итоге у нас отобрали 252 фотографии моих друзей, знакомых, правозащитников. Не отдали пенсионную книжку ("не положено"), а о газете "За коммунизм", в которой была напечатана обо мне статья "Что же вы хотите, Фефелов?" Глеба сказал: "Зачем она Вам, если Вы ее уже читали? Больше она Вам не понадобится...". Когда обыск был закончен и составлен протокол об изъятых у нас документах, было уже около 5-ти часов вечера. Вся таможня, и даже сам Глеба, вышли нас проводить перед тем, как мы на "Запорожце" переедем советско-венгерскую границу (не вышел только московский гебист): "Вы уж, Валерий Андреевич, напишите нам, как устроитесь на Западе, — а может быть еще и вернетесь!?"

Я не буду останавливаться на том, как мы проезжали Венгрию. Чувствовалось, что это уже другая страна, другой мир. Один раз только встретился нам военный грузовик с советскими солдатами, где-то в районе Дебрецена. Хотелось бы сказать еще только о пограничном пункте на австро-венгерской границе, где нам пришлось ждать еще около 2-х часов, прежде чем нас пропустили в Австрию. Особенно запомнился металлический шлагбаум в диаметре не меньше метра, который нам открыли... И, вот она, Австрия. Только здесь я почувствовал, что уже недосыгаем для всяких провокаций, которых невольно ждал на всем пути от Юрьева-Польского...

Уже здесь, на Западе, мне стало известно, что после наше-

го выезда из СССР в г. Юрьеве-Польском стали распространяться слухи, будто я "погиб в автомобильной катастрофе". Затем стали говорить, что я просто "умер, а жена пошла по миру". Как недавно мне сообщили, меня уже давно там "похоронили". Уже официальные лица не стесняясь распространяют такой слух, будто меня "уже давно нет в живых". Мне хорошо понятно желание властей г. Юрьева-Польского и КГБ меня "похоронить". Почему бы это и не сделать в назидание всем жителям города? Рассказывают же советские пропагандисты, что якобы на Западе люди умирают от нищеты (от голода, холода и т. д.), тогда как СССР — самая счастливая страна в мире.

А вот и еще одна, с одной стороны, очень трагичная весть. В июне 1983 года в психбольницу был помещен мой знакомый, инвалид, Василий Первушин из г. Новосибирска.

Во время следствия над ним, прокурор сказал родным В. Первушина: "Первушин хороший, но глубоко больной человек, попал под влияние уголовной Инициативной Группы, якобы защищающей права инвалидов. Одного из них мы уже посадили в психбольницу, а другой — сбежал за границу". Интересно, как прокурор г. Новосибирска представил себе инвалида на коляске, пересекающего советскую границу, которая, как утверждает советская пропаганда, "самая надежная в мире!"..

Прежде чем закончить эту книгу, мне хотелось бы привести слова моего последнего куратора и "опекуна" Маликова из его "последнего напутственного слова": "Не пройдет и года, как вы захотите вернуться, поэтому ведите себя тихо, чтобы оставить тем самым возможность вернуться обратно... Все зависит от меня, какую я вам дам характеристику!"

Что можно ответить на это? Нет, дорогой Пал Палыч, прошло уже более 2-х лет, а у меня все еще свежи в памяти ваши угрозы, обыски и все то, о чем я уже писал выше. Я не хочу идеализировать Запад и говорить хороший он или плохой. Главное, что я чувствую — это то, что я свободен. Ко мне не ходят с обысками и мне не нужно больше пря-

тать и перепрятывать свои рукописи или пишущую машинку. Мне не нужно больше унижаться в официальных учреждениях по тому или иному поводу. Не нужно гадать, — если я куда-то поехал, поймают меня или нет?!. В любое время я могу сесть в свой "фольксваген" и поехать не то что в другой город, но в любую страну, и меня не будут шмонать на границе... И вообще, я чувствую себя здесь человеком и куда более уверенно, чем в Советском Союзе. Ко мне относятся как к равному члену общества, каковым я и являюсь. Только тогда я подумаю о возвращении, когда такие же условия жизни будут созданы для всех моих коллег по несчастью...

СОДЕРЖАНИЕ

Биография	5
Предисловие	8
Глава 1. Общее положение инвалидов в СССР	9
Глава 2. Дома инвалидов	37
Глава 3. Инвалиды войны	42
Глава 4. Инвалиды-заключенные	51
Глава 5. Инвалиды — изгои общества (социальные и политические причины)	79
Глава 6. Инвалиды на Западе	105
Глава 7. Создание Инициативной Группы защиты прав инвалидов в СССР	122
Заключение	158

Жорж Нива

СОЛЖЕНИЦЫН

Перевел с французского Симон Маркиш
в сотрудничестве с автором

Наиболее серьезная работа, посвященная Солженищину, из всех, написанных до сегодняшнего времени. Книга содержит биографию писателя и подробный анализ его творчества. Особый интерес представляет исследование религиозных, философских, политических и историософских взглядов Солженищина. Библиография, фотографии.

248 стр.

8 ф. ст.

Михаил Восленский

НОМЕНКЛАТУРА

Господствующий класс Советского Союза

Предисловие Милована Джиласа

556 стр.

12 ф. ст.

Евгений Николаев

ПРЕДАВШИЕ ГИППОКРАТА

Бесценное свидетельство о злоупотреблении психиатрией
в борьбе с инакомыслием.

328 стр.

8 ф. ст.

Вольфганг Леонгард

РЕВОЛЮЦИЯ ОТВЕРГАЕТ СВОИХ ДЕТЕЙ

Второе, дополненное издание

В 1935 г. выросший в Берлине тринадцатилетний Вольфганг Леонгард уехал вместе с матерью в Москву. Год спустя его мать (во время Первой мировой войны член Союза Спартака, потом компартии Германии, с 1925 г. принадлежала к независимым левым) была арестована НКВД и 12 лет провела в лагерях. Вольфганг Леонгард получил образование в школе Коминтерна. В начале 1945 года он, в составе „группы Ульбрихта“, поехал в тогдашнюю советскую зону Германии, где получил важные задания от ЦК СЕПГ. Весной 1949 г. Леонгард пробрался в Югославию, протестуя против сталинизма. С 1950 г. живет в теперешней ФРГ. Занимается публицистической деятельностью и ежегодно в осеннем семестре читает в Йельском университете лекции по истории СССР и мирового коммунистического движения. В книге „Революция отвергает своих детей“ Вольфганг Леонгард рассказывает о своей жизни в Советском Союзе и о четырехлетнем пребывании в центральном аппарате СЕПГ.

594 стр.

7 ф. ст.

Ален Безансон

РУССКОЕ ПРОШЛОЕ И СОВЕТСКОЕ НАСТОЯЩЕЕ

Перевод с французского А. Бабича

Предисловие М. Геллера

388 стр.

7 ф. ст.

Михаил Геллер

МАШИНА И ВИНТИКИ

История формирования советского человека

320 стр.

8 ф. ст.

Алексей Мурженко

**ОБРАЗ СЧАСТЛИВОГО ЧЕЛОВЕКА,
ИЛИ ПИСЬМО ИЗ ЛАГЕРЯ ОСОБОГО РЕЖИМА**

Под редакцией Михаила Хейфеца

Предисловие Эдуарда Кузнецова

254 стр.

5.40 ф. ст.

На английском и голландском языках эту книгу можно заказать по адресу: Stichting Comite Vladimir Boekovsky, Postbus 51049, 1007 EA Amsterdam

Документацию "ИНВАЛИДЫ В СССР" на немецком языке можно заказать: Internationale Gesellschaft für Menschenrechte, Kaiserstr. 72, 6000 Frankfurt am Main 1, West Germany; 68 стр., 6 нем. марок